

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,

**посвященный 75-летию со дня рождения
и 50-летию научно-педагогической деятельности почетного работника
высшего профессионального образования Российской Федерации,
доктора юридических наук, кандидата философских наук,
профессора Георгия Генриховича БЕРНАЦКОГО**

*Под редакцией
кандидата юридических наук, доцента Е.А. Агеевой*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2026

ББК 67.0
П68

П68 **Право и государство: история и современность** : сборник научных статей, посвященный 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности почетного работника высшего профессионального образования РФ, доктора юридических наук, кандидата философских наук, профессора Георгия Генриховича Бернацкого / под ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Агеевой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2026. – 285 с.

ISBN 978-5-7310-6996-0

В сборнике опубликованы научные статьи видных российских ученых, известных преподавателей, а также статьи аспирантов, магистрантов, бакалавров.

Сборник рассчитан на преподавателей, ученых, аспирантов, студентов, юристов-практиков, интересующихся современными проблемами права и государства.

The collection contains scientific articles by prominent Russian scientists, renowned teachers, as well as articles by graduate students, undergraduates, and bachelors.

The collection is intended for teachers, scientists, postgraduates, students, and legal practitioners interested in the modern problem of law and the state.

ББК 65.291.2
ГРНТИ 06.58.49

Рецензенты:

Дорская А.А. — д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой общетеоретических правовых дисциплин и заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Цыбулевская О.И. — д-р юрид. наук, профессор, засл. работник высшей школы РФ, зав. кафедрой «Теории права» Поволжского института управления

ISBN 978-5-7310-6996-0

© СПбГЭУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

СТАТЬИ УЧЕНЫХ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Агеева Е. А., Трубецкая А. А. Ученый, педагог, наставник: к юбилею Георгия Генриховича Бернацкого	6
Агеева Е. А. У истоков проблемы юридической герменевтики	12
Антонова Н. А. Муниципальное правотворчество: проблемы осуществления на современном этапе	16
Бернацкий Г. Г. Диалектика естественного и позитивного права в учении Е. Н. Трубецкого	27
Героев Д. П. К вопросу о понятии нормы права и ее основных признаках	46
Долгаев В. В. Шевченко М. П. Ответственность за вред, причиненный автономными транспортными средствами: сравнительный анализ российского и зарубежного подходов	57
Елизаров В. П. Правовое регулирование политических финансов: опыт Федеративной Республики Германии второй половины XX — начала XXI в..	62
Игнатьева С. В. Основные тенденции развития международного и конституционного законодательства России в свете современных вызовов и угроз ее безопасности	71
Ищенко Н. С. Трансформация системы сельского хозяйства — гарантия устойчивого развития в рамках обеспечения продовольственной безопасности и здоровья нации	78
Ключевская О. А. «Третья миссия университетов» — механизм реализации функции государства	91
Крайнова Н. А. Понятие ресоциализации и практическое значение его пениологического толкования	95
Кремлёва О. К. Проблемы правового обеспечения корпоративного управления и соблюдения принципов ESG в условиях фрагментирования мировой экономики	103
Ломакина Е. О. Элементы и признаки состава преступления: теоретико-правовой анализ и пути их законодательного определения	113

Макарова О. А. Корпоративное законодательство: состояние и перспективы его развития.....	119
Максина С. В. Отдельные проблемы регулирования рабочего времени и времени отдыха в трудовом законодательстве Российской Федерации ...	129
Максина С. В., Фоника А. С. Наследственный договор в российском праве: отдельные проблемы теории и перспективы практики	133
Новикова И. Ф. К вопросу обжалования решений по гражданским делам в апелляционном и кассационном порядке	139
Поцелуев Е. Л. Нематериальная ответственность государства за нарушение норм современного международного права.....	149
Радошнова Н. В., Потемкина Е. В. Подвиг энергетиков блокадного Ленинграда	161
Сергеев А. П. Динамика условий взыскания компенсаций за нарушение исключительного права под влиянием постановлений Конституционного Суда РФ	168
Стрельников С. В. Правовые основания престолонаследия в России в XIV-XVIII веках	176
Третьякова К. В. Православный взгляд на деформации правосознания.....	184
Трофимов В. В. О факторах развития права и их современной интерпретации	196
Трубецкая А. А. Перспективные направления использования искусственного интеллекта на примере судебной системы РФ.....	208
Цыбулевская О. И. Гармонизация социальных регуляторов как фактор укрепления национальной безопасности России	214
Черноков А. Э. Религиозные каноны как источник права (на примере мусульманского права)	221

РАЗДЕЛ II

СТАТЬИ АСПИРАНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, БАКАЛАВРОВ

Астраханцев А. И. Правовое регулирование транспортировки угля в Российской Федерации: транспортный и экологический аспект	232
Боряев С. А. Правовое значение добровольного раскрытия информации в сфере корпоративной социальной ответственности в США.....	238

Дунаев Н. К., Карельский Г. А. Административный прецедент как источник права	244
Елизаров М. С. Сравнительный анализ правового регулирования возобновляемых источников энергии в России и США	249
Панченко С. В. Некоторые проблемы квалификации преступлений по ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	255
Помогайбо А. А. Правовое регулирование добычи энергоресурсов на территории континентального шельфа	266
Рустамов Т. М. Самозапрет на кредитование в системе гражданско-правовых способов защиты потребителей.....	273
Уваркин К. А. Особенности государственных закупок в атомной сфере России	278

РАЗДЕЛ I
СТАТЬИ УЧЕНЫХ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

УДК 340

Агеева Е. А.,

канд. юрид. наук,

*доцент каф. теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»*

Трубецкая А. А.,

*ассистент каф. теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»*

**УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, НАСТАВНИК:
К ЮБИЛЕЮ ГЕОРГИЙ ГЕНРИХОВИЧА БЕРНАЦКОГО**

Аннотация. Данный материал посвящен юбилею и 50-летию работы в высшей школе ученого, преподавателя и коллеги Г. Г. Бернацкого, чья жизнь — это пример плодотворного взаимодействия теории и практики.

Ключевые слова: наука, преемственность, профессиональная деятельность, право, правосознание.

Ageeva E. A.,

Cand. Law. Sciences, Associate Professor

*of the Department of Theory and History of State and Law
FGBOU VO "Saint Petersburg State University of Economics"*

Trubetskaya A. A.,

*Assistant of the Department of Theory and History of State and Law
FGBOU VO "Saint Petersburg State University of Economics"*

**SCIENTIST, TEACHER, TUTOR:
TO THE ANNIVERSARY OF GEORGE GENRIKHOVICH BERNATSKY**

Abstract. This material is dedicated to the anniversary and 50th anniversary of work in higher education of the scientist, teacher, and colleague G. G. Bernatsky, whose life is an example of the continuity of theory and practice.

Keywords: science, continuity, professional activity, law, legal awareness.

Георгий Генрихович Бернацкий родился 23 октября 1950 г. в Ленинграде. В 1968 г. после окончания школы работал слесарем на Ле-

нинградском оптико-механическом объединении и в этом же году был призван в Советскую армию. По окончании службы в армии в конце 1970 г. по направлению войсковой части был зачислен на Подготовительное отделение Ленинградского государственного университета. По окончании Отделения зачислен на философский факультет Ленгосуниверситета. В 1976 г. Г. Г. Бернацкий по окончании обучения по государственному распределению направлен работать ассистентом каф. философии в Ленинградский институт точной механики и оптики. В конце 1978 года поступил в очную аспирантуру Ленинградского института водного транспорта.

В 1982 году Бернацкий Г. Г. защитил кандидатскую диссертацию по философии на философском факультете Ленгосуниверситета по проблемам логики и методологии научного познания. Тема диссертации: «Диалектика взаимосвязи между научными теориями» (научный руководитель — д. ф. н., проф. Кармин А. С.) [1]. В 1986 году Бернацкому Г. Г. присвоено ученое звание доцента по кафедре философии.

В 1987 году Г. Г. Бернацкий приглашен работать на кафедру философии в Ленинградскую высшую партийную школу (ЛВПШ) ЦК КПСС. В 1991 г. ЛВПШ была преобразована в Ленинградский политологический институт, который в 1992 году преобразован в Северо-Западный кадровый центр. В 1992 году Г. Г. Бернацкий приглашен работать в мэрию Санкт-Петербурга в Управление административных органов на должность начальника отдела. В 1993 году Г. Г. Бернацкий назначен на должность заместителя начальника Управления. В 1997 году приглашен на работу помощником первого заместителя Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга С. М. Миронова.

Работа на должностях государственной службы потребовала от Г. Г. Бернацкого получить высшее юридическое образование. С 1994 по 1997 год Г. Г. Бернацкий прошел обучение в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России и по окончании получил диплом с отличием по специальности «юриспруденция» с присвоением квалификации «юрист».

Фундамент любого теоретика права — это понимание «живой» материи права. Работа в государственных органах Санкт-Петербурга, особенно в бурный период политических и социально-экономических преобразований в стране, стала для Г. Г. Бернацкого поистине бесценным опытом, позволившим увидеть механизм права не с парадного

входа, а изнутри — со всей его бюрократической сложностью, необходимостью поиска компромиссов и ответственностью за каждое принятое решение. Работа в системе государственных органов дала Г. Г. Бернацкому главное: понимание опасности для государства разрыва между идеальной нормой закона и её реализацией. Именно там, при столкновении с конкретными судьбами людей и решении сложных государственных задач, приходит понимание того, что обучение правовым дисциплинам и правовое воспитание — это не абстрактные категории, а жизненно важный механизм, позволяющий обществу избегать хаоса и произвола. Осознав, что изменение правовой реальности невозможно без подготовки нового поколения юристов, Г. Г. Бернацкий уходит с государственной службы в академическую среду. Университеты становятся для него новым полем деятельности, направленной на воплощение в жизнь через своих учеников принципов, провозглашенных в новой Конституции России, — принципов правового, демократического, социального государства.

В 1997 году Г. Г. Бернацкий приглашен работать заведующим кафедрой государственного права в Северо-Западную академию государственной службы (СЗАГС). В 1999 году он избран на должность декана юридического факультета СЗАГС.

В 1999 году Г. Г. Бернацкий защитил кандидатскую диссертацию по юриспруденции в Санкт-Петербургской академии МВД России. Тема диссертации — «Теория естественного права Е. Н. Трубецкого» (научный руководитель — д. ю. н., проф. Ю. Я. Баскин) [2]. В 2001 году Г. Г. Бернацкий защитил докторскую диссертацию по юриспруденции в Санкт-Петербургском университете МВД России. Тема диссертации — «Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли» [3, 4, 5, 6]. В 2002 году Г. Г. Бернацкому присвоено ученое звание профессора по кафедре государственного права в Северо-Западной академии государственной службы.

Огромное влияние на Г. Г. Бернацкого как преподавателя и научного работника оказали его главные учителя — д. ф. н., проф. А. С. Кармин, д. ф. н., проф. И. Н. Броский, д. ю. н., проф. Ю. Я. Баскин.

И. Н. Броский, выдающийся ученый-логик, открыл своему ученику-студенту в Ленгосуниверситете законы логического мышления, приучил его мыслить определённо, последовательно и доказательно.

А. С. Кармин, ученый энциклопедических знаний, сформировал в своем ученике мастерство диалектического осмысления реальности

на основе системы философских категорий, которая была разработана выдающимся ленинградским философом В. П. Бранским.

Ю. Я. Баскин, крупнейший специалист в области истории политических и правовых учений, привил своему ученику любовь к историческому осмыслению социальной реальности, сформировал способность находить закономерности в развитии политико-правовых учений.

Г. Г. Бернацкий долгие годы работал под научным руководством проф. А. С. Кармина. Результатом этой деятельности стали защищенная Г. Г. Бернацким кандидатская диссертация, десятки его научных статей. А. С. Кармин и Г. Г. Бернацкий написали учебник по философии [7], который вошел в Программу «300 лучших учебников для высшей школы в честь 300-летия Санкт-Петербурга» издательского дома «Питер». Г. Г. Бернацкий, опираясь на научные труды А. С. Кармина, опубликовал учебное пособие по методологии юридической науки [8], а также написал совместно с коллегами по кафедре пособие по правовой культуре современного юриста [9].

В 2004 году Г. Г. Бернацкий перешел работать на должность профессора в Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов — ныне ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (СПбГЭУ). В 2006 году Г. Г. Бернацкий избран на должность заведующего кафедрой теории и истории государства и права. В 2024 году Г. Г. Бернацкий перешел на должность профессора той же кафедры.

В Санкт-Петербургском государственном экономическом университете ярко раскрылся талант Г. Г. Бернацкого как педагога, наставника, ученого. Он ведет курсы лекций по теории государства и права, истории и методологии юридической науки, логике, правовой культуре. Под редакцией Г. Г. Бернацкого в последние годы опубликованы учебники «Теория государства и права» [10] и «Правоведение» [11].

Правовое воспитание — это целенаправленная деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан [12, 121]. К этому можно добавить, что немаловажной частью правового воспитания является и целенаправленная деятельность по передаче правовой культуры, профессионального опыта от поколения к поколению. Любой государственный служащий, а также преподаватель юридических дисциплин, даже не ставя прямой воспитательной цели, уже оказывает воспитательное

воздействие на окружающих самим фактом своего поведения. Г. Г. Бернацкий не просто читает лекции — он формирует мировоззрение студентов. В отличие от правового воспитания в широком смысле, которое идёт от самой жизни и юридической практики, университетское образование — это целенаправленное воздействие на сознание студентов. Профессор Г. Г. Бернацкий учит будущих коллег не только букве закона, но и его духу, прививая те самые «правовые идеалы и механизмы разрешения конфликтов», которые он когда-то познавал на практике.

Лекции Г. Г. Бернацкого по теории государства и права всегда пользуются огромной популярностью. Студенты ценят его не за сухое цитирование доктринальных определений юридических понятий, а за способность объяснить фундаментальные категории права через призму реальных событий, свидетелем или участником которых был он сам.

Особое место в преподавательской деятельности профессора Г. Г. Бернацкого занимает логика. В системе образования, и особенно при подготовке юридических кадров, логика как научная дисциплина играет ключевую роль. Профессия юриста требует не просто заучивания правовых норм, а умения грамотно их интерпретировать применительно к реальным обстоятельствам. Работа с правовыми категориями, анализ запутанных дел и построение безупречной аргументации невозможны без владения законами логического мышления. На своих занятиях профессор Г. Г. Бернацкий доказывает, что логика — это не скучная абстрактная наука, а важнейший инструмент профессиональной деятельности юриста. Логика позволяет и грамотно построить структуру правового акта, и найти противоречия в показаниях свидетелей, и выстроить безупречную линию защиты. Мы помним, что наши великие русские юристы А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, Г. Ф. Шершеневич и другие с блеском применяли логику в практической юриспруденции.

Г. Г. Бернацкий прививает студентам высокую правовую культуру, показывая, что только рациональный подход к познанию права, помноженный на эмоционально-волевое благоговение перед Справедливостью и Правдой, может дать высокий уровень правовой культуры, который необходим судье, адвокату, прокурору, следователю. Г. Г. Бернацкий много сил отдаёт и своим аспирантам. Большинство из них успешно защитили кандидатские диссертации.

В профессиональном сообществе имя Г. Г. Бернацкого ассоциируется не только с известными трудами в области права и философии, но и с авторитетным мнением рецензента и оппонента. Для коллег научная позиция Г. Г. Бернацкого нередко выступает критерием истины, что позволяет им сверять профессиональные ориентиры.

Бернацкий Г. Г. является автором более 200 научных работ, из них 3 монографии, 3 учебника, 5 учебных пособий. За плодотворную деятельность на ниве образования и науки Г. Г. Бернацкий награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», и нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Жизненный путь Г. Г. Бернацкого — яркое тому подтверждение, что истинный авторитет в юридической профессии достигается только на основе союза теоретического знания и юридической практики. Пройдя школу государственной службы, Г. Г. Бернацкий принёс в университет не оторванную от жизни теорию, а профессионализм, отточенный практикой. Обучая студентов теории государства и права, истории и методологии юридической науки он закладывает фундаментальные принципы их будущей карьеры. Занимаясь правовым воспитанием, Г. Г. Бернацкий вносит значительный вклад в строительство государства и общества, где уважение к закону является нормой жизни. Это портрет не просто учёного, а настоящего подвижника права, чья деятельность служит мостом между государством, личностью и будущим нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернацкий Г. Г. Диалектика взаимосвязи между научными теориями: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. — Ленинград, 1982. — 212 с.
2. Бернацкий Г. Г. Теория естественного права Е. Н. Трубецкого: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Санкт-Петербург, 1999. — 23 с.
3. Бернацкий Г. Г. Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук — Санкт-Петербург, 2001. — 504 с. — EDN NLXTVH.
4. Бернацкий Г. Г. Евгений Николаевич Трубецкий: естественное право и религия: монография. — СПб.: Изд-во СЗАГС, 1999. — 144 с.
5. Бернацкий Г. Г. Естественное право. Права человека. Мораль: монография. — СПб.: Изд-во СЗАГС, 2000. — 168 с.

6. Бернацкий Г. Г. Естественное право в истории правовых учений: монография. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. — 318 с.
7. Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия: учебник для вузов. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2010. — 560 с.
8. Бернацкий Г. Г. Введение в методологию юридической науки: учебное пособие. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — 113 с.
9. Профессиональная правовая культура современного юриста: учебное пособие / Г. Г. Бернацкий, И. В. Клепикова, А. А. Трубецкая. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. — 119 с.
10. Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Г. Бернацкого. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. — 753 с.
11. Правоведение: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Г. Бернацкого. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. — 515 с.
12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. — М.: Юрист, 2004.

УДК 340.115.7

Агеева Е. А.,

канд. юрид. наук,

доцент каф. теории и истории государства и права

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный

экономический университет»

У ИСТОКОВ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Аннотация. Цель статьи — обратиться к истокам проблемы юридической герменевтики, проследить эволюцию герменевтической мысли в поисках баланса между буквальным и расширительным толкованием, обращаясь к историческому опыту различных правовых культур прослеживая формирование ключевых герменевтических концепций, заложивших фундамент для современных дискуссий об интерпретации.

Ключевые слова: юридическая герменевтика, буква закона, дух закона, толкование.

Ageeva E. A.,

candidate of Law Sciences,

associate professor at the department of theories and history of State and Law,

Stint-Petersburg State Economic University

AT THE ORIGINS OF LEGAL HERMENEUTICS

Abstract. The purpose of this article is to explore the origins of legal hermeneutics, tracing the evolution of hermeneutical thought in its quest for a balance between literal and teleological interpretation. By examining the historical experiences of various

legal cultures, we can gain insight into the development of key hermeneutical concepts that have shaped contemporary discussions on interpretation.

Keywords: legal hermeneutics, the letter of the law, the spirit of the law, interpretation.

Проблема толкования права столь же стара, сколь и само писаное право. С момента появления первых законодательных текстов перед интерпретатором встает вечный вопрос: следует ли строго придерживаться текстуального выражения нормы или же необходимо проникать в глубинный смысл, намерение законодателя, тот «дух», который оживляет мертвую «букву»? Особую остроту эта дилемма приобретает тогда, когда предмет интерпретации, например основной закон государства, обладающий как правило высшей юридической силой, абстрактностью формулировок, декларативностью норм, рассчитан на длительное применение в меняющихся исторических условиях.

Как справедливо отмечает М. А. Беляев, «текст нормативного правового акта, рассчитанный на многократное применение, отличается абстрактностью формулировок и их всеобщностью... и не может единообразно пониматься. Для правовой нормы не существует одного-единственного значения, а каждый конкретный случай ее применения требует предварительного понимания ее смысла» [1, с. 33]. Это методологическое наблюдение приобретает особый вес, когда речь идет о конституции — документе, закладывающем основы всей правовой системы.

Генезис юридической герменевтики неразрывно связан с осознанием многосмысленности правового текста. Однако в ранних государственных образованиях сама возможность толкования закона нередко отрицалась. Это связано, во-первых, с тем, что власть государства и правителя обожествлялась [2, с. 6], а божественный правитель не мог издавать несовершенные законы, а следовательно, дополнять или уточнять их означало бы подвергать сомнению его абсолютную мудрость. Законы Хаммурапи прямо угрожали карой тому, кто «... исказит мои слова, изменит мои предначертания» [3, с. 54]. Во-вторых, представлением о единстве законов природы и общества, исключавшем потребность в интерпретации разумно устроенного мира.

Принципиально иной подход демонстрирует библейская традиция. Как показывает Бернард Джексон, в древнем Израиле первоначально правосудие мыслилось как прямое божественное откровение. Судья действовал не на основе писаного текста, а будучи вдохновлен Богом: «Inspired decisions are on the lips of a King» (Притчи 16:10) «В устах

царя — слово вдохновенное; уста его не должны погрешать на суде» [4], а знаменитое решение Соломона воспринималось современниками как проявление «мудрости Божией» [5, с. 100–110].

Переход от «духа» к «букве» Джексон связывает с практическими проблемами, описанными в книге Исход (гл. 18). Моисей, перегруженный судебными делами, вынужден был по совету Иофора создать систему делегирования: низшие судьи должны были решать дела на основе переданных им правил, а не прямого откровения. «Таким образом, — заключает исследователь, — писаное право становится ответом на злоупотребление прежним усмотрением, а не усмотрение — ответом на предполагаемую жесткость писаного права» [5, с. 100–110]. В описанном процессе можно усматривать истоки той напряженности между текстуальной определенностью и гибкостью справедливости, которая будет сопровождать юридическую герменевтику на протяжении всей ее истории.

Ключевое значение для формирования европейской герменевтической традиции имели слова апостола Павла во Втором послании к Коринфянам (3:6): «буква убивает, а дух животворит» (the letter kills but the spirit gives life). Как отмечает Р. Шварц, эта фраза стала на более чем 1200 лет, от Оригена до Лютера, основополагающим текстом для библейской герменевтики [6]. При этом в теологической традиции существовало двойное понимание: для юристов это было указание на предпочтение интерпретации по духу, буквальному прочтению; для теологов — обоснование оправдания верой, а не делами закона.

Джексон предлагает более глубокую интерпретацию этого противостояния: «реальный спор касался семиотики откровения: через какие средства (текст или вдохновение) божественная воля становилась явной, и в какой степени эта форма коммуникации была эффективной и доступной человеческому разуму» [5, с. 100–110]. История разделения иудаизма и христианства может быть рассмотрена как конфликт по поводу приемлемых форм передачи божественного послания. Эта теологическая дискуссия имела непосредственное влияние на формирование юридической герменевтики. Первая обобщающая теория интерпретации, принадлежащая Августину Блаженному («Христианская наука»), заложила основы для последующего развития как библейской, так и правовой экзегезы.

Подлинной колыбелью юридической герменевтики стал Древний Рим. Именно здесь, в архаический период (VII — IV вв. до н. э.), впервые возникает потребность в систематическом толковании законов.

Римские юристы, комментируя Законы XII таблиц, а затем преторское право и императорские конституции, выработали изощренную технику интерпретации, включавшую грамматическое, логическое и систематическое толкование. Римская юриспруденция заложила фундамент для последующего развития европейской правовой мысли, показав, что право живет и развивается именно через интерпретацию.

В систематизированном виде юридическая герменевтика обязана своим появлением труду голландского мыслителя Гуго Гроция (1583–1645) «О праве войны и мира». Гроций впервые разработал основные приемы толкования, методы различения терминологии специальных отраслей знания, обосновал необходимость учета контекста при выяснении истинного смысла терминов. Им были сформулированы правила и виды толкования.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в трудах немецких правоведов. Ф.К. фон Савиньи (1779–1861) в работе «Система современного римского права» обосновал четыре типа юридического толкования: 1) грамматическое; 2) систематическое; 3) историческое; 4) телеологическое. Эта классификация стала классической и во многом определяет методологию толкования по сей день. Савиньи рассматривал юридическую герменевтику как метод догматической юриспруденции, с помощью которого может быть установлен первоначальный смысл слова или предложения.

Однако уже в XIX веке раздавались критические голоса. Г. Пухта (1798–1846) о юридической герменевтике писал следующее «обыкновенно весьма поверхностная, бесплодная, не проникающая в суть дела, сухая дисциплина» [7, с. 6]. Этот скепсис отражал позитивистское убеждение в самодостаточности закона, не нуждающегося в сложных интерпретативных процедурах.

Краткий исторический обзор позволяет сделать вывод о развитии идей юридического толкования. Уже философы Древней Греции, размышляя о соотношении права и справедливости, предлагали определенные решения, а идеи римских мыслителей, в том числе об идеях справедливого правосудия, были унаследованы Средневековой Европой, послужив базой современного понимания законности.

Соотношение «буквы» и «духа» закона является определенной характеристикой любой правовой системы. История развития интерпретации текстов демонстрирует некоторые противоречия: от сакрализации текста с отрицанием возможности его толковать в древних

юрисдикциях, осознание необходимости толкования в Древнем Израиле и Риме к теоретическому осмыслению данного процесса в Новое время. Примеры библейской традиции и римской юриспруденции демонстрируют, что потребность в толковании возникает там, где формальной определенности текста недостаточно для разрешения конкретных проблем.

Юридическая наука, опираясь на богатейший исторический опыт, должна вырабатывать методы интерпретации, позволяющие сохранять стабильность законодательства, с учетом динамичных условий общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев М. А. Генезис юридической герменевтики: эпоха античности // Вестник ВГУ. Серия: Право.— 2008.— № 1.— С. 32—44.
2. История государства и права зарубежных стран: учебник / [П. Н. Астапенко и др.]; под ред. Н. В. Михайловой.— М.: КНОРУС, 2022.— 406 с.
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 томах. Том 1. Древний мир и Средние века / сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз; отв. ред. Н. А. Крашенинникова.— М.: Норма: ИНФРА-М, 2026.— 816 с.
4. Притчи Соломона. Prov.16:10. <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Jackson B. S. Historical Observations on the Relationship between Letter and Spirit // Law and Religion: Current Legal Issues.— Oxford: Oxford University Press, 2001. Vol. 4. P. 100—110.
6. Schwartz R. The Letter and the Spirit: Portia's Case // Literature and the Legal Imaginary: Knowing Justice.— Cham: Springer Nature Switzerland, 2025.— P. 109—125.
7. Цит. по: Васьковский, Евгений Владимирович. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов / Е. В. Васьковский.— М.: Братья Башмаковы, 1913.— 152 с.

УДК 342

Антонова Н. А.,

доктор юридических наук,

*заведующая кафедрой конституционного, административного и таможенного права
ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»*

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В представленной статье рассмотрены проблемы реализации правотворческого процесса на муниципальном уровне. Автором проанализированы основные факторы, влияющие на данный процесс, связанные с при-

нятием нового федерального закона о местном самоуправлении. На основе анализа современного муниципального законодательства выявлена и обоснована необходимость изменения ряда норм федеральных законов, обеспечивающих правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, правотворчество, муниципальные правовые акты.

Antonova N. A.,

Doctor of Law,

*Head of the Department of Constitutional, Administrative
and Customs Law of the Tver State University*

MUNICIPAL LAW-MAKING: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The presented article discusses the problems of implementing the law-making process at the municipal level. The author analyzes the main factors affecting this process, related to the adoption of a new federal law on local self-government. Based on the analysis of modern municipal legislation, the need to change a number of federal laws that ensure legal regulation of the activities of local self-government bodies has been identified and substantiated.

Keywords: local self-government bodies, lawmaking, municipal legal acts.

Местное самоуправление в Российской Федерации переживает очередную серьезную реформу. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — Федеральный закон № 33-ФЗ) определил новые векторы развития института муниципальной власти как элемента единой публичной власти [1]. Реформа законодательства о местном самоуправлении затронула и такой вопрос, как организация и осуществление муниципального правотворчества.

Следует отметить, что современное муниципальное правотворчество реализуется в определённых организационно-правовых условиях, к которым относятся и конституционное закрепление факта вхождения органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, и прошедшая конституционная реформа 2020 года, определившая некоторые новые позиции в правовом регулировании местного самоуправления в целом, и серьезное изменение федерального законодательства о местном самоуправлении. Нельзя сбрасывать со счетов и такое

условие осуществления правотворческой деятельности муниципальных образований, как накопленный ими опыт в этой сфере за время существования местного самоуправления в современной России.

Изменение законодательства о местном самоуправлении является достаточно емким и разнопланово влияющим на развитие муниципального правотворчества фактом. Это проявляется хотя бы в том, что серьезно реформирована территориальная основа местного самоуправления, влекущая изменение перечня самих субъектов муниципального правотворчества, и в том, что Федеральный закон № 33-ФЗ предъявляет новые требования к правотворческому процессу.

Назначение муниципального правотворчества в современной России определяется рядом факторов. В частности, это необходимость организации местного самоуправления. Органы местного самоуправления как субъекты публичной власти осуществляют правую деятельность, одним из видов которой является правотворчество.

Помимо этого, участие органов местного самоуправления в единой системе публичной власти предполагает, что их правотворческая деятельность может быть направлена на регулирование взаимодействия с органами государственной власти. Подтверждением этому служит норма, содержащаяся в части 4 ст. 4 Федерального № 33-ФЗ, где речь идет о том, что уставами и иными муниципальными актами могут предусматриваться порядок дистанционного взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, порядок дистанционного участия в заседаниях представительного органа муниципального образования.

Кроме этого, фактором, определяющим необходимость муниципального правотворчества, является наличие собственной компетенции муниципальных образований. Однако вопрос определения компетенции этих публично-правовых субъектов является наиболее проблематичным, порождающим в свою очередь и проблемы определения правотворческой компетенции муниципальных образований.

Немаловажным фактором, определяющим необходимость осуществления правотворческой деятельности в муниципальных образованиях, является необходимость правового регулирования организации местного самоуправления в самом муниципальном образовании, а также регулирование порядка осуществления международных и внешнеэкономических связей муниципальных образований.

Наконец, реализация любой функции местного самоуправления не может быть осуществлена без правотворческой деятельности.

Говоря о муниципальном правотворчестве, мы имеем в виду не только соответствующую деятельность органов местного самоуправления, но прежде всего, населения как основного субъекта публичной власти муниципального уровня. Как справедливо отмечается в литературе, ценность муниципальных нормативных правовых актов состоит в их непосредственной взаимосвязи с населением [4].

Население муниципального образования как субъект муниципального правотворчества в этом процессе может выступать в нескольких ролях: как субъект правотворческой инициативы, субъект, принимающий участие в обсуждении проектов муниципальных правовых актов (публичные слушания, обсуждения), как субъект, принимающий муниципальный правовой акт на местном референдуме.

Конечно, референдум как высшая форма народовластия является средством, придающим актам, принятым на нем, высшую юридическую силу. Неслучайно Федеральный закон № 33-ФЗ, определяя систему муниципальных правовых актов, ставит акты, принятые на референдуме, на первое место в данной системе. Говоря об этом порядке принятия муниципальных правовых актов, следует отметить, что в них непосредственно выражается мнение (воля) населения.

Говоря о волевом свойстве актов органов местного самоуправления, нельзя не вспомнить слова известного русского административиста А. И. Елистратова. «Под именем юридического акта, — писал он, — понимается всякое действие, которое обнаруживает чью-либо волю вызвать правовое последствие. В юридическом акте проявляется не какая-либо вообразаемая государственная или иная подобная воля, не реальная воля человеческих индивидов. Она может быть волей одного определенного человека или согласованной волей нескольких или многих людей. Чтобы составить юридический акт, воля должна быть обнаружена вовне. Проявившаяся в юридическом акте воля направлена на правовые последствия; она рассчитана на юридический эффект» [3, с. 522]. По поводу публично-правовых актов этот же автор отмечал, что они «могут быть выражением воли должностных лиц или граждан, или известным соглашением между должностными лицами и гражданами».

Поскольку местное самоуправление осуществляется непосредственно населением, и через формируемые им муниципальные органы,

постольку изначально можно предположить, что в актах, принимаемых в муниципальных образованиях, воля населения выражается непосредственно либо опосредовано. Как пишет Н. А. Петрова: «Народные избранники наделяются мандатами, обязывающими их действовать и принимать решения в интересах народа (общества, нации)» [3, с. 32]. Однако это положение нуждается в некотором уточнении.

Нельзя не согласиться с мнением Н. С. Тимофеева о том, что «в основе демократической организации общества должны быть не процедуры оформления воли большинства, т. е. победы и невосприятия мнения других, а достижение понимания, достижение соглашения, взятие на себя ответственности за состояние своих собственных дел и установление системы процедур принятия государственными органами и органами местного самоуправления открытых, понятных для граждан социально справедливых решений и возможности контроля за их выполнением и эффективной ответственности» [4, с. 156].

Однако необходимо понимать, что представляет собой общее мнение, или общая воля, выраженная в акте. Достичь единого (общего) мнения населения иногда довольно сложно, поскольку в любом муниципальном образовании имеют место разные социальные группы, интересы которых могут быть прямо противоположны. И здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда следует определить роль интереса в реализации права граждан. Интерес лежит в основе любого права. Исходя из наличия такого интереса может быть реализовано и право. Разные категории потребностей формируют и разные интересы. При этом роль государства в лице его институтов (в том числе института местного самоуправления) состоит в формировании инструментов их защиты и удовлетворения. Интересы непосредственного жизнеобеспечения населения неразрывно связаны с общегосударственными вопросами: каждый житель муниципального образования имеет потребности, такие как свет, дороги, тепло и прочее. И в обеспечении этих потребностей, защите соответствующих интересов участвует не только муниципальное образование, но и государство в целом.

Поэтому, когда мы говорим, что население вправе принимать на референдуме муниципальные правовые акты, мы исходим из того, что в основе этого права лежит интерес населения. Поэтому, по сути, акт, вынесенный на референдум, должен определить не только реализацию определенного интереса, который может быть общим (или

носить общественную значимость), но и средства его воплощения в процессе реализации местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании.

При этом данная особенность правотворческой деятельности муниципального образования, осуществляемой населением, имеет место в любой из названных форм участия населения в ней.

Что касается права населения на правотворческую инициативу, то Федеральный закон № 33-ФЗ изменил существовавшую ранее ситуацию, когда таким правом население было наделено согласно Федеральному закону № 131-ФЗ. В новом Федеральном законе эта форма участия населения в осуществлении местного самоуправления не получила закрепления. При этом разработчики Закона объясняют свое решение тем, что очень редко использовалась такая форма. Однако здесь важна не частота использования, важно наличие самого права. Данное право скорее выступало одной из гарантий демократического самостоятельного осуществления населением местного самоуправления. Тем не менее, это право — право на внесение проектов муниципальных правовых актов в Федеральный закон № 33-ФЗ предусмотрено для инициативных групп граждан, которые с таким проектом могут обратиться в представительный орган (ч. 4 ст. 59). Ни в какие иные органы местного самоуправления, получается, население с проектом муниципального правового акта обратиться не может. Такая позиция законодателя в общем то оправдана, во-первых, исходя из того, что представительный орган принимает решения по наиболее важным вопросам непосредственного жизнеобеспечения граждан, и, во-вторых, решение вопросов, отнесенных к ведению представительного органа, влечет принятие именно нормативных муниципальных правовых актов. Таким образом, инициативная группа граждан муниципального образования может реализовать свое право на участие в муниципальном правотворчестве.

Наконец, реализация интересов населения через правотворческий процесс, может быть осуществлена путем участия граждан в публичных слушаниях (обсуждениях). Законодатель прямо предусматривает возможность участия в правотворческом процессе населения через его вовлечение в публичные слушания, которые проводятся согласно Федеральному закону № 33-ФЗ (ст. 47) для обсуждения проектов муниципальных правовых актов. Гарантией участия населения в этом процессе является установленная этим Законом обязанность органов

местного самоуправления рассмотреть результаты публичных слушаний. И здесь возникает одна достаточно серьезная проблема: что считать результатом публичных слушаний, как они должны быть определены. Все это необходимо решить на муниципальном уровне в муниципальных правовых актах, регламентирующих порядок проведения публичных слушаний. Анализ таких актов, показывает, что они закрепляют весьма разные варианты определения результатов публичных слушаний. И здесь напрашивается необходимость все-таки на законодательном уровне определить общие правила подведения итогов публичных слушаний, дабы не допускать в муниципальных образованиях превращения данной формы участия населения в правотворческом процессе в некую формальность, учитывая еще и то, что в любом случае результаты публичных слушаний носят рекомендательный характер.

В отличие от населения, органы местного самоуправления являются теми субъектами, которые выступают в абсолютном большинстве случаев субъектами правотворческой деятельности. И здесь важен вопрос о пределах их правотворческой компетенции. Если в бытность Федерального закона № 131-ФЗ правотворческая компетенция органов местного самоуправления включала в себя вопросы местного значения, отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления, а также вопросы, которые органы местного самоуправления вправе были решать, если они не отнесены к ведению иных субъектов, то с принятием Федерального закона № 33-ФЗ ситуация изменилась. В любом случае определение пределов правотворческой компетенции органов местного самоуправления связано с правилами определения в целом компетенции органов местного самоуправления.

В Федеральном законе № 33-ФЗ появилась глава «Функциональные основы местного самоуправления», которая неслучайно располагается в Федеральном законе до главы, посвященной муниципальным правовым актам. И это вполне оправдано. Следует в начале определить компетенцию органов местного самоуправления, а затем, на этой основе, говорить о муниципальных правовых актах.

Однако логической взаимосвязи этих двух глав не обнаруживается. Казалось бы, законодатель определил правила закрепления предметов ведения и полномочий за органами местного самоуправления, значит в главе, посвященной актам, должны быть учтены эти правила.

Но как отражается специфика определения функциональной основы местного самоуправления в разработке и принятии муниципальных правовых актов органами местного самоуправления? Анализ приведенных глав Закона показывает, к сожалению, что никак.

Анализ гл. 4 Федерального закона № 33-ФЗ свидетельствует, что на сегодняшний день муниципальное образование вправе принимать нормативные правовые акты в следующих случаях. Во-первых, при решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (ст. 32). Во-вторых, при осуществлении определенных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления. В-третьих, при участии органов местного самоуправления в осуществлении не переданных им государственных полномочий (ст. 36). В ч. 3 ст. 36 предусмотрено, что представительный орган местного самоуправления может принять решение об осуществлении указанных полномочий. И, наконец, в-четвертых, органы местного самоуправления вправе принимать муниципальные правовые акты в случае реализации права на осуществление полномочий, не отнесенных к полномочиям органов местного самоуправления (ст. 37).

Таким образом, налицо четыре вида полномочий, в рамках которых органы местного самоуправления могут осуществлять правотворческую деятельность. Однако, поскольку из этих четырех видов полномочий лишь одну группу составляют собственные полномочия органов местного самоуправления, возникает вопрос об определении доли участия муниципальных органов в реализации полномочий иных видов. А отсюда закономерно возникает и другой вопрос — каковы пределы правотворческих полномочий этих субъектов в условиях действия таких правил определения компетенции муниципальных образований.

Принцип самостоятельности местного самоуправления, провозглашенный в ст. 12 Конституции РФ, предполагает наличие компетенционной самостоятельности, без которой правотворческая деятельность органов местного самоуправления практически невозможна. При этом правотворческая компетенция органов местного самоуправления должна обладать определенными постоянными характеристиками, такими как перечень вопросов, по которым могут (или должны) быть приняты муниципальные правовые акты, а также право органов самостоятельно разрабатывать и принимать муниципальные акты. Условием реализации правотворческой деятельности является постоянно

существующее право на разработку и принятие правовых актов, однако, исходя из требований Федерального закона № 33-ФЗ, само право на осуществление данной деятельности возникает по воле органов государственной власти федерального или регионального уровня. Только на основании принятия федерального закона или закона субъекта Российской Федерации о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями у последних возникает право на осуществление правотворческой деятельности в пределах переданных полномочий. И срок осуществления этой деятельности, соответственно разный — либо это постоянно реализуемая деятельность, если полномочия переданы на неограниченный срок, либо эта деятельность имеет строго определенный срок своего существования.

Нельзя не обратить внимание еще на одну особенность реализации правотворческой деятельности органов местного самоуправления в пределах рассматриваемых полномочий, — такая деятельность должна осуществляться не только в соответствии с Федеральным законом № 33-ФЗ, но и тем федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации, которым органы местного самоуправления наделяются отдельными государственными полномочиями, поскольку в такого рода законодательных актах согласно п. 2 ч. 6 ст. 34 должен быть указан перечень прав и обязанностей органов местного самоуправления, а также способы и средства реализации отдельных государственных полномочий. А это не может не отразиться на характеристике правотворческой деятельности муниципальных органов, осуществляемой в рамках переданных полномочий.

Иллюстрацией существования данной проблемы может служить ситуация с определением правотворческой компетенции органов местного самоуправления, которая возникает при решении вопроса о том, что должны регламентировать органы местного самоуправления в сфере противодействия коррупции. В п. 12 ч. 1 ст. 32 Федерального закона № 33-ФЗ к полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности отнесено осуществление мер по противодействию коррупции в границах муниципального образования. При этом отсутствует определение роли антикоррупционной деятельности органов местного самоуправления и способов ее осуществления. Это негативным образом отражается на правотворческой деятельности органов местного

самоуправления в названной сфере. Более того, Федеральный закон № 273 «О противодействии коррупции» в ст. 1 в качестве форм антикоррупционной деятельности называет профилактику коррупции, борьбу с ней и ликвидацию (минимизацию) её негативных последствий. В силу того, что полномочие органов местного самоуправления сформулировано как «осуществление мер по противодействию коррупции», получается, что органы местного самоуправления должны осуществлять меры и по профилактике, и по борьбе с коррупцией, и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Однако федеральный законодатель не предусматривает никакого механизма решения этих вопросов на уровне муниципалитетов, не определяет правила разграничения соответствующих полномочий между органами местного самоуправления в названной сфере. Другими словами, в этом случае отсутствуют какие-либо ориентиры в сфере муниципального правотворчества со стороны федеральных органов, что вызывает известные проблемы на местах.

При этом стоит обратить внимание на содержание ч. 10 ст. 34 Федерального закона № 33-ФЗ, в которой речь идет о возможности изъятия отдельных государственных полномочий у органов местного самоуправления в случае выявления нарушений требований законов по вопросам осуществления этих отдельных государственных полномочий. Данную норму можно трактовать таким образом, что в случае противоречия актов, принятых органами местного самоуправления, законам федеральным или региональным, согласно которым переданы государственные полномочия, последние могут быть изъяты у органов соответствующих муниципальных образований.

Еще более интересной с позиции определения пределов правотворческой компетенции является ситуация, предусмотренная ст. 36 Федерального закона № 33-ФЗ, заключающаяся в предоставлении возможности органам местного самоуправления участвовать в осуществлении не переданных государственных полномочий. Поскольку в этом случае органы местного самоуправления лишь участвуют в осуществлении государственных полномочий, основной объем правового регулирования деятельности органов местного самоуправления осуществляется на уровне федеральном или региональном, в зависимости от того, о каком уровне государственных полномочий идет речь. Согласно ч. 3 ст. 36 ФЗ № 33 муниципальные органы могут принять

участие в осуществлении не переданных полномочий в случае принятия представительным органом муниципального образования соответствующего решения. Помимо этого, согласно ч. 5 ст. 36 органы местного самоуправления вправе устанавливать за счет средств муниципального бюджета дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, устанавливающих указанное право. Реализовать это право могут путем принятия соответствующего нормативного правового акта. Этим, пожалуй, пределы муниципального правотворчества в рамках рассматриваемой ситуации и ограничиваются.

В целом правотворческая деятельность муниципальных образований, исходя из действующего законодательства, имеет несколько направлений, которые могут быть охарактеризованы как сферы общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании со стороны муниципальных образований. При этом правотворческая деятельность муниципальных образований осуществляется либо самостоятельно, либо при условии определения общих правил правового регулирования федеральным центром или субъектом РФ. Однако современное законодательство о местном самоуправлении в данной части нуждается в серьёзном совершенствовании в плане определения пределов муниципального правотворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»// Российская газета, 26 марта 2025 г. № 65–66.
2. Елистратов А. И. Основные начала административного права //В кн.: Российское полицейское (административное) право: Конец XIX — начало XX века. Воронеж, 1999.
3. Лихачев А. С., Михеева Т. Н. Проблемы правотворческой деятельности органов местного самоуправления // Российский юридический журнал.— 2024.— № 4 // <https://internet.garant.ru/#/document/482317297/paragraph/1/doclist/660/3/0/0/правотворчество%20органов%20местного%20самоуправления:2>. (дата обращения 15.02.2026 г.)
4. Петрова Н. А. Конституционно-правовой институт отзыва в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. 2006. — 211 с.
5. Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в системе государственных и общественных отношений. История и современность. Опыт России. — М., 2005. — 170 с.

Бернацкий Г. Г.*доктор юрид. наук,**профессор кафедры теории и истории государства и права**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»*

ДИАЛЕКТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В УЧЕНИИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО

Аннотация. Естественное право есть закон Добра и Справедливости. Право и нравственность не противоречат друг другу, но находятся в гармонии. Естественное право исходит от Бога. Естественное право осознается людьми на историческом пути не сразу полностью и абсолютно, но постепенно через относительно верные представления о Дobre и Справедливости. Люди, переходя от кризиса к кризису, все более приближаются к абсолютному познанию естественного права. Позитивное право на конкретном этапе развития человечества находится в соответствии с естественным правом, однако постепенно отстает от естественного права, вследствие достижения людьми более глубокого осознания закона Добра и Справедливости. В такие периоды наступают социальные революции и реформы позитивного права. Прогресс в праве идет путем все большего утверждения принципов свободы и равенства.

Ключевые слова: естественное право, закон Добра и Справедливости, позитивное право, прогресс в праве.

Bernatsky G. G.*Doctor of Law,**Professor, Department of Theory and History of State and Law,**St. Petersburg State University of Economics*

DIALECTICS OF NATURAL AND POSITIVE LAW IN THE THEORY OF E.N. TRUBETSKOY

Abstract. Natural law is the law of Goodness and Justice. Law and morality do not contradict each other, but are in harmony. Natural law comes from God. Natural law is not immediately fully and absolutely realized by people along the historical path, but gradually through relatively correct ideas about Goodness and Justice. As people move from crisis to crisis, they are getting closer and closer to an absolute knowledge of natural law. At a particular stage of human development, positive law is in accordance with natural law, but it is gradually lagging behind natural law, as people achieve a deeper understanding of the law of Goodness and Justice. During such periods, social revolutions and positive law reforms occur. Progress in law is progressing through the increasing affirmation of the principles of freedom and equality.

Keywords: natural law, the law of Goodness and Justice, positive law, progress in law.

XIX век вошел в историю науки как век, утвердивший принцип развития в Природе, Обществе, Мышлении. Ж. Б. Ламарк и Ч. Дарвин обосновали закономерное развитие живой природы. К. Маркс,

опираясь на диалектическое учение Гегеля, обосновал закономерное развитие общества путем смены общественно-экономических формаций в Европе. Немецкие историки права Г. Гуго, Ф. Савиньи и Г. Пухта обосновали историческое развитие права. Непреходящими достижениями этих мыслителей было то, что они доказали: 1) право исторически развивается; 2) право развивается закономерно. Спорными моментами в их учение были положения о том, что: 1) право развивается исключительно эволюционно подобно тому, как развивается язык или растет цветок; 2) право имеет национальный характер.

Р. Иеринг подверг критике концепцию историков права. Он утверждал: если право развивается эволюционно, то в нем не может быть революций, однако революция во Франции XVIII в. привела к революционному преобразованию права не только в самой Франции, но и в других странах. Если право развивается постепенно, то в нем не может быть борьбы за право, однако история права — это история борьбы за право. Если право национально, то невозможна рецепция права из одной страны в другую, однако нормы из Кодекса Наполеона заимствовали многие страны не только Европы, но и Америки. Если право развивается эволюционно подобно языку, то невозможен некий правовой идеал, право — как цель. Однако правовой идеал существует.

Вместе с тем возражения Р. Иеринга отнюдь не отрицают фундаментального положения о том, что право исторически развивается и развивается закономерно.

XIX век поставил перед теоретиками естественного права проблему: если естественное право существует и трактуется на протяжении столетий как право абсолютное и неизменное, то как объяснить развитие позитивного права. Позитивное право должно находиться в соответствии с естественным правом. Если естественное право порождено разумом и волей Бога, а Бог — всесправедлив и всеблаг, то Бог не может менять своих всесправедливых установлений. Естественное право должно быть абсолютным и неизменным.

Если же естественное право порождено объективными законами Мироздания, т. е. самой Природой, которая породила естественные права человека, то опять-таки естественное право должно быть абсолютным и неизменным. Законы мироздания абсолютны. Т. Джефферсон в Декларации независимости (1776 г.) утверждает Бога реальным источником права: «Все люди сотворены равными и все они наделены

Творцом неотъемлемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью».

Различные эволюционные учения о праве приходят к материалистическому взгляду на право и выводу о том, что право в целом относительно, изменчиво, релятивно. Право есть продукт истории, результат развивающегося человеческого общества. Поэтому нет, собственно, права иного, кроме права позитивного.

Выдающийся русский юрист и философ Е. Н. Трубецкой, являясь глубоко верующим православным человеком, был убеждён в существовании естественного права. Перед ним в полный рост встает дилемма: либо право абсолютно и неизменно, либо право относительно и изменчиво.

С одной стороны, право исходит от Бога и потому абсолютно и неизменно, и оно воплощается в позитивном праве. Так считали юристы Рима, так утверждали юристы, философы и богословы Средних веков. Великий католический философ Фома Аквинский (1225/1226—1274) утверждал, что право делится на божественный естественный закон — «Вечный закон» (*lex aeterna*) и человеческий позитивный закон (*lex humana*). Причем последний не вполне точно, с искажениями, но в основном соответствует первому.

С другой стороны, наука XIX века доказала, что право относительно, изменчиво, зависит от воли государства, господствующего класса, правящей элиты. В таком случае возникает вывод, что если естественное право и существует, то оно не оказывает воздействия на позитивное право. Философы-позитивисты сделали еще более категорический вывод: если естественное право никак себя не проявляет в опыте, не воплощается так или иначе в позитивном праве, то оно вообще не существует. Согласно философии позитивизма, существует только то, что дано в опыте.

Перед Трубецким встает задача ответить на вопрос, поставленный самой историей развития права: существует ли естественное право, либо же нет другого права, кроме права позитивного; и если естественное право существует, то каково его отношение к эволюции позитивного права.

Со времен Древнего Рима право понималось как «искусство добра и справедливости». Великий Ульпиан в 1-й книге «Институций» утверждает: «Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право». Право получило свое название от (слова)

«справедливость», ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть искусство доброго и справедливого» (Дигесты 1:1.0). Цицерон делил право на естественное (неписаное) и позитивное (писаное) право. Цицерон фактически ставит вопрос: как соотносятся право и закон. Этот вопрос станет основным вопросом философии права на протяжении, можно сказать, всей истории права. В. С. Нерсисянц утверждает: «Предмет философии права — это право и закон в их различии, соотношении и искомом единстве» [4. 02].

Для Е. Н. Трубецкого и других сторонников естественного права этот вопрос встал с новой силой в связи с эволюционными теориями права. Е. Н. Трубецкой, сопоставляя объективно-идеалистическое учение о естественном праве с эволюционными материалистическими теориями права приходит к мысли о том, что оба подхода к праву достаточно основательны. В силу этого он стремится синтезировать эти концепции или, как он пишет, «примирить» их друг с другом. «Тезис идеализма, утверждающего существование вечного закона добра, вполне может быть согласован с тезисом учения эволюционного, которое утверждает, что человеческие понятия о добре развиваются, прогрессируют» [5, с. 52].

Для Трубецкого не вызывает сомнения существование естественного права. Проведенный анализ различных правовых течений свидетельствует о том, говорит Трубецкой, что совершенно неудовлетворительно выглядят те концепции, которые отождествляют право с позитивным правом. Необходимым признаком последнего является то, что оно обязательно обуславливается каким-либо внешним авторитетом: государством, церковью, волей отцов и дедов, выраженной в обычаях, интересами социальных классов или иных групп, проявляющихся в деятельности органов власти. Однако, считает Трубецкой, право не может быть сведено к внешнему авторитету, потому что всякий авторитет, в свою очередь, покоится на праве.

Почему какой-либо субъект становится авторитетом для других? Это происходит потому, что данный субъект становится выразителем Добра и Справедливости, он становится источником таких общественных отношений, которые воспринимаются остальными людьми как проявлением закона Добра и Справедливости. Поэтому люди идут за этим субъектом, поэтому он становится для них авторитетом. Таким образом, не собственно воля (способность подчинять себе других) государства или класса делает их авторитетами в обществе, а те цен-

ности или блага, которые они несут людям. Высшими ценностями для общества являются Добро и Справедливость, что, по убеждению Е. Н. Трубецкого, равносильно понятию «естественное право».

Само государство или класс не могут творить высшие ценности в силу несовершенства самого человека. Высшие ценности вносятся извне в государство и общество — силой Творца естественного права. Так было всегда в истории человечества. Бог солнца Шамаш даровал законы царю Хаммурапи для народа и государства. Господь Бог Саваоф даровал заповеди пророку Моисею на горе Синай для еврейского народа. Бог Иисус Христос сам явился народу и принес Новый Завет (Закон).

Сам народ по причине слабости своих духовных сил не способен вырабатывать истинный закон о Добре и Справедливости. Еврейский народ, когда пророк Моисей удалился на гору Синай и долго не возвращался, сотворил себе своего бога — «золотого тельца» и впал в блуд и разврат. *«И сказал Господь Моисею: поспеши сойти [отсюда], ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской; скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им: сделали себе литого тельца и поклонились ему, и принесли ему жертвы и сказали: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской.»* [Исх. 32:7–8].

Истинный авторитет Моисея проистекает не из того, что он сам, своим сознанием творит ценности и блага, а из того, что он поднялся в своем сознании до понимания истинного Закона, который начертал ему Господь Бог Саваоф. Бог явился Моисею на горе Синай и дал ему Десять заповедей. Заповеди были записаны на двух каменных скрижалях (досках) «перстом Божиим» и составили основу иудейского Закона. Моисей требует от иудейского народа следовать Закону. Истинный человеческий авторитет предстает как проявление и воплощение Естественного права в человеке на земле.

Опираясь на философские воззрения Трубецкого, его представления о соотношении права и нравственности, можно сделать вывод, что Естественное право имеет сложное иерархическое пирамидальное строение. На вершине пирамиды — Бог в его христианском понимании. От Бога исходит вечный, абсолютный и неизменный «закон Добра и Справедливости» или «закон Правоморали». Этот закон составляет то, что Трубецкой понимает под Естественным правом. Это Право аналогично естественному праву Ульпиана или Цельса. Однако для

Трубецкого Добро и Справедливость понимаются не в старом, языческом, а в новом, христианском смысле. Естественное право представляет собой единство христианской морали и права и выступает в качестве высшего принципа Права, исходящего от Бога. В естественном праве мораль и право созвучны, едины, гармоничны, дополняют друг друга в применении*.

Далее, к основанию пирамиды, располагаются конкретно-исторические представления людей о добре и справедливости. Они неполно, неточно, приблизительно отражают сам закон Добра и Справедливости в силу ограниченности самого человека. Однако именно на них люди строят свои убеждения об истинно добром и справедливом. Именно на них люди формируют организацию общества и государства, определяют место и роль личности в обществе и государстве.

Е. Н. Трубецкой исходит из того, что в обществе непосредственным источником естественного права в конкретно исторических условиях являются человеческие убеждения о добре и справедливости. «Поэтому сила и действенность всякого позитивного права обуславливается теми неписаными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними велениями» [5, с. 58].

Всякий порядок в обществе, функционирование тех или иных институтов, основывается на силе человеческого убеждения в необходимости поддерживать данный порядок или институт. Трубецкой утверждает, что всякий внешний авторитет может иметь силу лишь до тех пор, пока люди убеждены в необходимости ему подчиняться. Он пишет: «Веления государственной власти, равно как и веления обычая могут иметь значение и силу права только до тех пор, пока в обществе есть убеждение в необходимости подчиняться власти, пока обычай служит выражением убеждений» [5, с. 58].

Наглядным доказательством тому служат революции. Общим для любой революции является тот факт, что позитивное право теряет свое значение права, когда оно перестает быть предметом убеждения той или иной социальной среды. Трубецкой утверждает: «Естественное право есть синоним нравственно должного в праве» [5, с. 60]. Естественное право — это убеждение в том, что есть добро и справедливость

* Данный закон Трубецкого напоминает Категорический императив И. Канта, немецкий философ понимает его как высший принцип, лежащий в основе правового государства, где мораль и право неразрывны.

на конкретно-историческом этапе развития человечества. На этих убеждениях цементируется всякий правопорядок. Действительно, говорит Трубецкой, и обязанность личности подчиняться общественным целям, и право общества господствовать над личностью являются нравственными по своей сущности, т. е. исходящими из внутренней убежденности человека. Например, указывает Трубецкой, если какое-либо сообщество людей руководствуется обычным правом, то только потому, что оно считает для себя благом подчиняться авторитету отцов и дедов. Однако наступают времена, когда этот авторитет теряет свою силу и заменяется нормами права, изданными законодателем. Эта замена одного авторитета другим опять-таки связана с тем, что общество изменяет свое убеждение и начинает считать для себя благом уже авторитет законодателя. Таким образом, всякая власть держится силой естественного или, что то же, нравственного права. «Власть же, которая перестала служить благу подданных, падает опять-таки во имя нравственного права» [5, с. 59].

Итак, Трубецкой фактически отождествляет естественное право с идеалом нравственности, с тем, что человек признает для себя благом на конкретном этапе своего развития. Это не просто осознание идеала, а именно убеждение в выбранном идеале, которое является руководством к деятельности.

Более поздние взгляды в истории являются, как правило, шире и богаче по содержанию по сравнению с более ранними. Это доказывает тем, считает Трубецкой, что общество идет по пути прогресса в области нравственности, а следовательно, и в области естественно-правовых воззрений. Трубецкой исходит из того, что общество в целом руководствуется идеями добра и справедливости и идет по пути прогресса. Онтологическим основанием выступает положение о том, что Бог направляет мир к Благу — к абсолютной Правде и Справедливости. Человек встроен в этот процесс таким образом, что он способен лишь частично или относительно точно осознавать абсолютную Правду и Справедливость на каждом этапе развития общества.

Может ли человек сразу, полностью абсолютно и окончательно осознать всю полноту Добра и Справедливости. Нет. Человек постигает эти великие ценности постепенно, этап за этапом, проходя на своем историческом пути через кризисы. Этот процесс сходен с тем, как развивается духовная жизнь индивидуального человека от юности к старости. Индивид познает Бога и его заповеди постепенно. Ребенок

знает о Боге ничтожно мало. Проходя этапы взросления, индивид сталкивается с проблемами, впадает в кризисы, попадает в, казалось бы, тупиковую ситуацию. Анализируя прошлую жизнь, индивид обнаруживает ошибки, которые он допустил. Перед ним как озарение открываются подлинные ценности, к которым надо стремиться. Это глоток свежего воздуха, это чудо, это мгновенное интуитивное осознание Добра и Справедливости. Бог в такой момент открывает индивиду правильный путь и истинное Благо. Индивид, пережив кризис, обретает более глубокое понимание Бога. Однако индивид живет с этим новым пониманием Бога до следующего кризиса, когда Бог откроет ему еще более глубокое понимание Добра и Справедливости.

Духовное становление и развитие индивида повторяет духовное становление и развитие общества. Здесь нелишне вспомнить биогенетический закон Геккеля-Мюллера. Эрнст Геккель — немецкий естествоиспытатель и философ в 1866 году сформулировал закон, а затем зоолог Фриц Мюллер подтвердил: «Онтогенез есть быстрое и краткое повторение филогенеза». Иначе говоря, живое существо в своём индивидуальном развитии (**онтогенез**) повторяет, в определённой степени, формы, пройденные его предками или его видом (**филогенез**). Е. Н. Трубецкой, получив блестящее университетское образование, мог вполне знать достижения биологической науки, хотя на них никогда не ссылался.

Для Трубецкого, естественное право — это система убеждений о нравственно должном в организации общества и государства и одновременно в поведении личности. Это положение можно сформулировать и иначе. Естественное право есть основанная на общепризнанном идеале добра и справедливости система убеждений о принципах организации общества и государства, и месте и роли в них личности. Причем, эта система убеждений исторична, так что можно наблюдать смену одних систем другими. Отношение между системами выражается как часть и целое. Последующая система включает в себя предыдущую как собственную часть.

Естественное и позитивное право не оторваны друг от друга. Они выступают как борющиеся противоположности в едином историческом процессе развития права. Естественное право играет роль содержания, а позитивное право — формы. Их диалектическое взаимодействие определяет ход развития права на всем протяжении истории человечества.

Естественное право как содержание права характеризуется моментами *безусловного и условного*. Безусловным является признание такой ценности в праве, как человеческая личность, ее благополучие и свобода. Трубецкой подчеркивает: «Человеческая личность и есть та безусловная ценность, которая сообщает безусловное значение и силу всем внутренним правовым велениям нашего сознания. Все те права, которые мы признаем, в конце концов, покоятся на первоначальном, безусловном праве человеческой личности, которое для нас само по себе ценно, само по себе обязательно. Все ценные и неписанные кодексы права могут претендовать на обязательное значение лишь во имя естественного права человеческой личности. Как только мы опровергнем это право, как только личность перестанет быть для нас ценностью, весь правовой порядок тем самым падает в прах» [5, с. 58–59].

С другой стороны, *условным* в праве признается все то, что составляет ценность для нас не само по себе, а всего лишь как средство для обеспечения безопасности человеческой личности и для ее внешнего процветания. «Мы ценим порядок, власть, собственность, и соответственно с этим в нашем сознании есть ряд правовых велений: надо заботиться об охране порядка, подчиняться власти, уважать чужую собственность. Анализируя все эти внутренние веления нашего сознания, мы увидим, что они имеют для нас обязательность и ценность лишь условную» [5, с. 58].

Естественное право характеризуется также моментами *абсолютного и относительного*. *Абсолютным* является признание такой ценности в праве, как наличие внешней свободы лица, ограниченной необходимостью, с целью обеспечения добра и справедливости в обществе. Трубецкой пишет: «Сущность всякого права выражается, с одной стороны, в предоставлении лицу известной сферы внешней свободы, а с другой стороны, — в ограничении этой свободы... Но будучи правом нравственным, по самой природе, естественное право требует, чтобы внешняя свобода была предоставлена лицу именно в тех границах, которые оправдываются и требуются целями добра» [5, с. 61]. Безграничная свобода была бы не только отрицанием права, но и прямой противоположностью добра. Поэтому естественное право предписывает, чтобы внешняя свобода лица всегда была ограничена свободой других лиц в той именно мере, в какой это требует добро и справедливость. «В этом, и только в этом, — делает вывод

Трубецкой, — заключается непреходящее, неизменное требование естественного права» [5, с. 61]

Относительным моментом в естественном праве является признание таких ценностей, которые формируются под воздействием конкретно-исторических условий функционирования права. «Добро не требует, чтобы пределы внешней свободы лица всегда определялись одинаковым образом. Оно не заковывает нашей свободы в раз навсегда данные неподвижные рамки, а требует, чтобы мы пользовались внешней свободой в той мере, в которой это является для нас благом. Ясное дело, что эта мера не может быть одинаковой для различных уровней развития, для различных веков и народностей: то, что для одного уровня развития является добром, может быть злом для другого — низшего или высшего уровня» [5, с. 61–62].

Ошибка теоретиков естественного права классического периода, считает Трубецкой, заключается именно в том, что они не осознавали относительности конкретно-исторических требований естественного права. Как известно, они выводили право из вечных требований разума; при этом рассуждая о наиболее совершенном и справедливом законодательстве, они вовсе не задавались вопросом, для какого народа, для какой вообще исторической среды оно представляется справедливым и совершенным. Например, у мыслителей XVII–XVIII веков часто встречаются рассуждения о том, какая форма устройства общества и государства должна быть признана наилучшей: монархия или республика, монархия ограниченная или неограниченная, капиталистический или коммунистический строй. Например, Т. Гоббс отдавал предпочтение неограниченной монархии, а Дж. Локк выступал за конституционную монархию. Морелли считал согласующимся с разумом коммунистический строй, а Вольтер видел в частной собственности веление самой природы.

Эти разногласия нередко приводились, например, в позитивистской литературе [6, с. 10] как доказательство полной несостоятельности идеи естественного права. Однако это доказывает только то, что старые теоретики принимали относительные требования естественного права за абсолютные.

Естественное право не может дать никаких вечных и неизменных предписаний по вопросам форм государственного или общественного устройства. Трубецкой отмечает, что в настоящее время любой образованный человек осознает всю нелепость постановки вопроса

о том, каково вообще наилучшее государственное устройство, поскольку такого наилучшего устройства для всех и всегда не существует. Можно ставить лишь вопросы о наилучшем государственном устройстве для конкретной страны в определенную эпоху. «Все зависит от того, какой именно государственный строй олицетворяет собой максимум внешней свободы, возможной и желательной в данное время и для данного народа. Существуют, например, такие народы, для которых неограниченная монархия представляет максимум желательной свободы, но существуют и такие, для которых этот максимум достигается только при республиканском устройстве» [5, с. 66–67].

Позитивное право является конкретно-исторической формой выражения естественного права. Приведенные выше рассуждения убеждают нас в том, что, по мысли Трубецкого, между позитивным и естественным правом на некоторых исторических этапах развития общества может существовать гармония или соответствие. Это возможно в тех ситуациях, когда нормы позитивного права более или менее адекватно выражают Закон Добра и Справедливости, который осознается человеческим разумом на конкретном этапе исторического развития. «Всякое позитивное право может требовать от людей повиновения не иначе, как во имя нравственного права того или другого общественного авторитета, той или другой власти; поскольку существующий правопорядок действительно является благом для данного общества, естественное право дает ему санкцию и служит ему опорой» [5, с. 60].

Однако позитивное право далеко не всегда соответствует требованиям Закона Добра и Справедливости, оно нередко отстает от ушедшего вперед естественного права. В этом случае естественное право играет роль движущей силы в истории, источником прогресса правопорядка и всего общества в целом.

Можно считать, что в концепции Трубецкого имплицитно содержится закон соответствия позитивного права уровню развития естественного права. Поступательное движение позитивного права возможно только тогда, считает Трубецкой, когда над позитивным правом возвышается нравственное или естественное право, которое служит ему основой формирования и развития. «В истории права идея естественного права играет и играла роль мощного двигателя: оно дает человеку силу подняться над его исторической средой и спасает его от рабского преклонения пред существующим» [5,60].

Естественное право находится в постоянном развитии и совершенствовании, а позитивное право относительно стабильно в своих основных законах и иных нормативных актах. Естественное право формирует позитивное право и находится с ним некоторое время в гармонии или соответствии, однако затем опережает его в своем развитии и приходит в противоречие с ним. Это противоречие разрешается путем смены старой системы законодательства на новую. Обозначенный механизм действия закона соответствия ярко проявляется в периоды осуществления социальных революций в обществе.

Трубецкой подчеркивает, что в обществе и государстве нельзя ограничиться собственно естественным правом и отбросить позитивное. Обнаруживаются по крайней мере два основания для оправдания существования позитивного права.

Во-первых, естественное право формулируется в виде принципов и общих положений, имеющих абсолютный и относительный, безусловный и условный характер, однако естественное право не включает в себе никаких раз навсегда данных, неизменных конкретных юридических норм. Оно не является кодексом вечных заповедей, а совокупностью нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой эпохи и нации. Трубецкой подчеркивает: «Как синоним нравственно должного в праве, оно не выражается в виде каких-либо общих, для всех обязательных законодательных шаблонов. Для каждого народа и в каждую данную эпоху оно олицетворяет собой особую специфическую задачу, особую совокупность конкретных обязанностей» [5, с. 67]. Таким образом, оправдание существования позитивного права состоит в том, что оно выступает как конкретная форма выражения естественного права в системе юридических норм. Другими словами, естественное право не может себя выражать в юридических нормах иначе как через позитивное право.

Во-вторых, позитивное право на отдельных этапах развития общества способно более или менее точно выражать достигнутый уровень понимания естественного права обществом.

Е. Н. Трубецкой, опираясь на особенности естественного права, приводит аргументы в защиту внешнего авторитета или государственной власти в обществе. Поскольку естественное право не представляет собой кодекс готовых и неизменных норм, то конкретные положения естественного права могут вызывать и действительно вызывают сомнения и разногласия. Трубецкой пишет: «Область нравственно

должного в праве представляется спорною, и отдельные лица могут иметь о ней неодинаковые представления; поэтому, если бы отдельным лицам была предоставлена свобода жить и действовать согласно своему субъективному пониманию права, то всякое конкретное право было бы предметом нескончаемых споров, и вместо правового порядка в человеческих отношениях царил бы полнейший произвол и анархия, т. е. состояние, противоположное праву» [5, с. 68].

Чтобы исключить произвол и анархию, общество учреждает внешний авторитет и такую власть, которая имеет полномочия устанавливать нормы права, обязательные для всех членов той или иной социальной группы, обеспечивать единообразное исполнение юридических норм и разрешать споры о праве. Причем, внешний авторитет обладает силой власти исключительно благодаря нравственной поддержке и убежденности сообщества людей в том, что данный авторитет действует в интересах общего блага и в данных условиях является эффективным средством обеспечения добра и справедливости в обществе. Фактически внешний авторитет, по Трубецкому, санкционируется на деятельность тем же естественным правом.

Если внешний авторитет теряет нравственную поддержку в обществе и моральное оправдание своих действий, то он неминуемо падает. Люди просто отворачиваются от него и перестают рассматривать его как орган власти: они более не считают его органом, наделенным правом управлять и издавать общеобязательные нормы. Трубецкой подчеркивает: «Разумеется, с точки зрения естественного права, могут быть оправданы не всякий общественный авторитет, не всякая власть, как таковая, а только тот авторитет, та только власть, которая действительно служит общему благу и в данное время и при данных исторических условиях является наиболее пригодным орудием для осуществления правды в общественных отношениях» [5, с. 68].

Перед Трубецким встает еще один важный и трудный вопрос. Он хорошо понимает, что различные народы и государства развиваются неодинаково, и их исторический путь едва ли можно представить одной сплошной поступательной линией. В силу этого встает проблема определения критерия прогрессивного развития права, прежде всего, естественного права как ведущей стороны в праве.

Таких критериев в учении Трубецкого можно выделить два: критерии свободы и равенства. Первый критерий вытекает из философского учения Трубецкого о трудном и многострадальном, крестном

пути человека к Богу. В конечном счете, этот путь должен увенчаться приходом к долгожданному Богочеловечеству. Эта цель будет достигнута тогда, когда внешнее поведение человека будет соответствовать тому праведному пути, который указал Иисус Христос, и это поведение будет исходить из внутренних убеждений человека, т. е. человек будет искренен в своих действиях и намерениях, его внутреннее состояние и внешнее поведение будут гармонично соответствовать друг другу. Иными словами, человек будет воспринимать свободу как осознанную необходимость. В настоящее время внутренние побуждения человека далеко не всегда направлены на добрые дела. И сдерживающим средством против дурных поступков человека является система права, которая предписывает человеку правила поведения под угрозой наказания.

В этих воззрениях Трубецкой не одинок. Непреходящие ценности нравственности имели большое влияние на умы либеральной интеллигенции царской России. К примеру, П. И. Новгородцев утверждает, что право должно опираться на «вечные основы морального сознания, и, прежде всего — принцип личности и ее безусловного значения, принципы равенства и свободы, справедливости и любви» [4, с. 306].

Прогресс права, продолжает Трубецкой, есть путь, освобождающий человека. Однако, чем же определяется человеческая несвобода? Ее источники лежат как во вне, так и внутри человека. Во-первых, как, например, считает Гегель, свободный дух является первоначально в своей непосредственности, как свободная индивидуальность, как единичная исключительная воля. Эта воля есть лицо или личность. Личность есть идея свободы во всем ее объеме и богатстве, но еще не в ее конкретном раскрытии, а лишь в себе, т. е. в ее еще неразвитом и абстрактном состоянии. Личность есть источник всякого права. Она создает правоспособность, которую личность осуществлять не обязана, но уполномочена. Если какая-либо деятельность дозволена, то мы не должны, а смеем ее осуществлять. Однако то, что мы смеем делать, тем самым еще не становится для нас обязательным, но все то, чего мы не смеем делать, запрещено. Мы не смеем наносить ущерб другой личности: такова основная тема запрещений права, лежащая в основе всех его правил. Основное положение права таково: «Будь личностью и уважай всех других, как личности» [2, с. 70]. Итак, несвобода личности, прежде всего, детерминирована внешней необходимостью, определяющей запрещения и обязывания.

Несвобода человека коренится и внутри его самого. Е. Н. Трубецкой как верующий человек глубоко осознавал пагубную зависимость человека от дурных страстей или смертных грехов. Эта зависимость делает человека рабом своих страстей, т. е. ограничивает свободу личности изнутри. Итак, несвобода человека детерминирована внешней необходимостью и внутренней зависимостью человека.

Человек, по мысли Трубецкого, неуклонно движется к Богу, однако путь этот тернист. Связано это с тем, что человек еще не принял указанный Богом путь как свой личный путь, человек еще не пришел сознательно, искренне и бесповоротно к высокой христианской морали как единственно благому состоянию души. Однако человек непременно придет к такому состоянию. Тогда ему не нужны будут внешние ограничения и запреты, санкционированные государством, — они станут просто излишни.

Внешняя необходимость преобразуется для человека в его внутреннее убеждение или внутреннюю необходимость. Поступать по внешним правилам необходимости становится для человека естественным делом, потому что это является его свободным выбором согласно убеждениям.

С другой стороны, человек преодолевает и внутренние зависимости. Он становится над ними или выше их, и уже сам управляет ими, а не они им. Наступает момент, когда человек свободно определяет свое поведение, сознательно выбирая направления своей деятельности. Это состояние человека точно выражается известной философской максимой, повторяемой многими мыслителями: «Свобода есть осознанная необходимость». Гегель называет это состояние разумной свободой или свободой, направляемой силой разума. Свободный дух есть единство теоретического и практического духа, и, следовательно, мышление и воля составляют два необходимых момента его деятельности [2, с. 32–36].

По мысли Трубецкого, право не должно противоречить нравственности, но быть с ним в единстве, гармонии. Право должно идти во след нравственному закону, данному человеку Богом. Сам Бог даровал человеку свободу и призвал его идти по праведному пути не в силу внешнего принуждения, а вследствие внутреннего убеждения, искреннего служения Богу. Путь Бога — это путь любви. Таким образом, внешняя необходимость, выраженная в запрещениях и обязываниях, в особенности та, что противоречит нравственности, должна посте-

пенно свертываться или отмирать, высвобождая человеку все больше и больше степеней свободы, открывая ему все больше и больше возможностей. Вместе с тем это допустимо только в том случае, если свертывание внешней необходимости одновременно сопровождается и развертыванием внутренней необходимости в сознании человека, т. е. нравственные запрещения и обязывания должны становиться непреложным моментом жизни и деятельности личности.

Юридические нормы, не совпадающие с нравственными, отмирают, а совпадающие с нравственными постепенно теряют свое специальное регулятивное значение в обществе в силу того, что обеспечение их исполнения с помощью авторитета государства становится излишним благодаря нравственному совершенствованию человека. Иначе говоря, это путь разумного самоограничения и самосовершенствования. Однако именно он и выступает как самый тяжкий и тернистый путь. Это и есть крестный путь к Богочеловечеству.

Теперь можно сформулировать первый закон прогрессивного развития права. Право развивается прогрессивно, если расширяется внешняя свобода личности путем свертывания внешней необходимости и развертывания внутренней необходимости. Целесообразно привести и иную формулировку. Право развивается прогрессивно, если расширяется внешняя свобода личности путем уменьшения множества внешних запрещений и обязываний и одновременного формирования непреложных внутренних строгих моральных запрещений и обязываний.

Вторым критерием прогрессивного развития права выступает критерий равенства. Трубецкой рассуждает следующим образом: «Та внешняя свобода, которая, как мы видели, составляет содержание права, выражается в возможности осуществления тех или других целей в мире внешнем. Проявление нашей свободы, так понимаемой, задерживается препятствиями троякого рода: препятствия эти могут исходить от внешней природы, от других лиц и, наконец, от нас самих, от несовершенства наших сил умственных и физических» [5, с. 62].

Остановимся, прежде всего, на препятствии, исходящем от других лиц, и имеющем социальные корни. В различные периоды времени и в разных странах права личности определялись неодинаково. Раб не имел личных прав, а современный европеец обладает широким спектром личных прав и свобод. Ограничение внешней свободы

человека может исходить, прежде всего, от другого человека. В обществе люди оказываются неравными по многим отношениям: экономическим, политическим, социальным, правовым, религиозным, национальным, языковым, гендерным и др. Полезно напомнить, что Аристотелевское учение об уравнивающей и распределяющей справедливости допускает равенство между людьми только в вопросах гражданско-правовых отношений, причем в сферу этих отношений вообще не включаются рабы, что было вполне естественно для периода рабовладельчества [1].

Вместе с тем в настоящее время мы видим, что исторически прогрессивное развитие права идет по пути уравнивания в юридическом смысле людей по все большему и большему числу отношений, а сами эти отношения применяются к все большему и большему множеству людей. В современном мире общепризнанные принципы и нормы международного права, конституции ведущих стран гарантируют равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Провозглашая равенство людей, юридический закон стоит на защите интересов, прежде всего, социально незащищенных слоев населения и отдельных личностей и, таким образом, с помощью силы и авторитета государства обеспечивает соблюдение исторически определенной социальной справедливости и защищенности человека в социуме.

Второй вид препятствий исходит преимущественно от самой природы человека и определяется его физическим и интеллектуальным развитием в сравнении с другими людьми. Люди не равны друг другу по своим природным задаткам. По мысли Трубецкого это естественное неравенство может преодолеваться в обществе опять-таки с помощью правовых законов, создающих условия для полноценного развития человека независимо от его природных возможностей. Трубецкой пишет, что право «до известной степени освобождает нас от нашей немощи и бессилия: благодаря ему ничтожные физические силы отдельного индивида восполняются силами множества других индивидов, связанных в обществе. Кроме того, обуславливая общество, право тем самым обуславливает собой существование той среды, вне которой человек не может развить своих умственных сил. Не будь права, не было бы просвещения, не было бы школы и всех тех учреждений, которые

освобождают человека от одного из злейших его врагов — от невежества” [5, с. 64].

Нет особой необходимости подвергать критике позицию Трубецкого за, видимо, чрезмерное преувеличение роли права в обществе. Важно обратить внимание в нашем анализе на тот позитивный момент, который содержится в концепции Трубецкого. Он заключается в том, что именно в праве закрепляются те отношения, которые нацелены на преодоление интеллектуальной, культурной и физической немощи отдельного человека и общества в целом. Едва ли можно сомневаться в том, что чем более невежественно общество и отдельные его представители, тем ниже это общество в своем развитии. И наоборот, чем больше возникает отношений, открывающих возможности интеллектуального, культурного и физического развития, чем больший круг людей на равной основе втягивается в эти отношения, тем быстрее идет общество по пути прогресса. Право, закрепляя общественные отношения в государственных законах, может выступать гарантом прогрессивного развития общества.

Итак, прогрессивное развитие права идет по пути уравнивания людей в их возможностях интеллектуального, культурного и физического развития. Причем, право создает гарантии для полноценного и достойного развития наиболее слабых в данном отношении групп населения и отдельных личностей и обеспечивает их защиту от произвола со стороны сильных.

Подводя итог рассмотрению противоположных концепций в естественном и социальном направлениях права, Е. Н. Трубецкой говорит: «Представители естественной школы права в том, что существует право нравственное, естественное, отличное от права позитивного; с другой стороны, представители современного историзма и эволюционизма права в том, что не существует вечного, неизменного кодекса естественного права» [5, с. 68]. Действительно, конкретные требования естественного права меняются соответственно условиям времени и места. Требования свободы и равенства меняются в зависимости от страны и эпохи и не являются величиной постоянной.

Вместе с тем Трубецкой в своем анализе указывает законы, по которым развивается естественное право и обозначает критерии прогрессивного развития права, что в своей совокупности может служить достаточно надежным ориентиром в оценке естественного права в каж-

дную конкретную эпоху. Следовательно, естественное право должно оцениваться конкретно-исторически. Для того или иного места и времени право может быть выражено в достаточно определенных нормах и правилах.

Однако сами эти нормы не могут рассматриваться как вечные и неизменные, абсолютно соответствующие Божественному закону Добра и Справедливости. На любом этапе развития общества естественное право всегда ограничено осознаваемое людьми, будет оставаться лишь частично соответствующим великому закону Права морали, данному человечеству Богом.

Признание существования естественного права в его нравственной трактовке необходимо не только с теоретической, но и с практической точки зрения, считает Трубецкой. Он пишет, что, отвергнув естественное право, мы лишаем себя всякого критерия для оценки действующего позитивного права. Если над позитивным правом нет никакого Высшего права, то мы должны принять само действующее право за Правду, считает Трубецкой. Поэтому чистый консерватизм должен привести нас к совершенному консерватизму. Не удивительно, что зародившаяся в начале XIX века историческая школа стала оплотом консервативных тенденций, которые пришли на смену идеям Французской революции.

Напротив, признание существования естественного права заставляет нас критически относиться ко всякому исторически конкретному праву, оценивать его с точки зрения Правды и Справедливости и рассматривать всякую норму действующего права с точки зрения возможного совершенствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика, книга первая; книга третья // Сочинения в 4-х т. Т. 4. — М., 1983.
2. Гегель Г. Сочинения. Т. 8. — М.-Л., 1934.
3. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник. — 2-е изд. — М.: Норма. — М., 2015.
4. Новгородцев П. И. Сочинения. — М., 1995. — С. 306.
5. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — М., 1913.
6. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып.1. — М., 1911. — С. 10.

Героев Д. П.,

*ассистент каф. теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ НОРМЫ ПРАВА И ЕЕ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКАХ

Аннотация. В представленной статье рассмотрены основные признаки нормы права, предлагаемые теоретиками права. Автор анализирует подходы ученых и формирует свой перечень основных признаков права и предлагает свое определение понятия нормы права.

Ключевые слова: право, норма права, признаки нормы права.

Geroev D. P.,

*Assistant of the Department of Theory and History of State and Law
FGBOU VO „Saint Petersburg State University of Economics“*

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF THE RULE OF LAW AND ITS MAIN FEATURES

Abstract. This article examines the main characteristics of a rule of law as proposed by legal theorists. The author analyzes various scholarly approaches, develops an original list of the fundamental attributes of law, and offers a personal definition of a rule of law.

Keywords: law, rule of law, characteristics of a rule of law.

*В благодарность своему учителю Бернацкому Г. Г.
с надеждой на долгие лета в высшей школе*

I. Вводная часть

Норма права является ключевой составляющей в изучении теории права и понимании оной. При этом, несмотря на всю свою важность, многие авторы расходятся в понимании нормы права и ее существенных признаков*, что отражается в дефинициях, предлагаемых авторами. Изучая основную учебную литературу, я обратил внимание на то, что дефиниции и признаки нормы права страдают двумя недостатками:

1) В ряде случаев тема «норма права» раскрывается по наитию, авторами глубоко не рефлексирована описываемое ими понятие и его суще-

* Во многом такое расхождение обусловлено разным типом правопонимания, присущим теоретикам права. В рамках единого правопонимания также могут быть существенные расхождения, так как единое правопонимание не предопределяет исследовательское видение явления.

ственные признаки. Иногда доходит и до того, что отстаиваемый автором тип правопонимания не соответствует их определению нормы права;

2) Авторы не осуществляют «вылазок» в позитивное отраслевое право (гражданское, уголовное, процессуальное и т. п.)^{*}, хотя с точки зрения развития общей теории права необходимо обращаться к отраслевым наукам. В обратном случае, выводы из теории права не будут связаны с реальными отраслевыми общественными отношениями.

В итоге, это приводит к тому, что определение нормы права лишено той точности, которую мы хотим видеть в дефиниции. Заметно и то, что авторские дефиниции не отражают всех признаков нормы права, которые ими же раскрываются вслед за дефиницией нормы права, хотя, как представляется, хорошая дефиниция должна отражать все ее существенные признаки.

В данной работе предпринята попытка осуществить ревизию признаков норм права и, исходя из этого, будет предложено свое видение определения нормы права. Мною будут привлекаться в первую очередь отраслевые примеры. Методологически это оправданно. Если бы не влияние отраслевых наук, возможно, мы бы по-другому понимали институт ответственности, правоотношений, теорию юридических фактов, состав правонарушения и т. п. Именно через примеры отраслевых наук можно прийти к выводу об универсальности тех или иных признаков нормы права или склониться к выводу об их партикулярном или, если угодно, частном значении.

Объем работы ограничивает автора в приводимых примерах. Мною анализировались институты гражданского права, без погружения в иные институты других отраслей, что, возможно, обедняет ее с точки зрения охвата материала. Однако полагаю, что даже примеров из гражданского права и доктрины гражданского права будет достаточно хотя бы для предварительных выводов. Результат работы не предполагает создание неклассического понимания нормы права, а, скорее, является скромной попыткой устранить неточности в уже существующем мейнстримном дискурсе. И, конечно же, автор не посягает на достижения авторитетных предшественников. Можно только надеяться, что настоящая работа сподвигнет к рефлексии студентов и любителей теории права, даже если основные выводы, в итоге, окажутся неточными или даже неверными.

^{*} Это не означает, что сам подход должен быть позитивистским.

II. Основная часть

Просмотрев основные учебники и пособия по теории права, авторы чаще всего выделяют основные признаки [1, 349; 2, 681–684; 3, 274–276; 4, 136–139; 5, 134–139; 6]. По мнению большинства авторов, норма права:

1. Нормативна, т. е. содержит правило поведения (веление);
2. Общеобязательна, т. е. распространяется на всех субъектов, на которых норма направлена;
3. Обладает предоставительно-обязывающим содержанием, т. е. предполагает обязательную связку: «право одного лица противостоит обязанности другого лица. Иными словами, норма права — бинарная категория;
4. Формально определена, т. е. выражена и закреплена в каком-то источнике (форме)*;
5. Системна, т. е. существует связанность норм права между собой и отсутствие коллизий между ними;
6. Неперсонифицирована, т. е. обращена не к конкретному субъекту, а потенциально неопределенному кругу лиц;
7. Устанавливается или санкционируется государством;
8. Охраняется силой государственного принуждения.

Некоторые авторы выделяют и иные признаки: 1) волевой характер (с точки зрения свободы выбора у субъекта) [3, 274–276], типичность и многократность использования субъектами** [4, 137–138], выражение государственной воли [9, 445–448]***.

Не вызывают сомнения такие свойства нормы права, как: нормативность (типичность/многократность использования), общеобязательность, установленность или санкционированность государством. Од-

* Некоторые авторы под формальной определенностью понимают, какое конкретно поведение требуется от субъекта, т. е. норма определяет границы дозволенного [7, с. 331–332]. Есть и двухплановый подход, который предполагает и внутреннюю формальную определенность (границы поведения), и внешнюю — закреплённость в источнике [2, 682–683]. В. В. Оксамытный данный признак именуется «фиксированностью», что вполне приемлемо [8, с. 402–403].

** Полагаю, что этот признак относится к нормативности. Иногда он выделяется как «общезначимость».

*** Данные признаки мною не рассматриваются отдельно, так как объемы работы не позволяют это сделать. Замечу лишь, что вышеуказанные признаки являются или признаками любых социальных регуляторов, а не только нормы права, или являются проявлением общепризнаваемых признаков или же просто по-другому названы.

нако в части представительного-обязывающего содержания норм права, их формальной определенности, системности, персонифицированности и охраны органами государства стоит остановиться подробнее.

В большинстве учебников по теории государства права и во многих работах по теории права авторы сходятся во мнении, что важным признаком (а по мнению многих правоведов — ключевым признаком)* нормы права является то, что она носит право-обязывающий (или представительного-обязывающий) характер. Иными словами, для норм — правил поведения характерна корреспонденция, где один субъект будет наделен правами, которые он реализовывает через поведение другого субъекта. Это простейшая правовая коммуникация. В реальной практике зачастую каждая из сторон в отношении друг друга имеет как права, так и несет соответствующие обязанности. Особенно это свойственно частному праву, ведь в рамках частного права стороны находятся в координации, а не субординации и между ним происходит обмен благами. Но здесь возникает один вопрос: а насколько этот признак нормы права является все же имманентным? Можно ли помыслить норму — правило поведения, которая дает субъекту право, но не налагает на другую сторону обязанность? По крайней мере одно исключение можно помыслить. Например, к этой категории можно отнести секундарные права. В российской и европейской цивилистике довольно большое количество авторитетных специалистов признает существование особых прав, называемых секундарными (иногда их в литературе называют преобразовательными, что кажется с точки зрения семантики слова более подходящим названием). Суть данных прав состоит в том, что такие права запускают или видоизменяют правоотношения по волеизъявлению управомоченного субъекта, а вторая сторона претерпевает эти изменения. Приведу наиболее часто встречающиеся примеры:

1) Заявление о зачете.

Как известно, сторона по сделке имеет право при наличии определенных юридических фактов прекратить односторонним волевым действием взаимные денежные обязательства сторон;

2) Односторонний отказ от договора.

Имеет такой же правопрекращающий эффект, как и зачет. Договор автоматически прекращается при заявлении об отказе от договора. И заявление о зачете, и отказ от договора является рецептивной сделкой,

* Например, таких взглядов придерживаются: Е. В. Тимошина, А. В. Поляков, Г. Г. Бернацкий, а также ряд других авторов.

то есть сделкой, которая требует восприятия, что позволяет соблюдать баланс интересов между сторонами;

3) Одностороннее изменение договора.

Разница между односторонним отказом от договора состоит в том, что в случае прекращения договора правоотношения прекращаются полностью, а в случае изменения договора он может быть прекращен лишь в части (усечение условий) или же в отношении одной из сторон возникают новые права/обязанности, не покрытые первоначальным условием договора;

4) Опцион на заключение договора (безотзывная оферта).

В рамках данной конструкции владелец опциона в рамках определенного срока имеет право своим волевым действием ввести договор в действие, то есть породить правоотношения.

Примеры можно множить и далее. Хотелось просто показать, что секундарные права могут влиять как на возникновение, так и на изменение или прекращение правоотношений. То есть данный вид прав может быть реализован на любой стадии правореализации.

Но здесь возникает вопрос: прямой обязанности мы действительно в этих случаях не видим, но, быть может, само претерпевание последствий совершенного волеизъявления вторым лицом и есть корреспондирующая обязанность? У меня тут есть большие сомнения, так как остается неясным, как можно нарушить такое претерпевание. Ведь когда мы налагаем обязанность на соответствующее лицо, то мы исходим из того, что лицо может поведенчески нарушить права управомоченной стороны. В секундарных же правах, как представляется, претерпевающее лицо не может нарушить права управомоченной стороны и более того мы для данного вида прав не имеем санкций для претерпевающей стороны*, что не может не склонять нас к версии, что данному типу прав не противостоят какие-либо обязанности.

В целом, такой подход подтверждается и тем, что природа секундарных прав такова, что с помощью них управомоченное лицо имеет

* При этом, кстати, санкцию для управомоченной стороны вполне можно обнаружить. Для этого приведу следующий иллюстративный пример: сторона сделки, имеющая секундарное право на отказ от договора, возникшее в силу нарушения должником договора, не реализует его в течение продолжительного срока. Такое пассивное поведение кредитора создает разумное ожидание должника, что такое право на отказ реализовано не будет и суд отказывает в реализации такого права в связи с нарушением принципа добросовестности, который, как известно, довольно часто применяется при наличии пробела в законе.

дискрецию в таком объеме, что нет никакой необходимости обращаться в органы государственной власти в целях защиты своих прав. Такие права дают столько дискреции сколько необходимо для возможности определения судьбы правоотношений. Стоит согласиться с позицией Карнушина В. Е. [10, с. 22], подметившего, что секундарные права регулируют не отношения между людьми, а управомачивает субъекта к самому правоотношению. И, видимо, природа такой власти и предопределена тем, что с помощью нее субъект мог бы реализовывать свои субъективные права абсолютно и без протекции органов государства.

В суде может возникнуть спор о реализации секундарного права, но в таких случаях государство реагирует не на само секундарное право (ограничивая субъективное право управомоченного), а на наличие вообще такого субъективного права в конкретном казусе. Нельзя реализовать то право, которого у субъекта нет и не более того.

Кратко резюмируя все то, что сказано выше в отношении секундарных прав, заметим, что, вероятно, есть все-таки права, которые не имеют корреспонденции в виде обязанности. А вот обратное (когда существует норма права в виде обязанности) вряд ли возможно в силу природы нормы права. Иными словами, право без обязанности может быть, а вот обязанность без права — нет. Хотя и этот тезис требует дополнительной проверки через анализ норм административного и уголовного права. Возможно, окажется вышесказанное неверным.

Есть и другие категории в праве, которые, на первый взгляд, не укладываются в модель «право — обязанность». Речь, например, идет о такой категории, как возражения. Есть подозрение, что и они хотя бы в части представляют из себя исключение. Но для получения выводов требуется дополнительное погружение в проблематику.

Еще одним признаком нормы — правил поведения принято считать охрану их силой государственного принуждения. На мой взгляд, данный признак нормы права не может носить абсолютный характер и могут существовать нормы права, которые не охраняются / защищаются силой государственного принуждения.

С одной стороны, это возможно в ситуациях, когда законодатель вводит какую-то норму/правило поведения, однако не устанавливает никакой санкции за нарушение диспозиции. При этом, тезис о том, что такая норма «бессильна» не всегда соотносится с тем, что происходит в реальной жизни, когда такие ситуации возникают. Вполне допустимы ситуации, когда субъекты права, осознавая, что законодатель

осуществил ошибку и не установил санкцию за нарушение диспозиции нормы права, все же сознательно придерживаются данной нормы права несмотря на то, что формально-юридически ответственность не возникает. Почему так происходит — вопрос дополнительных исследований, но можно предположить, что тут влияет несколько факторов в разной степени и в разной пропорции: 1) состояние правопорядка и правосознания в стране; 2) возможность применения судом в случае спора аналогии права / закона или принципов права; 3) невозможность осуществления однозначного толкования при отсутствии разъясняющих позиций правоприменительных органов; 4) повышенные литигационные или трансакционные издержки. Иными словами, с точки зрения социологии права субъекты будут вести себя правомерно и сила в этих нормах какая никакая, но есть. Но нельзя не признать, что такие нормы, конечно, дефектны и правотворческий орган не должен допускать таких ошибок. Обстановка в государстве всегда может поменяться, что может сильно дестабилизировать «незасакционированные» общественные отношения. Наверное, слово «бессильность» максимально подходит именно для таких ситуаций. Но все это не отменяет тот факт, что норма права может быть лишена «патрона» в виде государства.

С другой стороны, вполне могут быть ситуации, когда государство целенаправленно отказывается защищать некоторые общественные отношения, не запрещая их и даже в ряде случаев регулируя. Самым колоритным примером могут служить натуральные обязательства. Данные обязательства в силу закона не могут быть принудительно исполнены. Самые банальные примеры — карточный долг, ставки на алеоторные события и т. п. Гражданским кодексом такие отношения регулируются, но в случае, если на регулятивной стадии происходит сбой, нарушенное право не подлежит восстановлению через охранительную функцию права. Прикрывать такие нормы права, как нормы моральные, полагаю, не совсем верно. В обратном случае такие обязательства в случае их исполнения должны были бы приводить к тому, что исполненное не имело бы законного основания с точки зрения гражданского права, однако это не так. Так же и при пропуске исковой давности. Ее истечение не делает исполненное обязательство по истечении срока давности ненадлежащим.

Однако в отечественной юриспруденции идея о невозможности существования прав, не подлежащих защите, прочно укоренилось еще со времен трудов Д. И. Мейера, Г. Ф. Шешиневича, В. И. Синайского

и др. Хотя сторонники более нюансированного подхода тоже имелись — Е. В. Васьковский, И. А. Покровский, Н. Л. Дювернуа. В советском праве преобладающей сохранялась первая точка зрения, что с учетом классового подхода к праву — неудивительно. Но были и более осторожные авторы, вроде В. П. Грибанова [11, 185–186] и Б. Б. Черепанина [12, 285–287], которые вполне могли себе представить возможность существования категории прав, не подлежащих защите.

Мне кажется, никаких реальных оснований полагать, что не защищаемых прав быть не может, и такой подход противоречит сущности нормы права как социальному феномену, — нет. Право просто богаче, чем строгие признаки, указанные в учебной литературе и монографиях. Нельзя исключать, что регулятивные нормы могут не иметь под собой опоры в виде охранительных норм. По-моему, к такому выводу к началу 20 века и пришли европейские ученые. Право, как явление, носит коммуникативный характер, и принуждение является лишь одним из способов обеспечения правопорядка. Обратим внимание на то, что несмотря на отсутствие возможности судебной защиты современные организаторы тотализаторов и букмекеры процветают*, они исполняют свои обязанности перед контрагентами, так как исполнять обязанности в этих случаях выгодней, чем их нарушать пусть и без санкций**. В некоторых социальных отношениях это работает. Почему бы и нет?

Еще одним признаком нормы права является ее формальная определенность. С этим тезисом можно согласиться отчасти. В современном праве действительно подавляющее большинство норм права формально определены. Однако вызывает сомнение, что этот признак применим, например, ко всем правовым обычаям, которые для многих правопорядков являются источником права, по крайней мере в случаях, когда под «формальной определенностью» понимается содержательная часть правила поведения, то есть мера поведения, а не ее форма выражения в источнике права***. Во-первых, темпоральное действие правовых обычаев в ряде случаев сложно определимо. Во-вторых, обычай, кроме того, может быть объективно неизвестен, так

* Те, кто смотрит фильмы и сериалы, используя ПК, или увлекается спортом, наверное, обратили внимание на превалирующую рекламу.

** Контракт выгодней исполнять, нежели нарушать.

*** То, что норма права существует лишь в определенных формах (закон, прецедент и т. п.) — сомнения не вызывает.

как формально он может быть письменно не закреплён, а отражаться только в сознании определенной группы людей, и при этом правовой обычай будет действовать. В-третьих, даже если посмотреть на п. 2 Постановления Пленума ВС № 25 от 23.06.2015 года [13], то мы увидим, что высшая судебная инстанция крайне абстрактно раскрывает понятие правового обычая: «Под обычаем... следует понимать не предусмотренное законодательством, но сложившееся, то есть **достаточно определенное в своем содержании, широко применяемое правило поведения** (курсив мой — Д.Г.) при установлении и осуществлении гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей не только в предпринимательской, но и иной деятельности...». Правило поведения носит достаточно-определённый характер в целях признания такового стандарта поведения в качестве правового обычая. Иными словами, четкого содержания правовой обычай, видимо, может и не содержать. С другой стороны, часто можно увидеть дефект и в писанных источниках права, когда правотворческий орган формулирует норму права таким образом, что субъекты права не могут определить границы правомерного поведения. Тождественны ли эти два случая? Мне кажется, что нет. В первом случае достаточная определенность для правового обычая имеет значение в целях определения существования такого обычая, а не в целях предопределения дефектности обычая как коммуникативной категории. Во втором же случае речь идет именно о дефекте в праве. А значит, «достаточная определенность» имеет оценочную категорию сама по себе, что лишает правовой обычай той степени формальной-определенности, которая свойственна иным нормам права в силу их природы. Не имея ответ, можно задаться риторическим вопросом, насколько вообще можно говорить о формальной определенности в значении меры поведения, если в реальной жизни содержание нормы, так или иначе, определяется путем толкования, которое может привести к телеологической редукции или расширительному восприятию нормы права, которое вообще может сильно отступать от буквального текста или целей принятия нормы права?

Еще одним признаком нормы права является ее системность. Хотел бы обратить внимание, что я не встречал определений, в которых отражался бы этот признак, но многими авторами он выделяется при их перечислении и раскрытии [1, с. 349; 3, с. 275; 5, с. 138–139]. Представляется, что сама по себе норма права лишена признака систем-

ности. Лучше всего на этот счет высказался Н. А. Пьянов: «Системность говорит о том, что нормы находятся в единстве, в системе и регулируют общественные отношения не каждая сама по себе, а во взаимосвязи. Но это не означает, что каждая отдельная норма обладает системностью.» [14, 163–164].

И, наконец, вызывает вопрос такой признак нормы права как неперсонифицированность. Здесь также можно признать, что в абсолютном большинстве случаев норма права распространяется действительно на неопределённый круг лиц, на которых норма права рассчитана. Но возникает вопрос: существуют ли нормы права, которые распространяются лишь на одно конкретное лицо, например, путем принятия специального федерального закона? Такие законы действительно существуют. Один из примеров — Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» от 01.12.2007 N317-ФЗ [15] или Федеральный закон «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» от 23.11.2007 N270-ФЗ [16]. Данные законы, точнее, нормы права его содержащие, направлены лишь на одного субъекта, и именно в отношении него возникают права и обязанности. Поэтому, полагаю, нормы права вполне могут быть направлены на конкретных субъектов, хоть это и редкая практика.

III. Заключение

Если резюмировать основную часть работы, то:

1) Ключевыми признаками правовой нормы являются: нормативность (типичность/многократность использования), общеобязательность, установленность или санкционированность органами государства;

2) Обязательным признаком нормы права является формальная определенность, но в значении ее закрепления в определенных источниках (формах). «Внутренняя» формальная определенность не является имманентным свойством для всех форм права, а, быть может, в отношении других форм права в силу субъективного восприятия нормы и ее последующего толкования или дефектности нормы права в силу ошибки правотворческого органа, норма права будет лишена этого свойства, однако в этом случае мы не говорим, что нормы права не существует вовсе. В таком случае мы говорим о дефекте нормы права;

3) Корреспонденция прав и обязанностей, видимо, не является признаком нормы права, без которого последняя не может существовать, поэтому полагаю, что в дефиниции нормы права вполне можно ослабить бинарную связку прав и обязанностей и ввести союз «или», который подчеркивает возможность существования прав без обязанностей (если, конечно, не существуют и обязанностей без прав).

4) Системность, на мой взгляд, не является имманентным свойством нормы права;

5) Неперсонифицированность и охрана норм права органами государства хоть и является типичным признаком права, однако не является ее имманентным свойством.

Получается, что имманентными свойствами нормы права являются следующие признаки: нормативность, общеобязательность, формальная определенность во «внешнем» смысле, и что норма права исходит от государства или санкционируется им. Факультативными свойствами нормы права является: корреспонденция прав и обязанностей, охрана нормы права органами государства и ее персонифицированность.

Исходя из вышесказанного можно попробовать сформулировать уточненную дефиницию понятия нормы права. **Норма права — существующее с целью урегулирования общественных отношений, общеобязательное, выраженное в строго определенной внешней форме, правило поведения, установленное или признаваемое государством, устанавливающее права и обязанности или права, и охраняющееся, по общему правилу, государством.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Г. Бернацкого. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.
2. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода, 2-е изд.: учебник. — М.: Проспект, 2015.
3. Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра философских наук, проф. В. Н. Жукова, д. ю. н., проф. Е. А. Фроловой. — М.: Проспект, 2024.
4. Теория государства и права: учебник / под ред. д. ю. н., проф. А. В. Малько. — М.: Проспект, 2022.
5. Кожевников В. В. Теория государства и права, Ч. 2: учебник. — М.: Проспект, 2021.
6. Сорокин В. В. Теория права и государства: учебник. — М.: Проспект, 2021.
7. Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник. — М., 2006.
8. Оксамытный В. В. Теория государства и права: учебник. — М., 2004.

9. Любашин В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права: учебник. — Ростов н/Д., 2010.

10. Карнушин В. Е. Вторичные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, вторичные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В. П. Камышанского. — М.: Статут, 2016.

11. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / Осуществление и защита гражданских прав. — М.: Статут, 2001.

12. Черепашин Б. Б. Спорные вопросы понятия и действия исковой давности // Советское государство и право. — 1957. — № 7. — С. 62–70.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

14. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права: учебное пособие. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008.

15. Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» от 01.12.2007 N317-ФЗ.

16. Федеральный закон «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» от 23.11.2007 N270-ФЗ.

УДК 34.1

Долгаев В. В.,

кандидат юридических наук

доцент каф. уголовно-процессуального права

Северо-Западного филиала

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева» (г. Санкт-Петербург).

Шевченко М. П.,

студент факультета компьютерных технологий и информатики

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный

электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина) «ЛЭТИ»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ АВТОНОМНЫМИ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье исследуются формирующиеся правовые модели распределения ответственности за вред, причинённый автономными транспортными средствами (далее — АТС) на основе искусственного интеллекта (ИИ). Автором проведён сравнительно-правовой анализ подходов ключевых зарубежных юрисдикций (США, Германия, Великобритания) и существующего российского законодательства. Особое внимание уделено выявлению

пробелов в отечественном правовом регулировании в контексте международного опыта. Анализируются такие тенденции, как смещение ответственности на производителя, трансформация страхования и роль данных с «чёрного ящика». Делается вывод о необходимости разработки в России специального законодательного акта, гармонизированного с лучшими мировыми практиками.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автономный транспорт, юридическая ответственность, деликтное право, российское законодательство, сравнительное правоведение.

Dolgaev V. V.,

Candidate of Legal Sciences

Associate Professor of the Department

of Criminal Procedure Law North-Western Branch

V. M. Lebedev Russian State University of Justice (Saint Petersburg).

Shevchenko M. P.,

Student

Faculty of Computer Technology and Informatics

Saint Petersburg State Electrotechnical University

“LETI” named after V. I. Ulyanov (Lenin)

LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY AUTONOMOUS VEHICLES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN APPROACHES

Abstract. The article examines the emerging legal models for distributing liability for damage caused by autonomous vehicles (AVs) based on artificial intelligence (AI). The author conducts a comparative legal analysis of the approaches of key foreign jurisdictions (USA, Germany, United Kingdom) and existing Russian legislation. Special attention is paid to identifying gaps in domestic legal regulation in the context of international experience. Trends such as the shift of liability to the manufacturer, the transformation of insurance, and the role of “black box” data are analyzed. The conclusion is made about the need to develop a special legislative act in Russia, harmonized with the best world practices.

Keywords: artificial intelligence, autonomous transport, legal liability, tort law, Russian legislation, comparative law.

Стремительное развитие автономных транспортных средств (АТС), функционирующих на основе искусственного интеллекта (ИИ), ставит перед правовыми системами беспрецедентный вызов. Традиционные модели деликтной ответственности, основанные на вине человеческого водителя, оказываются неприменимыми в ситуациях, где решения принимает алгоритм [1, с. 14]. Данный технологический сдвиг актуален

и для Российской Федерации, где ведутся активные разработки и тестирования беспилотных технологий. Однако отечественное законодательство в этой сфере носит фрагментарный характер и отстаёт от практических потребностей, что создаёт правовые риски для всех участников правоотношений.

В связи с отсутствием у ИИ правосубъектности, ответственность всегда переносится на физических или юридических лиц, связанных с его созданием и эксплуатацией. В российской правовой доктрине дискуссия ведётся вокруг определения основного субъекта ответственности: производителя (изготовителя) АТС, владельца (эксплуатанта) или разработчика программного обеспечения. Действующий Гражданский кодекс РФ и Закон РФ «О защите прав потребителей» предусматривают ответственность за вред, причинённый вследствие недостатков товара (работы, услуги), что потенциально может быть применено к производителям АТС [2]. Однако специфика «обучаемых» систем, меняющих свои свойства после выпуска в обращение, не учтена. Отсутствуют также специальные нормы, регулирующие обязанности владельца АТС по поддержанию программного обеспечения в актуальном состоянии, что является ключевым элементом в зарубежных моделях, например, в Германии.

Зарубежный опыт регулирования демонстрирует различные пути адаптации права. В США регулирование складывается из законов штатов и судебных прецедентов. Ключевым прецедентом стало дело о гибели Элейн Херцберг в Аризоне в 2018 году. Прокуратура штата пришла к выводам, ставшим важным правовым ориентиром: вина самого ИИ как субъекта права отсутствует; уголовное обвинение в халатности было предъявлено тест-инженеру, находившемуся в салоне; уголовное дело против компании Uber было прекращено после признания ею ответственности; гражданско-правовая ответственность была реализована через досудебное финансовое соглашение [3, с. 1]. Данный кейс установил прецедент, согласно которому даже в «автономном» режиме человеческий оператор может нести уголовную ответственность за невыполнение обязанностей по надзору.

В отличие от прецедентной модели США, Германия стала одной из первых стран, принявших специализированный закон — «Закон об автономном вождении» 2021 года [4]. Немецкий подход характеризуется детальной законодательной проработкой: закрепление

приоритета жизни человека и запрета на дискриминацию алгоритмами; введение требования об обязательном «чёрном ящике» (Data Storage System); установление модели смешанной ответственности производителя и владельца; введение обязательного двойного страхования. Эта модель представляется наиболее сбалансированной и проработанной.

Великобритания избрала путь адаптации существующего законодательства с акцентом на механизмы страхования. Центральную роль играет Закон об автоматизированных и электрических транспортных средствах 2018 года [5]. Он устанавливает, что страховой полис должен покрывать ущерб от аварии в автономном режиме. Страховая компания обязана быстро выплатить компенсацию, после чего получает право регрессного иска к виновной стороне — производителю или владельцу.

Позиция России и пути развития. В настоящее время в России отсутствует комплексный закон, аналогичный немецкому. Регулирование носит фрагментарный и экспериментальный характер. Основным правовым инструментом являются экспериментальные правовые режимы (ЭПР) в сфере цифровых инноваций, созданные на основании Федерального закона № 258-ФЗ [6]. Они позволяют тестировать АТС на отдельных территориях (Москва, Татарстан, трасса М-11), однако вопросы ответственности в их рамках решаются специальными регламентами и не формируют универсальных правил.

Судебная практика придерживается консервативного подхода. Верховный Суд РФ разъяснил, что по смыслу действующего законодательства владелец АТС несёт ответственность как владелец источника повышенной опасности, что не исключает его права на регрессный иск к производителю при доказанности дефекта [7]. Таким образом, российский подход первично возлагает ответственность на владельца, а не на производителя, что контрастирует с мировым трендом.

Разработанный профильными ведомствами проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах» (так называемый «закон о беспилотниках») [8] пока не принят. Согласно его концепции, он также предполагает сохранение первичной ответственности за владельцем с последующим регрессом к производителю. Прямых аналогов немецкого «чёрного ящика» или этических запретов в проекте в явном виде не закреплено.

Исходя из анализа зарубежного опыта и пробелов в отечественном праве, для России целесообразно не просто принять специальный акт, но и скорректировать его концепцию в сторону большей гармонизации с лучшими мировыми практиками. Такой закон, который бы:

1. Чётко определил распределение ответственности между производителем, владельцем и разработчиком ПО, закрепив презумпцию вины производителя при отсутствии доказательств вины владельца в нарушении правил эксплуатации.

2. Ввёл обязательное требование к оснащению АТС отечественного производства и ввозимых на территорию РФ защищёнными системами фиксации данных («чёрный ящик») с чёткими правилами доступа к ним для целей расследования.

3. Установил обязательное страхование гражданской ответственности как владельцев, так и производителей АТС, с механизмом прямого возмещения убытков пострадавшим от страховщика владельца с последующим регрессом.

4. Закрепил этические принципы программирования ИИ, исключая дискриминацию и алгоритмический выбор «жертвы» в аварийных ситуациях.

Проведённый анализ показывает, что, несмотря на наличие в российском законодательстве общих норм о возмещении вреда и ответственности за дефекты, они недостаточны для регулирования отношений в сфере высокоавтоматизированного транспорта. Специфика ИИ, его обучаемость и «непрозрачность» принятия решений требуют специального правового подхода. Общей мировой тенденцией является постепенное смещение фокуса ответственности с конечного пользователя на производителя технологии. России, как активному участнику процесса разработки и внедрения АТС, необходимо в кратчайшие сроки гармонизировать своё законодательство с передовым международным опытом, создав правовую определённость для инвесторов, разработчиков и граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов Э. В., Смирнов А. А. Правовые аспекты внедрения беспилотного транспорта: проблемы и перспективы // Закон. — 2022. — № 8.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996. № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2021).

3. Смит Б. В. Автоматизированные транспортные средства и ответственность за продукцию // *Michigan State Law Review*. — 2017. — Т. 2017.

4. Закон об автономном вождении (*Autonome-Fahren-Gesetz*) от 28 июля 2021 г. (Официальный вестник федерального права, часть I, стр. 3106).

5. Закон об автоматизированных и электрических транспортных средствах 2018 года (глава 18). — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/18/contents/enacted> (дата обращения: 20.02.2025).

6. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5010.

7. Обзор по вопросам судебной практики, связанным с рассмотрением дел о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортных происшествий (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 11.

8. Проект Федерального закона № 1224745-7 «О высокоавтоматизированных транспортных средствах на территории Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 01.12.2023) // Официальный сайт Государственной Думы. — Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/1224745-7> (дата обращения: 20.02.2025).

УДК: 342

Елизаров В. П.,

канд. полит. наук,

доцент кафедры теории и истории государства и права

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФИНАНСОВ: ОПЫТ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI В.

Аннотация. Предметом статьи являются анализ правовых рамок и практики политического финансирования в Германии в конце XX — начале XXI века. Немецкое законодательство задает следующие рамки правового регулирования политических финансов: 1) свободу частных взносов в пользу политических партий; 2) налоговые льготы для малых взносов; наличие механизма прямого финансирования политических партий со стороны государства. В этом отношении Германия является примером европейской модели правового регулирования политических финансов, которая позволяет найти баланс между стимулированием пожертвованиями в пользу политических партий от физических лиц и прямым публичным финансированием деятельности политических партий.

Ключевые слова: политические партии, политические финансы, электоральные финансы, финансирование политических партий, государственное финансирование.

Elizarov V. P.,

Candidate of Political Sciences,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

FGBOU VO "Saint Petersburg State University of Economics"

LEGAL REGULATION OF POLITICAL FINANCES: THE EXPERIENCE OF GERMANY IN THE LATE XX-EARLY XXI CENTURIES

Abstract. The subject of the article is an analysis of the legal framework and practice of political finance in Germany in the late XX-early XXI century. German legislation sets the following framework for the legal regulation of political finance: 1) freedom of individual contributions in favor of political parties; 2) tax incentives for small contributions; 3) a mechanism of direct financing of political parties by the state. In this respect, Germany is an example of the European model of legal regulation of political finance, which allows finding a balance between the incentives for individual donations in favor of political parties from citizens and direct public financing of political parties.

Keywords: political parties, political finance, electoral finance, financing of political parties, public funding of political parties.

Введение

Правовое регулирование политических финансов, как правило, ограничивают двумя сферами. Первая относится к регулированию практики сбора и расходования средств, идущих на финансирование избирательных кампаний. Вторая включает в себя правила и практику финансирования деятельности политических партий.

В рамках сравнительных исследований, как правило, выделяют две базовых модели политического финансирования, идеологически находящихся на разных полюсах правового спектра, условно определяемые как американская и европейская. Если в рамках американской модели допускается больше свободы при организации сбора и расходования политических финансов, то европейская модель предлагает гораздо более жесткие правила регулирования.

Характеризуя американскую модель более подробно, следует сказать, что ее отличает минимальный уровень правового регулирования политических финансов. К жестким правовым рамкам политических финансов США можно отнести, пожалуй, только ограничения на размеры взносов, которые физические лица могут сделать в пользу избирательной кампании того или иного кандидата. Кроме того, американская модель в минимальной степени включает в себя возможности

публичного финансирования [1]. Единственным исключением является возможность получения субсидии в рамках избирательной кампании по выбору президента. Впрочем, даже эта государственная программа накладывает на кандидата, который рассматривает для себя вероятность обращения к ней такие условия, что с середины нулевых годов двадцать первого века кандидаты почти всегда делают выбор в пользу отказа от государственной помощи.

Двумя ключевыми характеристиками европейской модели являются: гораздо более жесткое регулирование правил и практики сбора и расходования денег, идущих на цели организации политической деятельности; а также наличие возможностей получения публичных субсидий на цели организации проведения политической деятельности, в частности, финансирования политических партий. Как свидетельствуют результаты исследований, в рамках этой модели с одной стороны, политические партии более ограничены в своих возможностях привлечения финансовых средств, и, с другой стороны, сильнее зависят от государственных субсидий [2].

На практике это означает, что в большинстве стран Западной Европы государства вводят достаточно жесткие ограничения на размер тех взносов, которые граждане имеют право делать в пользу политика или политической партии. Кроме того, европейская модель подразумевает также ограничения на те расходы, которые кандидаты и партии имеют право делать на цели организации и проведения своей избирательной кампании. Впрочем, это правило не всегда выдерживается. Есть страны, которые относятся к европейской модели политического финансирования, не устанавливают ограничения на взносы граждан, но при этом вводят ограничения на размеры избирательных фондов политиков и политических партий. К таким странам относится, например, Великобритания. Есть также страны, которые не устанавливают ограничения на размеры избирательных фондов. К ним относятся Финляндия и Швеция [3, с. 396].

Что касается публичного финансирования партийной деятельности, европейские страны придерживаются единой стратегии. С одной стороны, почти во всех странах Западной Европы предусмотрены возможности частных взносов в пользу политических партий. С другой стороны, законодательства всех этих стран включают в себя программы публичного финансирования политических партий, хотя конкретные механизмы этого финансирования могут быть разными.

Германия в этом отношении является крайне интересным примером. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены основные принципы немецкой модели правового регулирования политических финансов, при этом фокус будет делаться на правилах и практике публичного финансирования политических партий.

Притом, что Германия безусловно относится к европейской модели политического финансирования, законодательство этой страны включает в себя некоторые элементы, которые выбиваются из общей логики европейской модели. К таким элементам относится отсутствие ограничений на пожертвования в пользу политических партий. Как уже было отмечено, в этом отношении Германия схожа с Великобританией. Однако, отличием от Великобритании является наличие разработанной и масштабной системы государственного финансирования политических партий, которую часто называют образцовой. Правила и практика ее работы являются предметом настоящей статьи.

Правовые рамки публичного финансирования политических партий

Германия является одной из первых стран, где были приняты законы, регулирующие публичное финансирование демократии. В 1954 году в Западной Германии была принята система непрямого публичного финансирования политических партий. В основе этой системе лежал принцип предоставления налоговых льгот для лиц, делающих денежные пожертвования в пользу политической партии.

Первый опыт применения схемы прямого публичного финансирования датируется 1959 годом. Эта попытка стала прямым следствием по рекомендации Федерального конституционного суда, который в 1958 году выразил опасение в том, что освобождение от налогов за пожертвования дает одним партиям больше преимущества, нежели другим, и оценил подобную ситуацию как нарушение конституционного принципа равных возможностей [4].

Поначалу, однако этот опыт в целом оказался неудачным, поскольку в дальнейшем Бундестаг и Федеральный конституционный суд принимают ряд противоречивых решений, отчасти облегчающих, а отчасти блокирующих движение в направлении организации системы публичного финансирования политической деятельности. Согласно закону от 24 июля 1964 года в Германии политические партии получили право на возмещение электоральных расходов, в соответствии с количеством полученных голосов. В 1966 году Федеральный конституционный суд

попытался ограничить объем и практику публичного финансирования политических партий, что шло в разрез с решением от 1958 года.

Ситуация меняется в начале 1990-х годов. 9 апреля 1992 года Федеральный конституционный суд принимает основополагающее решение, создающее правовую основу для практики публичного финансирования политических партий (BVerfGE, т. 85, стр. 264), после чего вносятся изменения в Закон о политических партиях, которые вступают в действие 1 января 1994 года. 28 июня 2002 года, а 22 декабря 2004 года Закон о политических партиях был дополнен положениями, ужесточающими финансовые и уголовные санкции за его нарушение, а также упорядочившие требования к отчетности и бухгалтерскому учету. С этого времени можно говорить о современной практике финансирования политических партий в Германии [5].

Согласно разделу 18 Закона о политических партиях, целью публичного финансирования политических партий является финансовая помощь, необходимая для поддержания их существования и осуществления их политической деятельности. Объем выделяемого государством финансирования напрямую определяется политической значимостью каждой конкретной партии. Оценка этой политической значимости делится осуществляется исходя из двух параметров.

Во-первых, учитываются голоса, полученные партией на последних выборах в Европейский парламент, Бундестаг и законодательные собрания земель. Минимальным условием получения публичного финансирования является получение партией не менее 0,5% голосов на последних выборах в Европейский парламент или Бундестаг, и не менее 1% на последних выборах в законодательное собрание земель. Партии, имеющие право на государственное финансирование, получают 0,85 евро за каждый голос, вплоть до четырех миллионов голосов, и 0,70 евро за каждый дополнительный голос сверх этого.

Во-вторых, учитывается объем денежных поступлений, полученных партией от физических лиц. Сюда включаются данные о пожертвованиях в пользу партии, взносы избранных народных представителей, а также членские взносы (ст. 18 Закона о политических партиях) [5]. На практике это означает, что партии получают 0,45 евро из фонда публичного финансирования в расчете на каждый евро пожертвований (при этом установлен лимит до размера пожертвования в 3300 евро). Хотя пожертвования физических лиц, превышающие допустимую сумму в 3300 евро, разрешены, как и пожертвования юридических лиц,

они не включаются в расчет финансирования на основе пожертвований. Притом, что формально ограничений на крупные пожертвования от физических лиц не установлено, тот факт, что дополнительное государственное финансирование прекращается при превышении лимита пожертвований в 3300 евро, говорит о желании стимулировать пожертвования от мелких спонсоров.

Практика публичного финансирования политических партий

Как уже было отмечено, Германия представляет собой пример юрисдикции, в которой имеется налаженная системой публичного финансирования политических партий. При этом законодательство Германии предусматривает отказ от ограничений на частные пожертвования в пользу политических партий, чем и пользуются сторонники этих партий, в том числе со стороны крупного бизнеса.

При определении стратегии правового регулирования политических финансов немецкие законодатели предусмотрели стимулы для расширения влияния малых спонсоров. Это делается за счет предоставления налоговых льгот тем физическим лицам, которые делают взносы в пользу политических партий: предельная сумма для получения таких льгот равняется 3300 евро. Эта схема работает и дает свои результаты. Можно отметить, что схожая схема применяется в Испании. Более того, в Германии и Испании политические партии получают от государства больше средств, нежели, например, во Франции [4, с. 49, 150]. В Германии, начиная с 2010 года, большая часть таких пожертвований в пользу политических партий делается за счет физических лиц.

Политические партии ежегодно должны отчитываться об общей сумме пожертвований, полученных от физических лиц: сюда входят пожертвования; плюс взносы представителей партии, занимающих выборные государственные должности; а также членские взносы. В конце каждого года политические партии обязаны публиковать списки жертвователей для взносов свыше 10000 евро с указанием размера пожертвования, а также идентификационные данные спонсора. В среднем, за период с 1994 по 2015 год пожертвования суммой выше 3300 евро давали чуть более 9% от общей суммы пожертвований, полученных политическими партиями от физических лиц. В 2015 году, общий объем таких взносов для всех партий составил 24,4 миллиона евро. В том же году общий объем пожертвований свыше 10000 евро, включая сюда физические лица и компании, составил 13,4 миллиона

евро. При этом, показатель для индивидуальных пожертвований размером менее 3300 евро составил 200 миллионов евро. Большинство из этих пожертвований (около 55%) приходит на членские взносы, и более четверти на взносы от лиц, занимающих выборные должности [4, с. 74–76].

Хотя пожертвования со стороны компаний и профессиональных ассоциаций (таких, как профсоюзы) в целом менее важны в общем объеме пожертвований, средний размер таких пожертвований значительно выше. К игрокам на этом поле относятся представители таких экономических секторов, как: механические, металлургические, и электротехническая производства, а также химическая промышленность и, в меньшей степени, строительство и текстильное производство. Начиная с 2000 года, совокупный объем участия в финансировании немецких политических партий профессиональных организаций механической, металлической, металлургической, и электрической индустрий составил 18,2 миллиона евро. Для химической и фармацевтической промышленности этот показатель около шести миллионов евро. Впрочем, как показывают некоторые журналистские расследования, многие компании скрывают свое финансовое участие в политике пользуясь несовершенством законодательства, а значит, их реальный вклад может быть выше. Например, многие компании, пользуясь тем, что они обязаны декларировать свои пожертвования объемом выше 10000 евро, разбивают свои пожертвования на серию более мелких взносов [4, с. 76–77].

Что касается крупных спонсоров политических партий. Поскольку действующее немецкое законодательство ориентировано на стимулирование малых пожертвований от физических лиц, крупные пожертвования могут делать юридические лица, прежде всего, компании и корпорации. Если физические лица, как правило, делают взнос в пользу одной политической партии, корпорации часто выбирают другую стратегию: поддержки сразу нескольких политических партий, которые при этом могут придерживаться существенно различных идеологических позиций.

Хорошим примером является компания-автопроизводитель Daimler, которая ежегодно жертвует 100000 евро СДПГ (Социал-демократическая партия) Германии, и она же жертвует ту же сумму партии ХДС (Христианско-демократический союз). Компания Philip Morris GmbH (немецкий филиал корпорации Philip Morris) почти

ежегодно жертвует деньги нескольким разным политическим партиям. В период между 2001 и 2015 годом эта сумма составила 900000 евро. Компания Фольксваген в период между 2000 и 2015 годом пожертвовал в пользу немецких политических партий 1,8 миллионов евро, BMW — 3,7 миллиона евро, а уже упомянутый Daimler — 7,2 миллиона евро [4, с. 40–41].

Как показывают данные исследований, в Германии за последние тридцать лет расходы политических партий составили в среднем 476 миллионов евро в год (или 7,87 евро в расчете на одного взрослого гражданина). Из этой суммы 28% составили электоральные расходы [4, с. 34]. При этом порядка трети от бюджетов основных политических партий составляет именно публичное финансирование. А с учетом стимулирования частных пожертвований за счет налоговых льгот цифра, этот показатель может превышать половину бюджета.

Важной особенностью Германии в рамках европейской модели правового регулирования электоральных финансов является практика использования публичных политических фондов. Немецкое государство щедро финансирует общественные фонды, которые тесно ассоциированы с политическими партиями, причем это финансирование зависит от электоральных успехов партий. В среднем, ежегодно немецкое правительство распределяет сумму, равную 7,55 евро на взрослого гражданина Германии в пользу политических фондов [4, с. 59]. Иначе говоря, это средства сопоставимые с цифрами финансирования собственно политических партий. В Германии, эти фонды фактически являются дополнительными источниками финансирования политических партий. Их использование удобно для государства в том отношении, что средства, выделяемые в пользу таких фондов, проходят мимо правовых рамок системы политического финансирования.

Заключение

Случай Германии дает возможность рассмотреть и оценить достоинства и недостатки возможных стратегий правового регулирования политических финансов. Немецкая модель правового регулирования политических финансов хорошо демонстрирует эти достоинства и недостатки.

Действующая в Германии система правовых ограничений задает стимулы для граждан, общественных организаций и компаний,

принимающих решение о поддержке той или иной политической партии и того или иного политика. Прежде всего, это делается через систему налоговых льгот, которые стимулируют индивидуальные пожертвования небольшого размера от физических лиц. Также отметим наличие механизм прямого государственного финансирования политических партий, объем которого напрямую связан с успехами этих партий на выборах и степенью их общественного влияния. Такая система позволяет уравнивать показатели частных пожертвований от физических лиц с прямыми государственными субсидиями.

Среди недостатков этой модели называют зависимость политических партий от государства [2, с. 250], что потенциально способно уменьшить степень свободы принятия решений партийным руководством. Впрочем, несмотря на отмеченный в последние годы роста уровня политической поляризации, в последние десятилетия партийная система Германии продолжала сохранять черты умеренного плюрализма, хотя оценки в отношении дальнейших перспектив могут быть различными [6, 100–102].

Сравнивая опыт Германии с российским опытом политического финансирования, можно отметить большую, нежели в Германии роль прямого государственного финансирования в официальных бюджетах российских политических партий. Объем этого финансирования, как и в Германии зависит от результатов последних выборов. Одним из путей совершенствования российского законодательства в этой сфере, может быть, практика стимулирования пожертвований от физических лиц за счет налоговых льгот, как это успешно делается в Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елизаров В. Два шага вперед, один шаг назад: правовые реформы электорального финансирования в США // Сравнительное конституционное обозрение. — 2024. — Т. 33. — № 3 (160). — С. 115–134.

2. Biezen I. van, Kopecky P. The State and the Parties: Public Funding, Public Regulations and Rent-seeking in Contemporary Democracies // Party Politics, 2007, 13(2), 235–254.

3. Fourinaies A. How Do Campaign Spending Limits Affect Elections? Evidence from the United Kingdom 1885–2019 // American Political Science Review, Volume 115, Issue 2, May 2021. pp. 395–411.

4. Cagé J. The Price of Democracy: How Money Shapes Politics and What to Do about It. Harvard University Press, 2020. P. 464.

5. State funding of political parties in Germany // German Bundestag. Administration. Division PM 3. Party Financing, Land Parliaments. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/189744/party_funding_05.pdf (дата доступа: 29.10.2025).

6. Angenendt M. and Brause Simon D. The Long Way towards Polarized Pluralism. Party and Party System Change in Germany // Poguntke T. and Hofmeister W. (eds.) Political Parties and the Crisis of Democracy: Organization, Resilience, and Reform. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 82–107.

УДК 342

Игнатьева С. В.,

*доктор юрид. наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
ведущий научный сотрудник отдела подготовки кадров
высшей квалификации научно-исследовательского центра
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии РФ*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ ЕЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы реформирования отечественного законодательства и адаптации правовой системы к новому пониманию баланса между государственной властью и правами человека. Определены основные тенденции развития международного и конституционного права в России в свете современных вызовов и угроз ее безопасности. Проанализированы вопросы адаптации законодательства РФ к международному праву ввиду новой роли России в мировом сообществе.

Ключевые слова: тенденции развития, правовое регулирование, права человека, законодательство, правовое государство, международное право, гражданское общество, национальные интересы России.

Ignatyeva S. V.,

*Doctor of Law. PhD, Professor,
Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation,
Senior Researcher at the Department of Training Highly Qualified Personnel at the Military Research
Center of the Zhukov Military Academy of the National Guard of the Russian Federation*

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S INTERNATIONAL AND CONSTITUTIONAL LEGISLATION IN THE LIGHT OF MODERN CHALLENGES AND THREATS TO ITS SECURITY

Abstract. The article examines the issues of reforming domestic legislation and adapting the legal system to the new understanding of the balance between state power and human rights. The main trends in the development of international and

constitutional law in Russia are identified in the light of modern challenges and threats to its security. The issues of adapting the legislation of the Russian Federation to international law have been analyzed in light of Russia's new role in the global community.

Keywords: development trends, legal regulation, human rights, legislation, rule of law, international law, civil society, and Russia's national interests.

Динамичные политические и экономические реформы в РФ последнего десятилетия XX в. обусловили потребность в реформировании законодательства в целях государственного регулирования новых общественных отношений. Действительно, в настоящее время перед Россией стоят новые, чрезвычайно важные задачи: обеспечение национальной безопасности, политической стабильности и совершенствование социально-экономического развития. Соответственно должно меняться и законодательство. В. В. Путин на заседании Совета безопасности 11.06.2025 г. выявил основную цель совершенствования российского права: защиту традиционных ценностей [1]. И это — основная идея, философская основа государственного регулирования на современном этапе. Без следования данной идее невозможно обеспечить суверенитет и достижения национальных интересов России, укрепить безопасность, политическую стабильность и социально-экономическое развитие в российском обществе.

Одной из доминирующих идей в развитии российского законодательства рубежа XX–XXI веков являлась трансформация советского общества в открытое общество как социальную систему, характеризующуюся демократией, наличием правового государства и гражданского общества, либерализацией общественной жизни.

К сожалению, создать в кратчайший срок открытое общество оказалось такой же утопией, как и создание социалистического общества. Открытое общество должно состоять, как считал К. П. Поппер, из самостоятельных, интеллектуально зрелых, обладающих высоким критическим и в то же время конструктивным потенциалом членов зрелого гражданского общества [2]. Изменение геополитической ситуации потребовало обновления вовлеченности России в сферу международного права, для чего 24 июня 1994 г. было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между РФ, европейскими сообществами и их государствами-членами, положившее начало тенденции к гармонизации законодательства

Российской Федерации, европейских государств и стран СНГ. Одним из последствий вступления Российской Федерации в Совет Европы в 1996 г. стала обязательность ратификации ряда основных международно-правовых документов (Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [3], участие РФ в Европейском суде по правам человека и другие).

В 1990-х гг. страна присоединилась к конвенциям и договорам международного права, к которым не присоединялась в советский период своего развития. Так, за период с 1990 до 2015 г. были подписаны и ратифицированы 60 из 219 международных актов [4]. Тенденция к гармонизации международного права в российском праве проявилась, в частности, во включении в Основной закон РФ статьи 15, в ч. 4, закрепляющей положение о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [5].

Однако, в связи с ужесточением международной обстановки последнего десятилетия, введения санкций зарубежными странами против РФ, в целом кризиса международных организации в части выполнения ими их миссий среди российских политиков и общественных деятелей стало популярным критичное отношение к данной норме, которая, по их мнению, делает право РФ зависимым от права зарубежных стран [6, с. 48–54]. Это в принципе не верно. Так, в тексте ч. 4 четко указано на «общепризнанные принципы», то есть исконные нормы международного права, без следования которым оно просто не возможно, а также на свободу РФ участвовать в международных договорах и выходить из них. А необходимость выполнять свои договорные обязательства не признавать невозможно.

Кардинальное изменение в 1990-х гг. претерпело законодательство Российской Федерации и прежде всего конституционное. Если в конституциях РФ, в том числе — Конституции 1977 г., было закреплено право выхода из СССР (что и стало юридическим поводом для распада СССР), то в РФ суверенитет распространяется на все государство [7, с. 2–9]. Руководящая роль Компартии СССР заменена на политическое и идеологическое многообразие (ст. 13 Конституции). Примечательно, что отказ от государственной идеологии в последнее

время признан ошибкой. РФ должна иметь свои государственную идеологию, но функция ее не такая, как в тоталитарном государстве. 30-летняя практика показал, что редукция идеологии приводит не к деидеологизации, а к «десуверенизации и денационализации», отказу от «аксиологического и цивилизационного подходов» в развитии права [8, с. 14–18]. Новая российская идеология должна выполнять функцию «обоснования и легитимации моральных ценностей» [9, с. 162–167]. То есть прежде всего это защита традиционных ценностей как цель всего правового регулирования и основы национальной безопасности.

Ни социалистическая, ни капиталистическая правовая доктрина не могли быть приемлемыми в условиях становления рыночной экономики и правового государства в РФ, а в условиях правового вакуума и активной политической борьбы внутри страны, экономического кризиса, отсутствия опыта законотворчества в новых экономических реалиях, законодателю приходилось в ускоренном порядке, в определенном смысле даже стихийно, отменять одни правовые институты, создавать другие институты и целые отрасли, стремиться соблюдать преемственность, если это возможно и целесообразно, стараться не утратить системность отечественного законодательства. С учетом чрезвычайной сложности задач, стоящих перед законодателем конца XX в., не удивительно, что на рубеже веков потребовалась корректировка созданной нормативно-правовой базы. Это естественно, поскольку право не может долго игнорировать тенденции объективного развития производительных сил общества. Оно не может и опережать их. История знает примеры того, как простой перенос правовых норм и институтов права, действенных в одних условиях, оказывается безрезультатным в других [10, с. 72–79]. А это означает необходимость тщательного, глубокого и всестороннего изучения тех общественных отношений, которые подлежат законодательной регламентации [11, с. 6].

Главная тенденция развития российского законодательства, ярко отразившаяся на изменении в традиционных отраслях права — курс на создание правового государства. В том, что Россия, согласно ч. 1 ст. 1 Конституции, уже провозглашена правовым государством, проявляется опережающий характер российского Основного закона. В юридической доктрине правовое государство рассматривается как идеал, к которому необходимо и возможно максимально стремиться.

Основная идея теории правового государства — это идея о связанности государства правом, зародившаяся вместе с возникновением государства. [12, с. 42–45]. Идея слияния силы и права в организации государства разрабатывалась в реформаторских проектах в 6 веке до н. э. Затем идея правового государства стала формироваться в философии. Например, Платон писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью» [13, с. 188–189].

В России теория правового государства получила широкое распространение в трудах П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Б. Н. Чичерина Ф. Ю. Ильина и других. Так, Кистяковский утверждал, что формы правового государства разнообразны, но основные принципы одинаковы: ограниченность государственной власти, не вхождение ее в пределы свободы личности, гарантированность прав и свобод человека и гражданина, подзаконность власти, создание народом государственной власти и ее учреждений [14, с. 141–159]. Правовое государство понималось как «девиз нового времени»; под ним признавалась связанность государства индивидуальными интересами [15, с. 48–49].

Новгородцев же утверждал, что идеальный общественный строй как гармония личного и общественного, вообще не достижим, то есть правовое государство — недостижимый идеал, к которому нужно стремиться оказаться как можно ближе [16, с. 529].

Правовое государство упоминается и в работах К. Маркса, который писал: «свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный» [17, с. 26]. Еще в годы перестройки юристы размышляли над тем, как будет развиваться российское законодательство в условиях правового (тогда еще — социалистического) государства. Ю. М. Батулин, Р. З. Лившиц создали классификацию признаков правового государства, объединяя их в группы (блоки), согласно которым и развивалось законодательство в конце XX в.: «государство»: разделение властей, связанность государства правом, контролируемость государственной власти гражданским обществом; «право»: верховенство права во всех сферах жизни общества; «личность»: гарантии прав и свобод человека, взаимная ответственность государства и личности; «общество»: развитие гражданского общества как необходимого партнера правового государства; «объединение

граждан»: свобода объединений и связанность их правом; «правовая межгосударственность»: ответственность государства перед мировым сообществом [18, с. 39–40].

Важнейшая тенденция развития государственного правового регулирования в России на рубеже XX и XXI веков — развитие прав человека. Важной тенденцией развития российского законодательства на рубеже XX и XXI веков является и утверждение прав и свобод человека и гражданина, и превалирование (смещение баланса) прав и свобод над обязанностями человека. Так, согласно ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Приоритет человека над государством естественен, так как государство как безличный механизм власти и подчинения создается людьми в целях управления теми аспектами жизни общества, групп, отдельных личностей, которые этому управлению в принципе поддаются.

«Исследователи отмечают такую общемировую тенденцию развития законодательства, как рост «количества обязанностей в текстах конституций практически всех стран» [19, с. 22–26], что законодателями разных государств объясняется необходимостью достижения «общественного согласия», «социальной солидарности» [20, с. 30–38]. России в настоящее время чрезвычайно необходимо достижение общественного согласия, единого отношения к традиционным общенациональным ценностям как общим ценностям русских как государствообразующего народа (ст. 68.1 Конституции РФ) и народов, составляющих многонациональный народ России. Но настоящая, прочная социальная солидарность в защите традиционных национальных ценностей возможна только между свободными зрелыми личностями, то есть такими, которые обладают правами и свободами, гарантированными государством.

Таким образом, следующая тенденция развития законодательства РФ в конце XX — начале XXI века — законодательное обеспечение реализации прав человека. Эта тенденция проявляется и в содержании традиционных отраслей права, и в создании системы разделения властей как действия принципа самостоятельности, независимости друг от друга ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной, что не означает отсутствия их взаимодействия для достижения общих целей государственного регулирования общественной жизни.

Обеспечение реализации прав человека представляется как законодательное закрепление и защита прав человека на всех уровнях, в актах всех уровней под контролем Президента РФ как гаранта этих прав, Конституционного Суда РФ, всей системы органов публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куликова А. А. Путин поручил усовершенствовать законы для защиты традиционных ценностей / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://guposters.ru/news/11-06-2025> (дата обращения: 12.06.2025).
2. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / в 2-х т. Т. 1. — Москва: Феникс, 1992. — 448 с.
3. Хрестоматия по международному публичному праву / сост. Г. Г. Шинкарецкая. — Москва: Ин-т защиты предпринимателя, 1998. — 535 с.
4. Умнова-Конюхова И. А. Право мира и право безопасности на рубеже XX и XXI столетий: проблемы институционализации и развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. Реферативный журнал. — 2023. — № 1. — С. 7–13. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения: 12.06.2025).
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
6. Амплеева Е. Е. Конституция России 1993 г. и международное право: современные интерпретации части 4 статьи 15 Конституции // Криминалистика. — 2019. — № 2. — С. 48–54. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения: 12.06.2025).
7. Кабышев С. В. Суверенитет России: смысловое ядро и методология исследования в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 4. — С. 2–9. — Режим доступа: <https://lawinfo.ru/articles/10128/> (дата обращения: 12.06.2025).
8. Зуйков А. В. О некоторых вопросах идеологии в российском конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 5. — С. 14–18. — Режим доступа: <https://lawinfo.ru/articles/10433/> (дата обращения: 12.06.2025).
9. Кондрашов П. Н. Какая идеология нужна России и нужна ли вообще? (О книге «Россия в поисках идеологий») // Социологические исследования. — 2018. — № 10. — С. 162–167. — Режим доступа: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=7395 (дата обращения: 12.06.2025).
10. Игнатьева С. В. Методологический анализ взаимодействия права, экономики и государства // Образование и право. — 2022. — № 7 — С. 72–79.
11. Кудрявцев В. Н., Керимов Д. А. Право и государство (Опыт философско-правового анализа). — М., 1993. — С. 6.
12. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. — Екатеринбург: УрГЮА, 1996. — С. 42–45.
13. Платон. Сочинения в 3-х томах. — М.: Наука, 1971–1972. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 188–189.

14. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии.— 1990.— № 6.— С. 141–159.— Режим доступа: <https://djvu.online/file/UhJU18ctV74Bg> (дата обращения: 12.06.2025).

15. Черниловский З. М. Правовое государство и исторический опыт // Советское государство и право.— 1989.— № 4.— С. 48–49.— Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012819026/(дата обращения: 12.06.2025).

16. Нерсисянц В. С. Философия права.— М.: Инфра-М, 1997.— С. 529.

17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.— М.: Госполитиздат, 1954.— Т. 19.— С. 26.

18. Батурин Ю. М. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению.— М.: Политиздат, 1989.— С. 39–40.

19. Алебастрова И. А. Конституционные обязанности человека и гражданина: значение и тенденции развития // Конституционное и муниципальное право.— 2016.— № 12.— С. 22–26.— Режим доступа: <https://publications.hse.ru/articles/203082480> (дата обращения: 10.06.2025).

20. Налетова И. В. Социальная солидарность как ключевая проблема социологической науки // Государственно-правовые исследования.— 2022.— № 5.— С. 30–38.— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 10.06.2025).

УДК 338.439

Иценко Н. С.,

канд. юрид. наук,

доцент каф. общественного здоровья и здравоохранения ФПКиП

УО «Гомельский государственный медицинский университет,

профессор Международной Славянской Правовой Академии

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА — ГАРАНТИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы состояния современного сельского хозяйства в контексте необходимости гарантирования продовольственной безопасности (ПБ) при существовании различных негативных угроз — перманентном интенсивном ухудшении экологии, изменениях климата, исчерпания ресурсов, антропогенных, техногенных и природных катастроф и т. д. Акцентируется внимание на необходимости трансформации подходов в разрешении значимых проблем, существующих в сфере ПБ. В частности, прогнозируются позитивные и необходимые на данном этапе варианты перехода к устойчивым моделям сельского хозяйства. Существенное внимание уделяется социально-экологическим аспектам, органическому сельскому хозяйству (ОСХ), как потенциально ключевому стратегическому направлению устойчивого производства качественных и безопасных продуктов питания, способных кардинально улучшить состояние здоровья нации и благосостояние государства. Проведен анализ текущих тенденций органического

рынка, эффективность его функционирования и воздействия на устойчивость развития в различных государствах (развитых, развивающихся).

Ключевые слова: традиционное сельское хозяйство, органическое сельское хозяйство, конкурентоспособность, устойчивость развития, продовольственная безопасность, благосостояние, здоровье людей.

Ishchenko N. S.,

candidate of law sciences;

associate professor of the department of public health

and the FPKiP healthcare system

Gomel State Educational Institution Medical University

Professor of International Slavic Law Academy

TRANSFORMATION OF THE AGRICULTURAL SYSTEM IS A GUARANTEE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF ENSURING FOOD SECURITY AND NATIONAL HEALTH

Abstract. This article examines the problems of modern agriculture in the context of the need to guarantee food security (food security) in the face of various negative threats — permanent intensive environmental degradation, climate change, resource depletion, anthropogenic, man-made and natural disasters, etc. It focuses on the need to transform approaches in solving significant problems existing in the field of food security. In particular, positive and necessary options for the transition to sustainable agricultural models are predicted at this stage. Significant attention is paid to socio-ecological aspects, organic agriculture (OCA), as a potentially key strategic direction for the sustainable production of high-quality and safe food products that can dramatically improve the health of the nation and the welfare of the state. The analysis of the current trends of the organic market, the effectiveness of its functioning and the impact on the sustainability of development in various countries (developed, developing) is carried out.

Keywords: traditional agriculture, organic agriculture, competitiveness, sustainable development, food security, well-being, human health.

Введение

Современное сельское хозяйство и существующие в этой сфере различные проблемы в контексте необходимости гарантирования ПБ, количество, качество и безопасность производимой продукции существенно влияют на различные социально-экономические, экологические, демографические проблемы в том числе здоровье нации [1–15]. Последнее время особо активно дискутируются вопросы, связанные со сменой системы традиционного сельского хозяйства на иные, но оптимальные системы. В связи с этим в данной работе будет сделана попытка анализа текущих тенденций органического рынка, его

эффективность, конкурентоспособность и воздействие на устойчивость развития в ряде государств в том числе Беларуси и России. Стратегическими аспектами в достижении ЦУР по продовольствию и сельскому хозяйству (как подчеркивается в документах ООН) являются повышение ПБ и снижение нагрузок на окружающую среду (ОС). Основа гарантирования ПБ — сельское хозяйство (СХ). Имеет место различные конкурирующие подходы к устойчивому развитию в СХ. Один из них предполагает жесткий экономический подход, в котором деятельность СХ производителей регулируется рыночными механизмами. Иной подход акцентирует внимание на необходимости баланса экономических целей с социально-экологическими (даже при условии возможного снижения прибыльности). В современных условиях традиционное сельское хозяйство отдает предпочтение экономической эффективности использования ресурсов перед иными аспектами, настаивая, что этот путь позволит гарантировать ПБ и даже прогнозируемый рост населения до 10 миллиардов к 2050 году [16] не мешает этому. Проблемы же социально-экологической сферы остаются вне их внимания, что противоречит ЦУР. Аргументы в пользу данной теории неплохо изложены в литературе с различных точек зрения (повышения урожайности посредством высокоурожайных культур, механизацию и химизацию увеличивающих объем производства, повышенное орошение, мелиорацию и др.) [17]. Кроме того, при этом сохранение миллионов гектаров лесов, которые могли бы быть трансформированы в земельные угодья и предотвращение выброса около 590 миллиарда тонн CO_2 в атмосферу [18]. Вместе с тем сторонники развития данного направления умалчивают что происходящие в современном СХ процессы приводят к неэффективному использованию природных ресурсов, деградации почв, которые крайне негативно сказываются на здоровье человека, а воздействие на ОС достигли планетарного масштаба [19–22]. В связи с этим остро необходимо преобразование мира в сторону глобальной устойчивости.

Основная часть

Согласно мнению специалистов с учетом роста населения к 2050 году глобальная продовольственное производство должно увеличить объемы производства от 60 до 110% [23–27]. Выполнение данной задачи потребует не только увеличение большего количества производства продовольствия, но и усиления эффективности управления всей це-

почки поставок продовольствия, при этом желательна уменьшая отходы, непомерно возросшие и достигших по различным оценкам 30% произведенной продукции, что позволит улучшить доступ к нему и оптимально распределять продовольствие [28]. Помимо этого, существенную угрозу для развития СХ представляют риски, которые связаны с изменением климата и могут быть весьма разрушительны для уязвимых организаций СХ. Для внедрения принципов устойчивости в СХ, для своевременного введения адаптационных мер к климатическим трудностям и дальнейшего гарантирования ПБ функционирует межправительственная группа по изменению климата [29]. Проведенные различные исследования на международном уровне акцентируют внимание на различных аспектах. Так, в исследовании А. Мии, Б. Миамото, Д. Гарсии утверждается, что СХ, базирующиеся на экологических подходах к земледелию, более устойчивы к температурным изменениям и более адаптированы к изменению климата [30]. Несмотря на перманентное увеличение рекомендаций по внедрению принципов устойчивости в СХ с целью повышения устойчивости к климатическим изменениям, нет конкретных, систематических доказательств того, каким образом данный процесс мог бы воздействовать на уязвимые организации СХ [31].

Устойчивость — это трёхмерная модель с необходимостью трансформации практики преодоления дисциплинарных границ воплощения трансдисциплинарности [32], однако как подчеркивают П. Брандт и др. [33], обзор М. Чами и др. [31] в СХ еще не достигнут уровень интердисциплинарности, предполагающий объединение в синтетический подход знаний и методов различных дисциплин. В обзоре М. Чами и др. [31] количество научных статей в базе данных («устойчивое СХ») составляет почти 10% от общего числа статей, касающихся СХ в базе данных «Scopus». Различные управленческие аспекты исследуются отдельно, устойчивое СХ изучается не как единое целое, а лишь некоторые практики, технологии, включаемые в процесс устойчивого СХ, в основном посредством улучшения биоразнообразия и состояния экосистем. С целью преодоления вызовов устойчивого СХ стратегию управления необходимо базировать на интеграции всех категорий управления для создания уникального метода управления агросистемами, позволяющими учитывать состояние воды, воздуха, почвы, сельскохозяйственные культуры, биоразнообразие, генетику, ландшафт и иные важные социально-экономические факторы.

Экономическому аспекту устойчивого СХ уделяется в исследованиях меньше всего внимания. Активно пропагандировал идеи баланса и справедливости, стремление к прибыли, свободный рыночный обмен, согласуемый с жесткой экономической позицией, — А. Смит. Таким образом, А. Смит демонстрирует более широкое понимание устойчивости СХ, в которой сочетаются и экологические и социально-экономические аспекты.

А. Смит акцентировал внимание на необходимости сдержанности в стремлениях к личной выгоде, и считал необходимым наличие баланса экологических и социально-экономических соображений. Вместе с тем, А. Смит считал, что если люди свободны учитывать свои собственные интересы, в частности увеличение прибыли, то они будут способствовать долгосрочным интересам общества больше, чем если они будут сознательно стремиться продвигать общественное благо.

При рассуждении об устойчивом СХ можно отметить, что СХ производство будет устойчивым при условии стремления производителя относительно получения большей прибыли, а не к сознательным попыткам продвигать устойчивые практики, так как это будет выгоднее. Ряд специалистов считают, что XX век подтвердил его точку зрения: корпорации, стремящиеся к получению прибыли, ограниченные умеренным государственным регулированием, достигли намного больше для увеличения благосостояния мира, чем распространение решений «социально ответственных правительств» [34]. Считаем, что данная позиция достаточна дискуссионна. Однако можно согласиться с положением, что личная заинтересованность, а не доброта, является более действенным мотивом и, следовательно, именно личная заинтересованность в конечном счете движет экономической деятельностью. Справедливость, как подчеркивал А. Смит, обладает первостепенным значением ввиду того, что экономическая система не будет устойчивой. В рамках концепции справедливости он подразумевал, что люди обязаны проявлять самоограничение в своем стремлении к выгоде при условии возможного причинения вреда, как ОС или обществу в целом, либо отдельно взятой личности. В таком случае правительство обязано вмешиваться в ситуацию, далее А. Смит акцентировал внимание на разрушительной для СХ деятельности в долгосрочной перспективе при условии неограниченных процессов рынка [34]. Рынки могут и должны являться эффективным средством достижения

целей устойчивого развития в СХ, если они организованы и контролируются. Этот принцип достаточно успешно применяется в производстве органических продуктов [35]. На данный момент весьма ярко проявился спрос на органические продукты [36]. По данным ассоциации органической торговли продажи увеличились с 1 миллиарда долларов в 1990 году, до 35,1 миллиарда долларов в 2013 году, более 90% из которых пришлось на продажу продуктов питания, в 2022 году объем продаж только органических продуктов питания превысил 60 миллионов долларов [36]. А уже в 2024 году мировые розничные продажи органических продуктов питания и напитков выросли до 145 миллиардов евро [37].

Базой на пути к достижению ЦУР может стать рынок органических продуктов. Вместе с тем многие специалисты считают, что при полном переходе от интенсивного СХ к органическому обеспечить население планеты продовольствием из-за низкой урожайности в органическом сельском хозяйстве (ОСХ) будет невозможно.

Мнение исследователей о преимуществах, недостатках ОСХ разделились, одни из них делают акценты на снижение урожайности в ОСХ [38–42], а другие, напротив, настаивают о сопоставимости урожайности в ОСХ и традиционном СХ и даже порой выше результата урожайности в традиционном СХ [43–46]. В частности, в Республике Беларусь урожайность по ряду сельхозкультур в традиционном СХ снизилась [47].

Данные расхождения объясняются Сойфертом [48], проанализировавшего результаты СХ в литературе, и отметил, что в некоторых случаях урожайность может быть выше по сравнению с традиционным СХ, однако в иных случаях урожайность значительно/незначительно ниже (со статической точки зрения). Далее он отметил, что изменчивость урожаев в существенной степени зависит от сорта культур и социально-экономических условий в конкретном случае [49]. Было отмечено стандартное соотношение результатов в среднеклиматических годах, ОСХ превосходило интенсивное СХ в годы с погодными аномалиями [45, 49], что подтверждает эффективность органического земледелия в сфере повышения устойчивости СХ.

В исследовании А. Кохен и др. [50] акцентировалось внимание на возможном снижении урожайности в результате проведенных мероприятий по сдерживанию воздействия на ОС посредством органической сертификации. В рамках исследования было показано, что ОСХ

оставались более прибыльными и имели сопоставимые затраты с традиционным СХ, более высокая маржинальность органических продуктов смягчает последствия снижения урожайности [51].

Цена на органические продукты относительно обычных продуктов выше, что объясняется теорией спроса и предложений [52]. Популяризация здорового экологичного образа жизни, распространение информации о негативных последствиях синтетических удобрений, пестицидов, гормонов роста способствовали у потребителей проявлению предпочтения в сторону безопасных, экологически чистых продуктов. Данные явления ярко проявляются в развитых странах, где трансформация потребительских предпочтений с наличием высоких доходов у населения позволило приобретать дорогие продукты питания, что и продемонстрировало достаточно высокую востребованность органических продуктов.

Согласно мировым статданным за 2023 год [53] объем потребления органических продуктов на душу населения наиболее высокий в следующих государствах (евро): Швейцария — 425, Дания — 384, Люксембург — 313, Австрия — 268, Швеция — 266, Лихтенштейн — 230, Германия — 191, Франция — 187, США — 146, Канада — 120.

Производители, реагируя на повышенный спрос, увеличивают предложения и цены на данную продукцию. Тенденция в настоящее время такова, что больше фермеров переходит на органическое земледелие. Желаемое для потребителей снижение цен на органические продукты возможно лишь тогда, когда предложение будет расти быстрее спроса. Поскольку затраты на производство органической продукции выше, чем на традиционную, из-за специфики производства, они могут не снизиться до уровня цен на неорганические продукты.

Необходимо отметить, что исследования в данной сфере преобладают в США и Евросоюзе, где ОСХ поддерживается на государственном уровне, кроме того, сельскохозяйственная политика смягчает последствия волатильности урожая (в случае необходимости) [54]. Помимо этого, в развитых странах активно формируется процесс осознанного потребления, что существенно воздействует на потребительские предпочтения, тем самым повышается спрос на органическую продукцию.

Таким образом, результаты рассмотренных исследований А. Кохен и др. не вполне актуальны для развивающихся стран (слабая государ-

ственная поддержка ОСХ и низкий уровень внедрения новых технологий в СХ). Э. Уол и др. в исследовании демонстрируют прямую взаимосвязь устойчивых практик СХ и адаптации сельских хозяйств к изменениям климата, что предположительно является основанием для большей поддержки правительством политики и программ устойчивого СХ [55]. На рынке органической продукции с целью роста производства и потребления необходимо наличие спектра следующих факторов:

1. Достаточный спрос на органические продукты питания. Спрос на органические продукты, как отмечалось выше, создается за счет сформированного здорового образа жизни населения, продвижения, прозрачности информации для населения об экологических проблемах. Причем, необходимо наличие триады устойчивости в следующих измерениях — экологическом, социально-экономическом, что должно стать основой государственной политики. Самыми высокими индексами экологической эффективности (ЕП) оказались: Дания, Швеция, Швейцария, Люксембург, Австрия [56]. Эти же страны также состоят в рейтинге стран с наибольшим потреблением органической продукции на душу населения (см. выше).

2. Наличие достаточного уровня доходов, позволяющее сформировать осознанное потребление населения. В странах — лидерах доля расходов на продукты питания на душу населения не превышает 14% [57, 58]. В связи с этим население может делать выбор в сторону органической продукции несмотря на более высокие цены.

3. Сельскохозяйственные производители должны видеть и получать выгоды от перехода к производству органической продукции. Необходимо им обладать также информационной и материально-технической базой для производства органической продукции. Так, в Индии более 1,5 миллионов органических фермеров (их больше всего в мире) [36]. Вместе с тем доля расходов на продукты питания в Индии превышает 40% [59], что препятствует росту спроса на органические продукты внутри страны, большая часть произведенной данной продукции направляется в США и Евросоюз. Индия — страна, где растет количество экологических программ по минимизации загрязнений почвы и рек, что объясняется высокой государственной поддержкой [53]. Невысокие доходы традиционно в СХ в сочетании с обширной государственной поддержкой мотивируют производителей к производству органической продукции.

Заключение

Перманентный рост населения, истощение ресурсов, трансформация климата на планете и необходимости гарантирования ПБ, здоровья населения перед СХ стоят непростые задачи, требующие системного подхода для устойчивого развития. Не смотря на то, что традиционное интенсивное СХ, направленное, в первую очередь, на экономическую эффективность, приносит еще сегодня существенные результаты в сфере гарантирования ПБ, но его методы, применяемые в СХ неизбежно ведут к неэффективному использованию ресурсов, негативным последствиям для ОС и здоровья населения, деградации почв и др. Решение данных проблем видится посредством перехода к устойчивым моделям сельского хозяйства, позволяющим не только обращать внимание на экономическую составляющую, но и, безусловно, акцентировать внимание на экологических и социальных факторах. Исследования в рассматриваемой сфере приводят нас к выводу о наличии ряда подходов к устойчивому производству продуктов питания. Наиболее предпочтительным, с нашей точки, зрения основополагающим способом производства продуктов питания — ОСХ, которое в будущем может быть интегрировано в стратегии, направленные на достижение устойчивого развития продовольственной системы. Ввиду того, что рынок органической продукции активно развивается в последнее время, органическая продукция контролируется сертифицирующими органами, имеет оптимальные отличительные черты для потребителей, правительствами разрабатываются программы поддержки органических производителей. Органический рынок продуктов питания успешно развивается с повышением устойчивости СХ систем в странах с высоким уровнем доходов и достаточным уровнем осознанности потребления. Вместе с тем ряд государств с высоким уровнем потребления органической продукции не обладает необходимым количеством СХ угодий для ведения органического сельского хозяйства. В развивающихся странах также позитивно отражается на их устойчивом развитии ОСХ, не смотря на возможное низкое потребление органической продукции внутри страны из-за невысокого уровня доходов населения, экспорт органической продукции положительно скажется на экологических и социально-экономических показателях страны. При росте уровня жизни населения, повышении экологической осознанности в стране, производители смогут удовлетворить растущий спрос населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпаковский Ю. Г., Ищенко Н. С. Обеспечение права на благоприятную окружающую среду в Республике Беларусь / Н. С. Ищенко, Ю. Г. Шпаковский // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 2. — С. 99–122.
2. Оценка общей экологической ситуации Беларуси. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vuzlit.ru/623761/otsenka_obschey_ekologicheskoy_situatsii_Belorussia. — Дата доступа: 14.02.2026.
3. Экологические проблемы Республики Беларусь. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://edushk.ru/geograf/28457/index.html?page>. — Дата доступа: 14.02.2026.
4. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. — М.: 2020.
5. Голованов В. И. Роль экологии в устойчивом развитии общества: диалектика и ретроспектива: монография. — М.: МАКС Пресс, 2021. — 508 с.
6. Ищенко Н. С. Эффективное управление в сфере экологической безопасности — гарантия устойчивого развития» // Стратегические эколого-экономические и социальные приоритеты и проектная деятельность в регионах: анализ и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 30 марта 2022 г.). — М.: РАЕН, 2022. — 275 с. — С. 115–130.
7. В ООН предупредили о голоде библейского масштаба, если не остановить коронавирус. — Режим доступа: <https://strana.ua/news/262825-v-oon-predupredili-oholodebiblejiskoho-masshtaba-esli-ne-ostanovit-koronavirus>. — Дата доступа: 14.02.2026.
8. Сахаров А. Г., Колмар О. И. Перспективы реализации целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций. — Т. 14. — № 1. — 2019. — С. 189–206.
9. Ищенко Н. С., Гладышев В. С. Экологические проблемы современности в контексте национальной безопасности Республики Беларусь // Стратегические эколого-экономические и социальные приоритеты и проектная деятельность в регионах: анализ и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. Москва, 30 марта 2022 г. — М.: РАЕН, 2022. — С. 90–102.
10. Ищенко Н. С., Власенко // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики: международ. научно-практич. конф. (РГУП / Российский государственный университет правосудия, Москва, 13–16 апреля 2015 г.): сб. научных статей. — М.: Российский государственный университет правосудия, 2016. — 872 с. — С. 451–460.
11. Файзуллин Г. Г., Ищенко Н. С. Международное сотрудничество в условиях глобального загрязнения окружающей среды // Стратегические эколого-экономические и социальные приоритеты и проектная деятельность в регионах: анализ и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. Москва, 30 марта 2022 г. — М.: РАЕН, 2022. — С. 56–68.
12. Ищенко Н. С., Глушакова Я. И. Римские принципы устойчивой глобальной продовольственной безопасности // Проблемы социально- ориентированного инновационного развития белорусского общества и профсоюзы: материалы XXIII Международной научно-практической конференции, г. Гомель, 8 февраля 2019 г. / Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»; под общ. ред. С. И. Ляха. — Гомель: ОДО «Центр оперативной печати», 2019. — 364 с. — С. 307–311.

13. Ищенко Н. С., Файзуллин Г. Г. К вопросу о продовольственной безопасности // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: сборник материалов II научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. 9 апреля 2019 г. / под науч. ред. канд. юрид. наук, доцента Н. А. Крайновой. Раздел I. «Теория и история государства и права». — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — 555 с. — С. 37–45.

14. Ищенко Н. С., Файзуллин Г. Г. Специфика гарантирования продовольственной безопасности в современных условиях // Региональные стратегии и проекты: эколого-экономические аспекты разработки и реализации: материалы международной научно-практической конференции 7 апреля 2020 г. / под общ. ред. акад. РАЕН, д. э. н., проф. А. В. Антонова. — М.: РАЕН, 2020. — 362 с. — С. 260–279.

15. Ищенко Н. С., Шпаковский Ю. Г. Агропродовольственная торговая политика в постсоветских государствах // Проблемы социально- ориентированного инновационного развития белорусского общества и профсоюзы: материалы XXIII Международной научно-практической конференции, г. Гомель, 8 февраля 2019 г. / Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»; под общ. ред. С. И. Ляха. — Гомель: ОДО «Центр оперативной печати», 2019. — 364 с. — С. 298–302.

16. World Urbanization Prospects: The 2014 Revision // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. — New York, 2015. — 517 p.

17. World Development Report 2008: Agriculture for Development // World Bank. — Washington, DC, 2007. — 390 p.

18. Burney J. A. Greenhouse gas mitigation by agricultural intensification / J. A. Burney, S. J. Davis, D. B. Lobell // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America [Электронный ресурс]. — 2010. — Vol. 107. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1073/pnas.0914216107>. — Дата доступа: 14.02.2026.

19. Lenton T. M. Tipping elements in the Earth's climate system / T. M. Lenton [et al] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America [Электронный ресурс]. — 2008. — Vol. 105. — Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.0705414105>. — Дата доступа: 14.02.2026.

20. Rockström J. The quadruple squeeze: Defining the safe operating space for freshwater use to achieve a triply green revolution in the Anthropocene / J. Rockström, L. Karlberg // *Ambio*. — 2010. — № 39 (3). — P. 257–265.

21. Steffen W. Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet / W. Steffen [et al] // *Science*. — 2015. — № 347. — P. 736–747.

22. Waters C. N. The Anthropocene is functionally and stratigraphically distinct from the Holocene / C. N. Waters [et al.] // *Science*. — 2016. — № 351. — I. 6229.

23. Pretty J. Agricultural sustainability: Concepts, principles and evidence / J. Pretty // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. — 2008. — № 363 (1491). — P. 447–466.

24. Agriculture at a crossroads: The synthesis report / International Assessment of Agricultural Knowledge, Science and Technology for Development (IAASTD) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/7862>. — Дата доступа: 14.02.2026.

25. Tilman D. Global food demand and the sustainable intensification of agriculture / D. Tilman [et al] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America [Электронный ресурс]. — 2011. — № 108. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1073/pnas.1116437108>. — Дата доступа: 14.02.2026.

26. Ray D. K. Yield trends are insufficient to double global crop production by 2050 / D. K. Ray [et al] // *PLoS One* [Электронный ресурс]. — 2013. — № 8. — Режим доступа: [doi:10.1371/journal.pone.0066428](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0066428). — Дата доступа: 14.02.2026.

27. Pardey P. G. A bounds analysis of world food futures: Global agriculture through to 2050 / P. G. Pardey [et al] // Australian Journal of Agricultural and Resource Economics. — 2014. — № 58. — P. 571–589.
28. Global food losses and food waste — Extent, causes and prevention // Food and Agriculture Organization of the United Nations [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.fao.org/3/i2697e/i2697e.pdf>. — Дата доступа: 14.02.2026.
29. Climate Change 2014: Synthesis Report [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr/>. — Дата доступа: 14.02.2026.
30. Maia A. G. Climate change and agriculture: Do environmental preservation and ecosystem services matter? / A. G. Maia, B. C. Miyamoto, J. R. Garcia // Ecol. Econ. — 2018. — № 152. — P. 27–39.
31. Chami D. How Can Sustainable Agriculture Increase Climate Resilience? A Systematic Review / D. Chami, A. Daccache, M. Moujabber // Sustainability [Электронный ресурс]. — 2020. — № 12 (8). — Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su12083119>. — Дата доступа: 14.02.2026.
32. Hirsch Hadorn G. Implications of transdisciplinarity for sustainability research / G. Hirsch Hadorn [et al] // Ecol. Econ. — 2006. — № 60. — P. 119–128.
33. Brandt P. A review of transdisciplinary research in sustainability science / P. Brandt [et al] // Ecol. Econ. — 2013. — № 92. — P. 1–15.
34. James H. S. Sustainable agriculture and free market economics: Finding common ground in Adam Smith // Agriculture and Human Values. — 2006. — № 23 (4). — P. 427–438.
35. Allen P. The capitalist composition of organic: The potential of markets in fulfilling the promise of organic agriculture / P. Allen, M. Kovach // Agriculture and Human Values. — 2000. — № 17. — P. 221–232.
36. Organic food sales break through \$60 billion in 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ota.com/news/press-releases/22820>. — Дата доступа: 14.02.2026.
37. Мировой рынок органических продуктов достиг исторического максимума // Сельскохозяйственные вести. — Режим доступа: - <https://agri-news.ru/novosti/mirovoy-rynok-organicheskikh-produktov-dostig-istoricheskogo-maksimuma>. — Дата доступа: 14.02.2026.
38. Kloos J. Organic cotton production as an adaptation option in North-West Benin / J. Kloos, F. G. Renaud // Outlook Agric. — 2014. — № 43. — P. 91–100.
39. Lechenet M. Reconciling pesticide reduction with economic and environmental sustainability in arable farming / M. Lechenet [et al.] // PLoS ONE [Электронный ресурс]. — 2014. — № 9. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0097922>. — Дата доступа: 14.02.2026.
40. Ponisio L. C. Diversification, Yield and a new agricultural revolution: Problems and prospects / L. C. Ponisio, P. R. Ehrlich // Sustainability [Электронный ресурс]. — 2016. — № 8. — Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su8111118>. — Дата доступа: 14.02.2026.
41. Shennan C. Organic and conventional agriculture: A useful framing? / C. Shennan [et al] // Annu. Rev. Environ. Resour. — 2017. — № 42. — P. 317–346.
42. Meemken E.-M. Organic agriculture, food security, and the environment / E.-M. Meemken, M. Qaim // Annu. Rev. Resour. Econ. — 2018. — № 10. — P. 39–63.
43. Lotter D. W. The performance of organic and conventional cropping systems in an extreme climate year. / D. W. Lotter, R. Seidel, W. Liebhardt // Am. J. Altern. Agric. — 2003. — № 18. — P. 146–154.
44. Denison R. F. Crop yields over the first nine years of Itras, a long-term comparison of field crop systems in a mediterranean climate / R. F. Denison, D. C. Bryant, T. E. Kearney // Field Crop. Res. — 2004. — № 86. — P. 267–277.

45. The Contribution of Organic Agriculture to Climate Change Mitigation; The International Federation of Organic Agriculture Movements // IFOAM [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.ifoam-eu.org/sites/default/files/ifoameu_advocacy_climate_change_report_2016.pdf.— Дата доступа: 14.02.2026.
46. Jacobi J. Farm resilience in organic and nonorganic cocoa farming systems in Alto Beni, Bolivia / J. Jacobi [et al] // *Agroecol. Sustain. Food Syst.*— 2015.— № 39.— P. 798–823.
47. Сельское хозяйство Республики Беларусь: статистический буклет, Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2025.— 36 с.— Режим доступа: <https://ivestat.by>.— Дата доступа: 14.02.2026.
48. Seufert V. Many shades of gray — the context-dependent performance of organic agriculture / V. Seufert, N. Ramankutty // *Sci. Adv.* [Электронный ресурс].— 2017.— № 3.— Режим доступа: <https://doi.org/10.1126/sciadv.1602638>.— Дата доступа: 14.02.2026.
49. Binta B. A. A. Economic and environmental performances of organic farming system compared to conventional farming system: A case study of the horticulture sector in the niayes region of Senegal / B. A. A. Binta, B. Barbier // *Procedia Environ. Sci.*— 2015.— № 29.— P. 17–19.
50. Smith O. Organic Farming Provides Reliable Environmental Benefits but Increases Variability in Crop Yields: A Global Meta-Analysis / O. Smith, O. Cohen, C. Rieser, A. Davis // *Frontiers in Sustainable Food Systems* [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.3389/fsufs.2019.00082>.— Дата доступа: 14.02.2026.
51. Crowder D. W. Financial competitiveness of organic agriculture on a global scale / D. W. Crowder, J. P. Reganold // *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* [Электронный ресурс].— Режим доступа: [10.1073/pnas.1423674112](https://doi.org/10.1073/pnas.1423674112).— Дата доступа: 14.02.2026.
52. Demand, Supply, and Efficiency [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://openoregon.pressbooks.pub/socialprovisioning2/chapter/4-5-demand-supply-and-efficiency/>.— Дата доступа: 14.02.2026.
53. The World of Organic Agriculture Statistics and Emerging Trends 2023 // Research Institute of Organic Agriculture FiBL [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.fibl.org/fileadmin/documents/shop/1254-organic-world-2023.pdf>.— Дата доступа: 14.02.2026.
54. Thompson W. Automatic responses of crop stocks and policies buffer climate change effects on crop markets and price volatility / W. Thompson [et al] // *Ecol. Econ.*— 2018.— № 152.— P. 98–105.
55. Wall E. Climate change adaptation in light of sustainable agriculture / E. Wall, B. Smit // *J. Sustain. Agric.*— 2005.— № 27.— P. 113–123.
56. Most Environmentally Friendly Countries 2023 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-environmentally-friendly-countries>.— Дата доступа: 14.02.2026.
57. Рейтинг стран Европы по расходам на еду [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://ria.ru/20221212/eda-1837512329.html?in=t>.— Дата доступа: 14.02.2026.
58. Сколько канадцы тратят на еду [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://immigrant.today/canada/15800-skolko-kanadcy-tratjat-na-edu.htm>.— Дата доступа: 14.02.2026.
59. Engel's Law and the pandemic's impact on our food expenditure [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.livemint.com/opinion/online-views/engels-law-and-the-pandemic-s-impact-on-ourfood-expenditure-11644945106074.html>.— Дата доступа: 14.02.2026.

Ключевская О. А.,

*начальник отдела по работе с вузами
Департамента по работе с образовательными организациями
Ассоциации Добро.рф*

«ТРЕТЬЯ МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ» — МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В представленной статье охарактеризована Концепция «третья миссия университетов» в качестве механизма реализации социальной функции государства в контексте процесса образования и воспитания. Подчёркивается её значение для расширения общественной ответственности образовательных организаций высшего образования за пределы традиционных образовательных и исследовательских задач. Особое внимание уделяется влиянию Концепции «третьей миссии университетов» на интеграцию университетов в социально-культурное пространство.

Ключевые слова: Третья миссия университетов, функции государства, социальная функция государства.

Klyuchevskaya O. A.,

*Head of the Department for Work with Universities
Department for Work with Educational Organizations
Dobro.rf Association*

IMPLEMENTATION OF STATE FUNCTIONS IN UNIVERSITY ACTIVITIES

Abstract. The presented article describes the concept of the «third mission of universities» as a mechanism for implementing the social function of the state in the context of the education and upbringing process. It emphasizes the importance of this concept for expanding the social responsibility of higher education institutions beyond their traditional educational and research objectives. Special attention is given to the impact of the «third mission of universities» concept on the integration of universities into the socio-cultural space.

Keywords: The third mission of universities, the functions of the state, and the social function of the state.

Функции государства являются основополагающими направлениями деятельности, позволяющие выразить его сущность и назначение. Традиционное деление функций государства происходит по областям деятельности (внутренняя и внешняя), но в рамках работы предлагается рассмотреть реализацию такой функции, как социальная, относящаяся к внутренней политике. Благодаря реализации социальной функции государства поддерживается надлежащий уровень жизни населения.

В работе И. А. Астахова отмечается, что одним из направлений в реализации социальной функции выступает — воспитание, так как образование и воспитание являются ключевыми объектами внимания государственной политики, правового регулирования, преследующего цель в виде установления государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в этой сфере, а также создание условий развития системы образования [3, с. 10]. Именно внутри экосистемы образовательных организаций происходит первичное становление личности, формирование представлений о правомерном образе поведения, а также отношения к осуществляемым процессам со стороны государства, так как молодёжь является базисом развития гражданского общества, в котором индивиды стремятся к достижению высоких экономических, культурных и социальных целей совместного существования. В зависимости от их развития, нравственных идей и принципов, которые сформированы в сознании, будет отличаться и уровень жизни, модернизации отдельных социальных институтов в перспективе.

С учетом трансформации общественных отношений, перед лицом государства возникла необходимость в формировании ценностей, следование которым позволит влиять на культуру образования и воспитания. Данный перечень содержится в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 (далее — Указ № 809), описывающим основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2]. Именно через институт образования и воспитания происходит прививание первичных ценностей, лежащих в основе реализации социальной функции государства, как например служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Вокруг данной ценности возникает множество споров, так как восприятие «служения» неоднозначно, но с позиции образования и воспитания, про «служение» возможно говорить как о процессе выхода за пределы достижения пользы и блага только для себя или ограниченного круга лица. М. Г. Солнышкина отмечает, что «служение» должно рассматриваться в качестве устойчивой ценностной ориентации, формирующейся в процессе социализации личности в образовательных институтах [5, с. 22].

В свою очередь, хочется выразить согласие с Э. Д. Гавриловой, в работах которой прослеживается тезис, свидетельствующий о том, что формирование служения определяется как непрерывный процесс, институционально поддерживаемый государством через образование, культуру и историческое просвещение [4, с. 109].

Реализация данной ценности возможна в рамках Концепции «третьей миссии университетов» (далее — Концепция), позволяющей оценить роль образовательной организации высшего образования в трех ключевых направлениях: образование, наука и взаимодействие с обществом. Обращаясь к исторической периодизации, мы можем проследить, что первой миссией являлась преимущественно образовательная, так как сам процесс был основан на освоении, толковании и систематизации постулатов и традиций; вторая миссия университетов заключалась в единстве преподавания и исследования — классический период развития образования. Первые обсуждения Концепции начались в переломный для российского общества момент, связанный с переходом от командно-административной системы хозяйствования к рыночной, присоединением к Болонскому процессу. Рассмотрим эти три ключевые направления подробнее:

- образование — процесс целенаправленного приобщения человека к культуре, знаниям о мире и ценностям, установленным в конкретном обществе;
- наука — это система знаний о наиболее существенных признаках (свойствах) изучаемых явлений, закономерностях их существования и развития;
- взаимодействие с обществом — в большей степени в работе позиционируется в качестве взаимодействия образовательной организации высшего образования с основными социальными институтами, одним из которых является некоммерческий сектор.

Несмотря на тот факт, что образование Российской Федерации переходит на «национальные рельсы», основывающееся на принципе гуманистического характера образования (и как следствие достижение целей Указ № 809), необходимость реализации Концепции в контексте социально-экономического развития общества подтверждается тем, что государство становится модератором процессов взаимодействия между образовательной средой, общественными институтами и сферой производства, в рамках которого посредством прямого взаимодействия с некоммерческим сектором и институтами общественного развития, формируется представление о реальных запросах и проблемах, которые предстоит решить будущим специалистам, разрешается проблема трудоустройства молодых граждан и их первичная профориентация.

При рассмотрении данных направлений возникает вопрос, касающийся позиционирования образовательной организации в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — 273-ФЗ), целью которой является, приоритетно, образовательная деятельность. Однако формы социальной, добровольческой и НКО-ориентированной деятельности образовательных организаций высшего образования прямо не предусмотрены [1].

В ст. 2 и ст. 3273-ФЗ отсутствуют нормы, позволяющих образовательным организациям высшего образования:

- оказывать юридическую или психологическую помощь населению на постоянной основе;
- выступать учредителями НКО или партнёрами гражданских инициатив;
- развивать добровольчество как структурный элемент образовательной деятельности;
- организовывать системную поддержку выпускников.

Заинтересованность государства в формировании крепкой системы образования, как развитого института социального развития, свидетельствуют изменения, внесенные законодателем в 2021 году в ст. 2 п. 35273-ФЗ, которые закрепили понятие воспитательной деятельности, но:

- она регулируется вне рамок образовательных программ;
- не даёт образовательным организациям высшего образования правовой базы для взаимодействия с НКО или предоставления социальных услуг.

Учитывая данные препятствия, мы можем сделать вывод о том, что «третья миссия университетов» станет механизмом воплощения социальной функции государства в том случае, если будут реализованы определенные нормативные изменения, расширяющие полномочия образовательных организаций высшего образования во взаимодействии с обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 01.01.2026).
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809.

3. Астахова И. А. О воспитательной функции государства (из истории политико-правовой мысли) // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2011. — № 2 (17).

4. Гаврилова Э. Д. Содержание ценности служения отечеству в контексте государственной политики РФ в области исторического просвещения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10–2 (97).

5. Солнышкина М. Г. Обучение служением как современный проектный образовательно-воспитательный подход // Знание. Понимание. Умение. — 2025. — № 3.

УДК 343

Крайнова Н. А.,

доктор юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой «Уголовное право и процесс»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

ПОНЯТИЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ПЕНОЛОГИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация. относительно недавно в отечественном правовом обороте появился термин «ресоциализация», который в настоящее время активно используется в контексте пробации. Само понятие ресоциализации определено в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в РФ», однако данная дефиниция нуждается в осмыслении и переработке, что позволит повысить эффективность правоприменительной деятельности в данной сфере. В работе с использованием логического, систематического, исторического и системно-структурного метода было проанализировано понятие ресоциализации, его соотношение с понятием пробации, социальной реабилитации и адаптации, сделаны практические выводы, направленные на совершенствование юридических определений и их толкования.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных, пробация, уголовное право, рецидивная преступность.

Krainova N. A.,

Doctor of Law, PhD, Associate Professor,

Head of the Department of Criminal Law and Procedure

Sevastopol State University

THE CONCEPT OF RESOCIALIZATION AND THE PRACTICAL SIGNIFICANCE OF ITS PENOLOGICAL INTERPRETATION

Abstract. The term “resocialization” has recently appeared in domestic legal discourse and is currently being actively used in the context of probation. The concept of resocialization is defined in Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023, “On

Probation in the Russian Federation,” but this definition requires further analysis and refinement to enhance the effectiveness of legal enforcement in this area. The paper analyzes the concept of resocialization and its relationship to the concepts of probation, social rehabilitation, and adaptation, using logical, systematic, historical, and systemic-structural methods. The paper also provides practical conclusions aimed at improving legal definitions and their interpretation.

Keywords: re-socialization of convicts, probation, criminal law, recidivism.

Проблема ресоциализации осужденных в настоящее время является весьма актуальной. Обсуждается она в широких общественных кругах, на многочисленных научных мероприятиях, государственные структуры проявляют заинтересованность в ее скорейшем разрешении.

Более чем двадцатилетний опыт автора в исследовании проблем ресоциализации осужденных демонстрирует реализацию определенных действий: многое из того, что предлагалось, было претворено в жизнь. Изменения, направленные на совершенствование мер уголовно-правового противодействия рецидивной преступности, были внесены и в УК РФ [1]. Однако, несмотря на реализованное в законодательстве желание правотворца минимизировать уровень рецидивной преступности, к сожалению, достичь этого не удалось.

Следует отметить, что сам по себе показатель рецидивной преступности является одним из самых стабильных в общем числе маркеров преступности. На этот факт обращает внимание в своих трудах Я. И. Гилинский, анализируя показатели рецидивной преступности с XVIII по XXI век: в 1875–1883 гг. — 15–19%; в 1884–1912 гг. — 16–22%; 1988–2001 гг. — 22–34%. «Рост в два раза более чем за 100 лет, с одной стороны, не столь уж и значителен (за это время успели смениться три социально-экономических строя!), с другой — свидетельствует лишь о неэффективности предпринимаемых обществом и уголовной юстицией усилий, отмечает ученый» [2].

Постоянный рост рецидивной преступности за последние 5 лет настораживает еще больше, однако в 2024 г. намечилась положительная динамика. Так, согласно статистическим данным МВД РФ, в 2019 г. удельный вес ранее судимых лиц в общем числе осужденных составил 2,6%, в 2020 г. — 29,9%, в 2021 г. — 30,1%, в 2022 г. — 30,8%, в 2023 г. — 31,2%, в 2024 г. — 28,9% [3]. Снижение удельного веса ранее судимых лиц в общем количестве совершивших преступления в 2024 г. отчасти можно объяснить и активной практической реализацией системы

пробации, создание которой предусмотрено Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Согласно положениям данного нормативно-правового акта, в РФ создается институт пробации, который предусматривает помощь, поддержку успешной ресоциализации бывших осужденных в целях их реального включения в законопослушную жизнь.

Несмотря на то, что до недавнего времени ресоциализация бывших осужденных оставалась лишь темой сугубо научных дискуссий, объектом которых является конструирование теоретических дефиниций либо возможных изменений законодательства, практической реализации ресоциализационных мер не наблюдается, тем не менее, нельзя недооценивать значение используемых в законодательстве формулировок [4, с. 62]. От того, насколько качественно сформулирована законодательная дефиниция, зависит и её толкование, а следовательно, и правоприменение.

В действующем законодательстве ресоциализация дефинирована в статье 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где ресоциализация определяется как «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера» [5]. Аналогичную формулировку в пункте 5 статьи 5 воспроизводит и Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. «О пробации в Российской Федерации». Таким образом, ресоциализация трактуется законодателем инструментально, как комплекс применяемых субъектами профилактики мер. В таком понимании понятие ресоциализации смешивается с понятием социальной адаптации, которая в соответствии со статьёй 24 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» понимается как комплекс мероприятий.

Кроме того, анализируемая дефиниция ресоциализации противоречит пункту 13 Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, утвержденного Приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262,

в соответствии с которым основными целями деятельности групп социальной защиты обозначены «создание предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы» [6]. Семантическое и логическое толкование данной нормы во взаимосвязи позволяют сделать вывод о том, что исправление, ресоциализация и адаптация мыслятся некими процессами, на результативность которых и направлена деятельность групп социальной защиты. В то время как применяемый данными субъектами комплекс мер выступает в роли инструментария достижения цели.

Понятие ресоциализации, отражающее содержательную сторону данного феномена, содержится в пункте 2.1.32 Национального стандарта Российской Федерации «Социальное обслуживание населения» ГОСТ Р 52495–2005, утверждённого приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 532-ст, введенного в действие 1 января 2007 г.: это «восстановление или укрепление социальных связей, усвоение индивидом ценностей и норм, отличающихся от усвоенных им ранее, вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого им прежде, восстановление социального и личностного статуса, реинтеграция и востребованность в обществе» [7]. Аналогичная формулировка ресоциализации закреплена в пункте 3.6 Национального стандарта Российской Федерации «Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем», утвержденного приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 августа 2018 г. № 468-ст [8]. Подход, в соответствии с которым ресоциализация понимается как процесс восстановления социального и личностного статуса, представляется оправданным. Однако необходимо и уточнить, о каком именно статусе идет речь. Ведь это может быть и негативный (отрицательный) статус, которому соответствовал индивид до осуждения и который он может восстановить после освобождения от наказания.

Применение к лицу, совершившему преступление, наказания преследует чётко очерченные в уголовном законе цели: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений. Достижение данных целей

не представляется возможным без успешного включения «вчерашнего преступника» именно в социально-полезные связи. В противном случае, если индивид будет включен в социально-отрицательные связи, то есть асоциальные, антисоциальные взаимосвязи и взаимодействия, вряд ли стоит ожидать, что он не продолжит заниматься, в том числе, и преступной деятельностью. С большой долей вероятности, он вернётся к антисоциальному образу жизни, что не исключает совершения им в будущем преступлений. В этой связи необходимым при дефинировании ресоциализации представляется акцентирование внимания на восстановлении именно положительного социального и личностного статуса.

В социологии и обществознании под социальным статусом, как правило, понимают занимаемое человеком в обществе положение, связанное с определёнными правами и обязанностями [9, с. 277]. Такое положение зависит как от характеристик внешней среды (состояния экономики, уровня общего благосостояния, социальной стратификации и т. д.), так и от личностных устремлений и заслуг. Как справедливо отмечается в научной литературе, «личность формируется во взаимодействии внутренних побуждений и внешних ограничений» [10, с. 143]. Таким образом, социальный статус является важной составляющей правопослушного поведения, исключающего преступность. Однако данное утверждение верно, только если речь идёт о положительном статусе. Положительный социальный статус, как представляется, можно связать с успешным трудоустройством (труженик), семейным положением (семьянин), наличием детей и участием в их воспитании (отец/мать семейства), участием в социально-полезных активностях (волонтёр, доброволец, активист и т. д.), образованием (учащийся, студент и т. д.) и др. Однако, определяя понятие ресоциализации, не следует перечислять в нём отдельные разновидности положительных социальных статусов. Прежде всего, такой перечень не может быть исчерпывающим ввиду зависимости объёма социального статуса от характеристик внешней среды. Трансформация общественных отношений приводит к тому, что многие социальные категории являются подвижными. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что применительно к социальному статусу характеристика «положительный» или «отрицательный» является относительной. Кроме того, как представляется, не следует чрезмерно ограничивать правоприменителя указанием на конкретные

социальные статусы индивида в процессе его ресоциализации. Всё-таки, ресоциализация человека — процесс индивидуальный. В этой связи необходимо оставить правоприменителю возможности для усмотрения в определении набора критериев ресоциализации. Таким образом, дефиниция ресоциализации может содержать лишь указание на восстановление индивидом социально-положительного статуса.

Представляется целесообразным рассматривать ресоциализацию не только и не столько как процесс, в результате которого человек не совершает противоправные деяний и/или восстанавливает свой социально-положительный статус, но и как результат данного процесса. Такое утверждение обосновывается анализом ресоциализации в так называемой социологической триаде «социализация-десоциализация-ресоциализация».

Социологические и психологические исследования, в общем-то, едины в понимании социализации как процесса вхождения индивида в социальную систему, приобщения его к нормам и правилам жизни в обществе, внутреннем согласии с принятыми социальными нормами и внешней демонстрации такого согласия. Ресоциализация, основываясь на семантическом толковании данного термина, а также использовании при его лингвистическом конструировании приставки «ре», даёт основания полагать ресоциализацию обратным социализации процессом [16, с. 29–30]. Это возобновление социализации после того, как по определенным причинам индивид утратил связь с социальной средой. Иными словами, если мы социализацию рассматриваем как процесс, то совершенно логично и ресоциализацию рассматривать также как процесс. При этом следует иметь в виду, что такие процессы происходят в течение жизни человека постоянно: внешние условия социальной среды могут меняться как в лучшую, так и в худшую сторону [11, с. 62]. Человек постоянно сталкивается с разнообразнейшим набором факторов, которые могут оказывать на него, в том числе, и десоциализирующее воздействие. Человек приспосабливается к социуму, впрочем, как и социум выстраивается в результате жизнедеятельности человека.

Итак, толкование ресоциализации позволяет нам предложить рассматривать её двояко: как процесс и как результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, обретение индивидуумом социально-положительного статуса

[12, с. 43]. Однако анализ действующего законодательства свидетельствует об отсутствии единообразия в данном вопросе даже в уже принятых нормативно-правовых актах. Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» относит ресоциализацию к формам профилактического воздействия. В статье 5 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» ресоциализация определена как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера и обозначенная в качестве одной из целей пробации. В свою очередь пробация дефинирована как совокупность мер, применяемых в отношении осужденных лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц [13]. Таким образом, получается, что законодатель смешивает пробацию и ресоциализацию, интуитивно понимая, что ресоциализация — это процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена общества. Но, ориентируясь на норму Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ошибочно дефинирует ресоциализацию как совокупность мер.

Существующая в данном вопросе некоторая терминологическая путаница продолжилась и в подзаконном нормотворчестве. Так, приказом Минюста РФ от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [14] был утвержден ряд документов, регламентирующих, в том числе, вопросы ресоциализации. Во всех документах термины «ресоциализация», «социальная адаптация», «социальная реабилитация» перечислены через запятую, то есть, рассматриваются как однопорядковые.

С 1 января 2025 года положения Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» и указанных выше подзаконных нормативно-правовых актов полностью

вступили в законную силу. Несмотря на то, что и с существующими законодательными дефинициями старт реализации системы пробации в Российской Федерации можно признать успешным [15], точность законодательных формулировок способствовала бы повышению эффективности практической реализации норм права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // СПС «Консультант плюс» [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112704/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100011. (дата обращения: 04.02.2026).
2. Гишинский Я. И. Призонация по-российски // Отечественные записки. 2003. № 2. // Журнальный зал» [Сайт]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/prizonizacziya-po-rossijski.html>. (дата обращения: 04.02.2026).
3. МВД РФ. Статистика и аналитика. // Официальный сайт МВД РФ [Сайт]. URL: <https://мвд.рф/геротс/3/>. (дата обращения: 04.02.2026).
4. Петровский А. В. Ресоциализация осуждённых как часть российской криминологической политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — № 1 (60). — С. 62–65.
5. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 04.02.2026).
6. Приказ Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» // СПС «Консультант плюс» [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112196/f47a567ae3cdeaa9c0d825fc50ed2380df1627db/ (дата обращения: 04.02.2026).
7. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения» ГОСТ Р 52495–2005, утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 532-ст. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200043127> (дата обращения: 04.02.2026).
8. Национальный стандарт Российской Федерации «Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем» ГОСТ Р 54990–2018, утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 августа 2018 г. № 467-ст. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200160131> (дата обращения: 04.02.2026).
9. Гревцева Е. В., Типунова А. С., Холодная Е. А. Теоретические аспекты социального статуса // Вестник науки. — 2022. — № 12 (57). — Т. 4. — С. 277–280.
10. Проценко М. В. Социальный статус личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 7–4. — С. 143–146.

11. Кобылкина А. В. Понятие и сущность ресоциализации в социальных и философских науках // Общество: философия, история, культура. — 2024. — № 1. — С. 60–65.

12. Крайнова Н. А. Ресоциализация сквозь призму единого законодательства о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 4 (51). — С. 42–46.

13. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета [Сайт]. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>. (дата обращения: 04.02.2026).

14. Приказ Минюста РФ от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «Гарант» [Сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/>. (дата обращения: 04.02.2026).

15. ФСИН: результат пробации — низкий уровень рецидива у бывших осужденных // Интерфакс [Сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/1005404>. (дата обращения: 04.02.2026).

16. Крайнова Н. А. Уголовная политика в сфере ресоциализации осужденных: быть или не быть? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — № 1 (60). — С. 28–39.

УДК 346

Кремлёва О. К.,

канд. юрид наук,

доцент каф. теории и истории государства и права

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный

экономический университет»

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ESG В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования корпоративного управления в условиях фрагментированной экономики, характеризующейся разрывом хозяйственных связей, санкционными ограничениями и децентрализацией бизнес-процессов. Исследуются правовые риски, возникающие при трансформации корпоративных структур, распределение ответственности между участниками и обеспечение прозрачности управления. Предлагаются подходы к совершенствованию нормативно-правовой базы, направленные на повышение адаптивности корпоративного управления к новым экономическим реалиям.

Ключевые слова: правовое обеспечение, фрагментированная экономика, корпоративное управление, корпоративные риски, санкционные ограничения, адаптивность управления, децентрализация бизнеса, корпоративная ответственность.

PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT OF CORPORATE GOVERNANCE AND COMPLIANCE WITH ESG PRINCIPLES IN THE CONTEXT OF FRAGMENTATION OF THE GLOBAL ECONOMY

Abstract. The article examines current problems of legal regulation of corporate governance in a fragmented economy characterized by the disruption of economic ties, sanctions restrictions, and the decentralization of business processes. It explores the legal risks arising from the transformation of corporate structures, the allocation of responsibilities among participants, and ensuring management transparency. Approaches to improving the legal and regulatory framework are proposed, aimed at enhancing the adaptability of corporate governance to new economic realities.

Keywords: legal regulation fragmented economy, corporate governance, corporate risks, sanctions restrictions, governance adaptability, business decentralization, corporate responsibility.

Сегодня можно вполне уверенно утверждать, что система корпоративного управления в условиях современной экономической деятельности обрела набор формальных и неформальных правил о моделях поведения заинтересованных субъектов. В то же время назрела необходимость в признании юридической конструкции КСО и концепции ответственности за нарушение в сфере устойчивого развития и социальной ответственности. Важной современной тенденцией стало то, что формирующийся в новых в технологических условиях социальный контракт требует переосмысления субъектно-объектной составляющей и содержания (прав и обязанностей) участников правоотношений.

Новейшим вызовом современной глобальной экономической действительности стало явление «фрагментирования экономики». В условиях фрагментированной экономики приобрела новую значимость повестка не только правовой регламентации, но и пропаганды собственных ориентиров КСО в технологической политике и принципах развития финансовой системы как доминанты устойчивого развития.

Остановимся на основных объективных современных факторах, активно используемых при прогнозировании и регламентации в корпоративном управлении и в нормотворчестве:

- Интерместикация (intermestication); стирание границ между «внутренним» и «внешним» [1];
- Диффузия власти: новые технологические прорывы (цифровизация, облачные технологии, искусственный интеллект, робототехника, 3D-печать, 5G и интернет вещей, экологические ограничения [2];
- Единство и борьба парадигм власти [3].

В связи с процессами информатизации прослеживается тенденция вовлечения растущего множества участников глобального управления. В то же время мы наблюдаем явление фрагментации мира и его управления.

Проблемы устойчивого развития корпоративного управления в условиях фрагментированной экономики можно сгруппировать в блоки различных видов неопределенностей, порождающих соответствующие виды рисков.

Во-первых, следует выделить блок неопределенностей круга и статуса участников. Данный блок проецируется в сферу нормотворчества как необходимость формирования правовой политики на базе:

- 1) уважения суверенитета участников;
- 2) соблюдения единства и обязательности регулирования взаимодействия.

Во-вторых, блок неопределенностей видов рисков и их инфляционных ожиданий. Значение данного блока для нормотворческой и правоприменительной деятельности состоит в выработке регламентации на случай возникновения новых и неизвестных вызовов, т. н. «чёрные лебеди» концепции последовательности анализа единства применения, а именно:

- 1) процедуры по установлению юридических фактов;
- 2) материальных правоотношений по осуществлению действий;
- 3) процессуальных правоотношений по разрешению конфликтов.

В-третьих, блок неопределенностей видов и пределов корпоративной социальной ответственности. Значение применения результатов анализа рисков данного блока состоит в возможности надлежащего регулирования взаимодействия на основе экстраполяции принципов КСО и нормативного установления:

- 1) правил конвертации материальных и нематериальных активов;
- 2) стандартов соотношения средств оценки активов;
- 3) правового режима меновых эквивалентов.

В сложившихся условиях возникла острейшая потребность в доктринальном изучении кардинально изменившихся корпоративных отношений и обосновании теоретико-прикладных подходов к их правовому регулированию.

В практической реализации принципов корпоративного управления не стоит ожидать одномоментной замены законодательства единым массивом. Внедрение принципов происходит посредством совершенствования норм в контексте достижения целей устойчивого развития.

В современном мире следование принципам устойчивого развития — неотъемлемая часть стратегии развития каждой крупной компании. Реализация ESG-повестки в Российской Федерации происходит на фоне преодолеваемых политических и экономических трудностей, вызванных беспрецедентными по силе и числу антироссийскими санкциями, инициированными коллективным западом. Вместе с тем, актуальность ESG-повестки сохраняется и, как показывает практика, продолжает развиваться, что требует развития правового регулирования общественных отношений, прежде всего, в корпоративной сфере.

Одной из особенностей отечественной ESG-повестки является то, что крупные российские компании в первую очередь сфокусированы на социальном аспекте в реализации концепции ESG. Этот феномен можно объяснить тем, что многие из них являются системообразующими в регионах присутствия, а также обеспечивают социальную инфраструктуру для своих работников и задают социальные стандарты на рынке труда, кроме того, рассматриваемый аспект благоприятно влияет на имидж компании как социально ответственной, что сказывается на инвестиционной привлекательности бизнеса.

Важным фактором устойчивого развития является эффективно функционирующая система корпоративного управления. Именно система и процессы корпоративного управления определяют эффективность экологической и социальной политики и, как следствие, влияют на экономические результаты деятельности компании. Корпоративное управление — система взаимоотношений между собственниками (акционерами) компании и ее менеджментом, между различными группами (категориями) акционеров, между компанией в целом и иными заинтересованными группами по вопросам обеспечения интересов указанных участников корпоративных отношений и эф-

фективной деятельности компании, ее соответствия социальным целям и общественными интересам.

Традиционно корпоративное управление сосредоточено на определении статуса собственников компании, которые предоставили финансовый капитал, необходимый для ее функционирования (т. е. акционерах), регулировании обязанностей и ответственности лиц, которых акционеры выбрали в качестве управленцев, с целью обеспечения эффективности деятельности компании и защиты интересов ее владельцев, а также на вопросах максимизации прибыли от своих инвестиций (т. е. эффективности деятельности единоличного исполнительного органа и иных органов юридического лица). Эти задачи включают решение вопросов контроля за деятельностью компании, который включает в себя процедуры бухгалтерского учета, внутренний контроль и внешний аудит, используемые для отслеживания операционной деятельности компании, выбранной директорами как наилучшее средство для обеспечения акционерам ожидаемой отдачи от инвестиций, а также прозрачности и раскрытия информации, которые необходимы для того, чтобы акционеры полностью понимали, насколько эффективно был использован их финансовый капитал, и чтобы их представители, директора и члены исполнительных органов не злоупотребляли своим положением.

Фактически суть корпоративного управления заключается в стремлении к разработке и совершенствованию процессов, нормативных актов и договоров, регулирующих деятельность компании, в том числе, в обеспечении защиты прав акционеров, гармонизации интересов заинтересованных лиц, а также в создании прозрачной среды, при которой каждое заинтересованное лицо может внести свой вклад в рост корпорации и увеличение ее капитала.

На современном этапе происходит переход от примата интересов акционеров, который был доминирующим в корпоративном управлении, к иному взгляду на цель деятельности компании, которая включает в себя не только получение прибыли, но и положительное влияние деятельности компании на экономику, экологию и, в целом, на общество. Происходит сближение корпоративного управления и корпоративной социальной ответственности (устойчивого развития), которые имеют много общих черт, что влияет как на регулирование рассматриваемых процессов со стороны государства, так и на саморегулирование корпораций, многие из которых приняли добровольные стандарты,

такие как внутренние кодексы поведения, касающиеся экологической и социальной ответственности, обязательство раскрывать нефинансовую отчетность и т. д.

Все это приводит к расширению фидуциарных обязанностей директоров и членов исполнительных органов, и их, на этой основе, взаимодействию с акционерами, другими лицами, сотрудниками, клиентами, жителями городов, в которых работает корпорация, и обществом в целом. Такое переосмысление, подкрепленное своевременным совершенствованием правового регулирования, открывает возможности для рассмотрения вопросов и реализации инициатив, связанных с устойчивостью, благосостоянием сотрудников, социальными проблемами и заботой об окружающей среде.

Специфика реализации ESG-повестки такова, что фактически подразумевает выделение денежных средств на деятельность, не связанную с традиционной направленностью деятельности корпорации по максимизации прибыли акционеров. Таким образом, фактически фидуциарная обязанность директоров компании и их исполнительных органов действовать в их интересах, является существенным препятствием для реализации инициатив в области устойчивого развития.

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (часть 3 статьи 53 ГК РФ), Федерального закона «Об акционерных обществах» (часть 1 статьи 71), Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (часть 1 статьи 44) устанавливают обязанности органов управления юридического лица действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Категория «интерес», используемая в правотворческой технике, пребывает в статике, и ее содержательная подвижность находит свое отражение посредством квалифицирующих признаков ответственности.

Фактически обязанность органов управления юридического лица действовать разумно и добросовестно пришла из англосаксонского правопорядка, в котором данные фидуциарные обязанности именуется как *duty of care* (обязанность проявлять разумную заботливость) и *duty of loyalty* (обязанность проявлять лояльность). При этом, в литературе отмечается, что закрепленные в ГК РФ категории добросовестности и разумности являются зародышами указанных фидуциарных категорий. Наделение фидуциария, такими обязанностями формирует высокий стандарт поведения, обязывающий лицо, осуществляющее управление юридическим лицом, действовать непо-

средственно в интересах самого юридического лица. В соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ указанные обязанности распространяются также и на фактически контролирующих лиц.

Одним из примеров, когда фидуциарные обязанности ограничили руководство компании в реализации своих социально-полезных действиях, является попытка Генри Форда использовать избыточную прибыль для найма дополнительных сотрудников для борьбы с безработицей и увеличения пособий для сотрудников, а не для распределения прибыли среди акционеров Ford Motors, на что Верховный суд Мичигана пришел к выводу, что своими действиями Генри Форд нарушил свою фидуциарную обязанность перед корпорацией и, таким образом, они не являются добросовестными.

Коммерческое юридическое лицо организуется и функционирует для получения прибыли акционерами, что следует из части 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Для этого используются полномочия единоличного исполнительного органа и иных исполнительных органов. Усмотрение директоров должно осуществляться при выборе средств для достижения этой цели и не распространяется на изменение самой цели, на уменьшение прибыли или на нераспределение прибыли между акционерами для того, чтобы использовать ее для других целей.

Таким образом, фидуциарные обязанности фактически усложняют усилия директоров по санкционированию инициатив в области устойчивого развития, которые по своей природе создают выгоду для иных лиц, помимо акционеров, что может отрицательно сказаться на акционерной стоимости, по крайней мере, в краткосрочной перспективе и лишить акционеров распределения сверхприбыли. Кроме того, вероятно ситуация, когда директор, предпринявший попытку реализовать инициативу из ESG-повестки, будет привлечен к ответственности за свои действия.

В этой связи следует отметить сложившийся в законодательстве США подход к расширению фидуциарных обязанностей директоров за пределы защиты интересов акционеров на другие цели — законодательство США предусматривает самостоятельную организационно-правовую форму юридического лица — благотворительную корпорацию, которая расширяет фидуциарные обязанности директоров, и обязывает их осуществлять реализацию проектов ESG-повестки, направленных, в том числе, на улучшение окружающей среды, положения

работников. При этом, акционеры получают право при оценке успешности деятельности директора давать оценку того, оказывает ли деятельность корпорации общее положительное влияние на общество, ее работников, и т. д.

Положения, позволяющие корпорациям выбирать организационно-правовую форму, которая прямо расширяет цель корпорации за пределы продвижения финансовых интересов ее акционеров, позволяет исполнительным органам такого юридического лица учитывать экологические, социальные или другие последствия корпоративной деятельности, были впервые изложены в Белой книге, выпущенной в 2013 году Комитетом по корпоративному праву Американской ассоциации юристов.

Для юридических лиц, имеющих организационно-правовую форму благотворительной корпорации, американское законодательство требует наличия в уставе указания на достижение общественной пользы и положительном влиянии на общество и окружающую среду в целом, согласно оценке по стандарту третьей стороны. Американское законодательство также требует, чтобы благотворительная корпорация ежегодно публиковала «отчет о прибылях и убытках», который будет доступен ее акционерам. В отчете должна оцениваться прибыль корпорации со стороны независимых экспертов. Более того, законодательство уполномочивает акционеров обращаться в суд в случае, если руководство благотворительной корпорации не учитывает в своей деятельности предусмотренные уставом ESG-цели.

В штате Делавэр, лидере в области законодательных инноваций в области корпоративного права, учредительные документы благотворительной корпорации должны содержать указание на конкретную общественную цель, которую корпорация обязана преследовать. При этом, устанавливаются требования к формулировке, которая помогает гарантировать, что благотворительная корпорация будет служить долгосрочным интересам общества, создавая ценность для своих акционеров. В отличие от традиционных корпораций, чьи директора несут единственную фидуциарную обязанность максимизировать акционерную стоимость, директора общественно-полезных корпораций должны уравнивать имущественные интересы акционеров и установленную конкретную общественную цель. Общественно-полезные корпорации штата Делавэр обязаны отчитываться о своих общих социальных и экологических показателях, предоставляя акци-

онерам важную информацию, которая, особенно в случае предоставления отчетности в соответствии со стандартами третьей стороны, может снизить риск и снизить операционные издержки.

Следует согласиться с О. В. Гутниковым, который рассматривая сущность фидуциарных отношений [4, 25–29], отмечал, что ключевыми признаками фидуциарных отношений (и обязанностей) для корпоративного права являются наличие отношений корпоративного контроля (корпоративной власти) и обязанность при осуществлении своих прав и обязанностей действовать в чужих интересах (в интересах корпорации). В корпоративных отношениях директор наделяется соответствующими полномочиями в интересах самого юридического лица и все выгоды от установления фидуциарных отношений получает корпорация (фидуциант). В настоящее время становится возможным возложение фидуциарных обязанностей даже на миноритарных участников корпорации. Связано это с тем, что отдельные участники все больше и больше вовлекаются в процесс управления корпорацией. Это явление получило название акционерного активизма. Конечно, в основном к акционерам-активистам относятся институциональные инвесторы, однако встречаются и миноритарные акционеры, которые могут быть охарактеризованы в качестве активистов.

Таким образом, расширение фидуциарных обязанностей членов органов управления корпораций является насущным вопросом в современных условиях реализации ESG-повестки в России, особенно в условиях наличия довольно широкой практики привлечения к ответственности членов органов управления корпораций за злоупотребления правом.

Одним из способов решения данного вопроса является включение в отечественный правовой порядок новой вида юридических лиц — коммерческое юридическое лицо с общественно-полезной целью (ESG-корпорация). Данное юридическое лицо может занимать промежуточное положение между коммерческим и некоммерческим юридическим лицом.

ESG-корпорацию можно определить как корпорацию, созданную для получения прибыли, достижения общественно-полезных целей, путем решения задач в сфере экологии, социальных отношений, корпоративного управления, а также публичного отчета о социальных, экологических и иных результатах такой деятельности с учетом установленных стандартов.

Важнейшим вопросом в отношении составления учредительного документа ESG-корпорации будет являться формулирование общепользительной цели для того, чтобы выделить такую корпорацию от иных организаций и дать возможность потенциальным будущим контрагентам принять решение о целесообразности сотрудничества. При этом, представляется, что формулировка цели должна быть достаточно общей, чтобы позволить корпорации продолжать работать в меняющихся обстоятельствах.

Требование об определении конкретной общественно полезной цели дает руководству ESG-корпорации, акционерам, судам и иным лицам ориентир, который необходимо принимать во внимание при решении вопросов корпоративного управления. Важным является то, что цель рассматриваемого юридического лица должна быть публичной.

Также следует установить обязанность указания в уставе ESG-корпорации порядка выполнения обязательств по раскрытию отчетности в целях обеспечения прозрачности ее деятельности для всех заинтересованных сторон. Учитывая тенденцию на рынках ценных бумаг к опубликованию ESG-отчетности (экологической, социальной и управленческой), повышенная прозрачность может помочь инвесторам легче принимать обоснованное инвестиционное решение.

Важное значение для регулирования деятельности ESG-корпорации имеет установление в гражданском законодательстве легального определения общественной пользы. Так, например, общественную пользу можно определить как существенное положительное воздействие на общество и окружающую среду, определяемое стандартом независимой оценочной организации, посредством деятельности, которая способствует созданию конкретных общественных благ.

Признание ESG-корпораций нормами законодательства способствует усилению внимания к отдельным интересам заинтересованных сторон, не являющихся акционерами, однако создает множество новых вопросов в регулирование корпоративного управления, а также текущих задач для руководителей корпораций всех типов, например, как измерять и сравнивать нефинансовые аспекты деятельности корпораций; как обеспечить подотчетность корпораций перед заинтересованными сторонами, не имеющими права голоса, принадлежащего акционерам; как структурировать поощрительные пакеты для руководителей и менеджеров, привязанные к сложным многосторонним целям и обязательствам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World, Cambridge University Press. 467.
2. Deaton, A. The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality, by Angus Deaton.— М.: Publishing house of the Gaidar Institute; The Liberal Mission Foundation. Princeton University Press 2016. 368 с.; Piketty, T. (2014). Capital in the Twenty-First Century: A multidimensional approach to the history of capital and social classes. London School of Economics and Political Science. British Journal of Sociology, 65(4), 736–747.
3. Kirton, J.J. (2013) G20 Governance for a Globalized World. Global Finance Series. Routledge, Abingdon. Open Access Library Journal, Vol.5 No.6, June 8, 2018; Stuenkel, O. (2015). The BRICS and the Future of Global Order. Lanham, MD: Lexington Books. Open Journal of Social Sciences, Vol.9 No.1, January 19, 2021.
4. Гутников О. В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право.— 2019.— № 6.— С. 25–29.

УДК 343.231

Ломакина Е. О.,

*специалист кафедры «Уголовное право и процесс»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*

ЭЛЕМЕНТЫ И ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ ИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется ключевая для уголовного права конструкция — состав преступления. Автор понимает его как формулу, связывающую легальное понятие преступления с процессом квалификации, и рассматривает дискуссионные вопросы внутренней структуры этой формулы, обосновывая логическую последовательность её элементов: объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект. Центральной проблемой, обусловившей написание статьи, является отсутствие в Уголовном кодексе РФ законодательных определений как самих элементов состава преступления, так и их многочисленных признаков, что порождает противоречия в доктрине и правоприменении. В качестве решения предлагается закрепить в предлагаемой ст. 14.2 УК РФ базовые определения элементов состава преступления, а также в отдельном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснить правоприменительную практику, что обеспечит единство теории и практики квалификации по составу преступления.

Ключевые слова: состав преступления, элементы состава, признак состава, квалификация, законодательный пробел, Уголовный кодекс РФ, Постановление Пленума ВС РФ.

ELEMENTS AND FEATURES OF A CRIME: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS AND PATHWAYS TO LEGISLATIVE DEFINITION

Annotation. The article examines a key concept in criminal law — the *corpus delicti* (or “elemental composition of a crime”). The author interprets it as a formula that connects the legal definition of a crime with the process of qualification, and discusses debatable issues regarding the internal structure of this formula, substantiating the logical sequence of its elements: the object of the crime, the objective aspect, the subjective aspect, and the subject of the crime. The central issue that motivated the writing of this article is the absence, in the Criminal Code of the Russian Federation, of legislative definitions for both the elements of *corpus delicti* and their numerous constituent features, which leads to contradictions in legal doctrine and enforcement practice. As a solution, it is proposed to establish basic definitions of the elements of *corpus delicti* in the proposed Article 14.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and to clarify enforcement practice through a separate Plenary Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation, which would ensure consistency between theory and practice in crime qualification based on *corpus delicti*.

Keywords: *corpus delicti*, elements of a crime, features of a crime, qualification, legislative gap, Criminal Code of the Russian Federation, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Состав преступления — это формула, представляющая собой совокупность необходимых и достаточных признаков, установленных уголовным законом и характеризующих такое общественно опасное деяние как преступление. Эта конструкция служит непосредственным развитием легального понятия преступления (ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) [1] и материализует принцип *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания на то в законе) [4].

Основное практическое назначение состава преступления заключается в осуществлении квалификации — юридически точного установления соответствия между реально совершённым деянием и описанием конкретного преступления в законе [5; 6, с. 46; 7, с. 154]. Таким образом, состав выступает в роли связующего звена между фактическим событием и нормой закона, выполняя роль «формулы» для правовой оценки.

Однако, несмотря на свою центральную роль, в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует легальное определение не только самого состава преступления, но и его структурных компонентов — элементов и признаков. Их содержание раскрывается исключительно в научной доктрине и, отчасти, в судебной практике, что порождает ряд проблем. Во-первых, это теоретическая неоднородность, выраженная в дискуссиях о количестве, иерархии и последовательности элементов состава. Во-вторых, сохраняются серьёзные проблемы правоприменения, обусловленные фрагментарным и бессистемным характером легальных дефиниций признаков состава.

Это приводит к неединообразному судебному толкованию, правовой неопределённости и, как следствие, к ошибкам в процессе квалификации.

В-третьих, наблюдается несистемность: множество важнейших понятий-признаков рассредоточено по разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ по отдельным составам, что не создаёт целостной картины. Целью настоящей статьи является теоретико-правовой анализ элементов и признаков состава преступления, обоснование их оптимальной структуры и последовательности, а также разработка конкретных предложений по устранению выявленного законодательного пробела путём их системного нормативного закрепления.

В теории уголовного права состав преступления раскрывается через систему взаимосвязанных элементов. Дискуссионным является вопрос об их оптимальной последовательности. Традиционным для советской юридической науки является подход, согласно которому элементы состава преступления выстроены в определенном порядке: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона, что обосновывается логикой «от общего к частному» [3; 8, с. 31].

В современной доктрине всё большее признание получает иной подход, предлагающий последовательность: объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект [4, 138 с.]. Автор присоединяется именно ко второй позиции, поскольку она в наибольшей степени соответствует реальной логике следственной и судебной деятельности.

На первоначальном этапе расследования, когда лицо, совершившее преступление, может быть неизвестно, установление происходит именно в предложенном порядке: сначала определяется, какой охраняемый законом объект пострадал; затем выясняются внешние

обстоятельства деяния; после этого устанавливается психическое отношение к содеянному, то есть умысел, неосторожность, мотив или цель; и, наконец, выявляется, подлежит ли конкретное лицо уголовной ответственности с учётом возраста, вменяемости и специальных признаков. Данная последовательность и должна быть положена в основу, как законодательного регулирования, так и практической квалификации преступных деяний [9, с. 15].

Структура состава преступления, таким образом, включает четыре обязательных, взаимосвязанных элемента, каждый из которых раскрывается через систему признаков.

Объект преступления — это взятые под охрану уголовным правом общественные отношения, на которые направлено посягательство.

Деяние не может признаваться преступлением, если оно не нарушает общественных отношений или не ставит их под угрозу нарушения [5].

Объективная сторона преступления представляет собой совокупность признаков, характеризующих внешний акт конкретного общественно опасного посягательства на охраняемый объект [2].

Она включает лишь юридически значимые признаки: 1) общественно опасное действие (бездействие); 2) преступное последствие; 3) причинно-следственную связь между действием (бездействием) и преступным последствием; 4) способ; 5) обстоятельства места; 6) обстоятельства времени; 7) орудия; 8) средства [2]. Их значение в объективной стороне преступления различно, в связи с чем в теории уголовного права они подразделяются на обязательные и факультативные [2].

Для формальных составов достаточно самого деяния. К факультативным признакам, которые в конкретных составах могут становиться обязательными, относятся способ, место, время, обстановка, орудия и средства совершения преступления [2; 8, с. 32].

Субъективная сторона преступления понимается как психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления.

Она включает в себя вину, мотив и цель, отражает психологическое (т. е. по сравнению с объективной стороной — внутреннее) содержание преступления [2].

Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста, совершившее общественно опасное деяние и способное нести уголовную ответственность [2].

Под признаками состава преступления в теории понимаются конкретные, обобщённые законодателем свойства, характеризующие преступления определённого вида. Именно признаки наполняют абстрактные элементы конкретным содержанием, позволяя отграничить, например, кражу от грабежа. Они могут быть описательными, как, например, «применение насилия», или оценочными, как «существенный вред», что всегда требует активного толкования правоприменителем.

Для преодоления отмеченных теоретических и практических проблем необходима системная законодательная и правоприменительная работа. Автор решение проблемы в два этапа.

На первом этапе необходимо прямое закрепление базовых понятий в тексте Уголовного кодекса РФ [1]. Наиболее логичным и структурно оправданным видится дополнение главы 3 УК РФ «Понятие преступления и виды преступлений» новой статьёй 14.2 «Элементы состава преступления». В данной статье предлагается для закрепления в Уголовном кодексе РФ обоснованная выше последовательность и даны законодательные определения каждого элемента. А именно: объект преступления как охраняемые Кодексом общественные отношения, блага и интересы, которым причиняется вред или создаётся угроза причинения вреда; объективная сторона как внешнее проявление преступления, характеризующееся деянием, а в предусмотренных случаях — последствиями и причинной связью; субъективная сторона как внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им деянию, выражающееся в форме вины; субъект как физическое, вменяемое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста.

Учитывая, что конкретные признаки, наполняющие эти элементы, многочисленны, подвержены изменениям и требуют гибкого толкования, их детальная классификация и определение должны разъясняться высшим судебным органом. Поэтому на втором этапе автор предлагает принять отдельное Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства об элементах и признаках состава преступления».

Именно в этом документе должен быть систематизирован понятийный аппарат, дано легальное толкование всем ключевым признакам. В частности, необходимо раскрыть содержание таких понятий, как действие и бездействие, способ, место, время и обстановка совершения

преступления, а также мотив, цель, специальный субъект и многие другие. Например, под способом следует понимать совокупность приёмов и методов, использованных для совершения деяния; под местом — конкретную территорию, где оно произошло; под целью — мысленную модель будущего результата, к достижению которого стремился виновный. Такой детализированный понятийный словарь, утверждённый высшей судебной инстанцией, станет незаменимым ориентиром для правоприменителя.

Предложенная двухуровневая модель системного закрепления элементов и признаков состава преступления в законодательстве направлена на решение актуальной научной и практической проблемы.

Введение в Уголовный кодекс РФ отдельной статьи, закрепляющей базовые определения элементов состава, придаст легитимность и единообразию этой фундаментальной конструкции. Последующее детализированное толкование конкретных признаков в специальном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ создаст исчерпывающий, адаптивный и практико-ориентированный понятийный инструментарий для квалификации. Реализация этих предложений будет способствовать укреплению режима законности, обеспечению предсказуемости и единообразия судебной практики, минимизации ошибок в квалификации преступлений и, как следствие, большей защищённости прав как потерпевших, так и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026).
2. Боженок С. А. Уголовное право в вопросах и ответах / С. А. Боженок и др.: учебное пособие / отв. ред. Рагоз А. И. — Москва: Проспект, 2016. — 335 с.
3. Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 400 с.
4. Наумов А. В. Уголовная ответственность и наказание / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник: учебник для вузов. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 138 с.
5. Бастрыкин А. И. Уголовное право. Особенная часть / А. И. Бастрыкин, А. И. Чузаев: учебник для вузов. — Москва: Юрайт, 2026. — 468 с.
6. Крайнова Н. А. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Н. А. Крайнова, Н. В. Радошнова. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. — 275 с.
7. Уголовное право. Особенная часть: курс лекций. — СПб.: Изд-во СПбУМВД РФ, 2010. — 632 с.
8. Крайнова Н. А. Специфика отражения факультативных признаков состава преступления в песенном творчестве осужденных / Н. А. Крайнова, Н. В. Радошнова, В. В. Крайнов // Ученые записки юридического факультета. — 2021. — № 2. — С. 31–35.

9. Крайнова Н. А. Квалификация преступлений противличности / Н. А. Крайнова, Г. А. Дятлов: учебное пособие. — Москва: Русайнс, 2025. — 98 с.

УДК 347

Макарова О. А.,

*доктор юрид. наук,
профессор кафедры гражданского и корпоративного права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»*

КОРПОРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В представленной статье рассмотрены состояние и перспективы развития современного корпоративного законодательства. Автором проанализированы основные законодательные акты, принятые в условиях введенных экономических санкций и торговых ограничений. Определены основные черты корпоративного законодательства в условиях новой реальности, сделаны выводы о направлениях дальнейшего развития корпоративного законодательства.

Ключевые слова: корпорация, непубличное акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, корпоративное законодательство.

Makarova O. A.,

*Doctor of Law,
Professor of the Department of Civil and Corporate law
of Saint-Petersburg State University of Economics.*

CORPORATE LEGISLATION: THE STATE AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT

Abstract. The represented article deals with the mean and future development of modern corporate legislation. The author analyzes the main legislative acts adopted in the conditions of sanctions in place and trade restrictions. The main features of corporate legislation in the conditions of the new reality are determined, conclusions are drawn on the directions of further development of corporate legislation.

Keywords: corporation, non-public joint-stock company, limited liability company, corporate legislation.

Корпоративное законодательство в узком смысле представляет совокупность федеральных законов, в широком смысле — федеральных законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы

корпоративного права. Корпоративное законодательство является комплексным, поскольку включает как частноправовые, так и публично-правовые нормы различной отраслевой принадлежности [1, с. 68].

Регулирование корпоративных отношений в условиях экономических санкций. В условиях введенных экономических санкций и торговых ограничений изменилась корпоративная среда, и законодателем оперативно были приняты меры по сохранению корпоративного управления в российских корпорациях, а также по передаче корпоративного контроля от иностранных участников российскому менеджменту. После 2022 года и в течение 2023—2025 гг. корпоративное законодательство имеет экстраординарный характер, принимаемые законодательные акты направлены на сохранение управляемости корпораций, прежде всего ПАО, и тех обществ, в отношении которых действуют меры ограничительного характера, введенные ЕС и США. Так, в период с 1 марта 2025 года по 31 декабря 2025 года включительно акционерным обществам, включенным в перечень, утвержденный Правительством РФ, и (или) соответствующим критериям, определенным Правительством РФ, [2] было разрешено принимать решения общего собрания по всем вопросам (включая годовое заседание), путем проведения только заочного голосования без проведения заседания [3].

Законами были установлены новые меры в порядке образования и проведения заседаний совета директоров (наблюдательного совета) АО. В частности, в 2023, 2024 и 2025 годах в акционерном обществе общим собранием акционеров могло быть принято решение об избрании членов совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества на срок до третьего годового общего собрания акционеров с момента избрания [4].

До 1 июля 2025 года действовало «правило 5%», что означает, что право знакомиться со списком лиц, имеющих право голоса при принятии решений общими собраниями акционеров, право оспаривать сделку с заинтересованностью, право на доступ к информации, предусмотренной п. 2 и п. 3 ст. 91 акционерного закона, имеют акционеры (акционер), владеющие в совокупности не менее чем 5% голосующих акций общества. Данное правило касалось только тех АО, в отношении которых действуют меры ограничительного характера, введенные ЕС или США [5].

Многие российские акционерные общества воспользовались положениями Федерального закона от 07.10.2022 N381-ФЗ «О внесе-

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], предусматривающими возможность приобретения публичным обществом размещенных им акций на организованных торгах (buyback) для достижения определенной (определенных) цели (целей) в соответствии с программой приобретения акций, которая утверждается решением общего собрания акционеров или решением совета директоров, если данный вопрос отнесен к его компетенции уставом ПАО [7].

Федеральным законом от 04.08.2023 г. № 470-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» (далее — ФЗ № 470-ФЗ) определяются основания для приостановления осуществления корпоративных прав иностранной холдинговой компанией, а также иностранным юридическим лицом, которому прямо принадлежит не менее чем 5% голосующих акций (долей в уставном капитале) экономически значимой организации, а также порядок такого приостановления и последствия удовлетворения судом заявления о приостановлении осуществления корпоративных прав. Ограничения включают запрет на участие в собраниях акционеров и участников ООО, получение дивидендов, распределение прибыли, распоряжение акциями и долями. [8]

Федеральным законом от 04.08.2023 N452-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] определена возможность перевода в РФ владения активами иностранных компаний, редомициляция которых в порядке, установленном Федеральным законом «О международных компаниях и международных фондах», невозможна или существенно затруднена в связи с введенными санкциями. Ключевое новое положение — процедура инкорпорации иностранной компании в САР в статусе международной компании, которая значительно отличается от уже существовавшей редомициляции.

Характеристика корпоративного законодательства в современных условиях. В течение 2024—2025 гг. был принят ряд федеральных законов, направленных на решение проблем, которые давно обсуждались в теоретическом аспекте, в том числе ставились и регулятором — ЦБ РФ. Оценка принятых федеральных законов позволяет выделить основные черты, характеризующие современное состояние корпоративного законодательства.

Первая черта — гармонизация положений специальных федеральных законов о корпорациях с нормами ГК РФ. Примером такой гармонизации является вступивший с 8 августа 2024 года Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 287-ФЗ) [10]. Так, во всех федеральных законах о корпорациях использовались слова «орган управления», однако ГК РФ использует слова «орган юридического лица» (ст. 53 ГК), поэтому соответствующие изменения были внесены в закон об АО и в закон об ООО. ГК РФ ввел в оборот термин «заседание общего собрания», который также был введен в специальные законы. Вместе с тем, следует отметить, что гармонизация коснулась далеко не всех законов о корпорациях. Например, статья 14 ФЗ «О производственных кооперативах» от 08.05.1996 № 41-ФЗ (ред. от 08.04.2021) называется «Органы управления кооперативом». Кроме того, возникает вопрос в необходимости такой гармонизации, если в этом отношении приоритет имеют нормы ГК РФ.

Вторая черта — унификация регулирования правового положения АО и ООО. Так, на сегодняшний день унифицированы положения законов о порядке работы Советов директоров (наблюдательных советов) АО и ООО.

Федеральным законом от 07.07.2025 N186-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» изменены правила о преимущественном праве покупки доли (части доли) в уставном капитале ООО [11]. Если до 1 сентября 2025 года право преимущественной покупки доли (части доли) носило императивный характер, и уставом ООО можно было изменять только порядок осуществления такого права [12, с. 28–31], то новая редакция п. 4 и п. 5 ст. 21 закона об ООО допускает возможность предусмотреть уставом положение о том, что правила о преимущественном праве покупки доли или части доли в уставном капитале общества не применяются в отношении всех участников ООО, либо в отношении одного или нескольких участников общества, прямо поименованных в уставе общества (с указанием имени или наименования, иных сведений, позволяющих их идентифицировать) либо обладающих определенными признаками, например имеющих долю в уставном капитале общества не менее или не более определенного размера. Уставом ООО может предусматри-

ваться, что осуществление указанного права одним, несколькими или всеми участниками общества обусловлено наступлением или ненаступлением определенных обстоятельств, сроком либо их сочетанием. Иными словами, положения о преимущественном праве покупки доли (части доли) в уставном капитале ООО теперь имеют диспозитивный характер.

Преимущественное право приобретения акционерами непубличного АО акций, отчуждаемых по возмездным сделкам другими акционерами также является диспозитивным, и может предусматриваться или не предусматриваться уставом непубличного АО (ст. 7 Закона об АО). К слову сказать, в Пояснительной записке к проекту ФЗ «О внесении изменений в статью 21 ФЗ «Об ООО» прямо отмечалось, что «предлагаемые изменения обеспечат унификацию нормативно-правового регулирования применения преимущественного права участниками хозяйственных обществ (применительно к ООО и непубличным акционерным обществам)» [13].

Вместе с тем, следует учитывать природу общества с ограниченной ответственностью, которое занимает промежуточное место между персональным и капитальным объединением — АО. Как отмечал Конституционный суд РФ, «Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» предполагается и такая важная особенность общества с ограниченной ответственностью, как стабильный состав его участников, число которых в силу пункта 3 его статьи 7 не должно быть более 50. Это требование обусловлено тем, что в обществах с ограниченной ответственностью сочетаются личностный и материальный элементы, в связи с чем нормативно-правовое регулирование их организации и деятельности, в отличие от норм акционерного законодательства, предоставляет участникам таких хозяйственных обществ значительно более широкий выбор при определении их организационной структуры, формировании уставного капитала, установлении внутренних правил и процедур и решении других вопросов» [14].

Если допустить возможность установления в уставе ООО неприменения преимущественного права покупки доли участников, то для ООО, во-первых, повышается риск выйти за пределы количественного ограничения; во-вторых, размываются лично-доверительные отношения, присущие ООО, т. к. появляются «чужие» лица, купившие долю (часть доли) у участника ООО [15, с. 67–76].

Унификация в регулировании правового положения непублично-го АО и ООО может заключаться не в «навязывании» для ООО тех правил и процедур, которые приемлемы для непубличных АО, а в принятии единого унифицированного акта о хозяйственных обществах, который может учитывать как общие, так и специфические черты АО и ООО.

Третьей чертой современного корпоративного законодательства следует назвать возрастание роли и значения устава для непубличных АО и ООО — так называемого «уставотворчества». Изменения последних лет ярко свидетельствует об этом. Речь идет не только о возможности отказаться от преимущественного права покупки на основании устава ООО, Уставом ООО может быть регламентирован порядок выхода участника из ООО [16]. Уставом ООО может быть предусмотрено определение действительной стоимости доли или части доли в уставном капитале общества в размере рыночной стоимости такой доли или части такой доли [17]. При этом в определенных случаях (а их достаточно много) изменения в устав должны приниматься только единогласным решением участников ООО/акционеров непубличного АО. При отсутствии единогласия такое решение является ничтожным. В ряде случаев законы требуют только нотариального удостоверения принятого решения, что исключает возможность проведения заседания общего собрания путем заочного голосования. Например, факт принятия решения об избрании (назначении) единоличного исполнительного органа ООО должен быть нотариально удостоверен (ст. 40 Закона об ООО).

Четвертой чертой корпоративного законодательства является «подвижность» корпоративных прав. Корпоративные права точно определены законом: это «триада» корпоративных прав, включающая имущественные и неимущественные права: право на управление, право на получение дивидендов, право на ликвидационную квоту. Законы о корпорациях определяют порядок реализации корпоративных прав. В этом отношении корпоративное законодательство весьма формализовано. В современных условиях владельцы акций (долей) могут быть не только ограничены в реализации корпоративных прав в судебном порядке (в рамках ФЗ № 470-ФЗ). Корпоративные права акционеров могут быть приостановлены. Речь идет о так называемых «потерянных акционерах», в отношении которых при наличии установленных законом оснований возмож-

но приостановление их корпоративных прав: права на участие в управлении (приостановление направления сообщений и (или) бюллетеней для голосования) и права на получение дивидендов (приостановление выплаты дивидендов).

Новые статьи акционерного закона (ст. 52.1. и ст. 43.1. Закона об АО) определяют порядок принятия решения о приостановлении корпоративных прав «потерянных акционеров», но, к сожалению, оставляют открытым вопрос о дальнейшей судьбе акций, которыми владеют такие «потерянные акционеры».

Наконец, пятая черта корпоративного законодательства заключается в том, что оно в определенной мере подвержено влиянию цифровизации и информационных технологий. Применительно к акционерным обществам и ООО речь идет о проведениях заседаний общих собраний акционеров (участников) общества дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств — о так называемых дистанционных собраниях (или виртуальных, онлайн собраниях) [18].

В этом плане одной из общих проблем развития законодательства в целом, не только корпоративного, в условиях цифровизации является включение в законы норм, которые не являются правовыми, а имеют характер неких технических норм, технических предписаний. Применительно к заседанию общего собрания акционеров/участников с дистанционным участием в закон об АО и ООО включены некоторые термины, используемые в сфере цифровых технологий, что ставит вопрос о том, в какой мере технические термины могут быть «переведены» на язык права и закона. В качестве примера можно привести п. 5 ст. 49.1 Закона об АО и п. 10 ст. 37.1. Закона об ООО, которые предусматривают следующее: если заседание общего собрания акционеров/участников с дистанционным участием невозможно провести по причине существенных технических неполадок, возникших при использовании электронных либо иных технических средств, такое заседание признается несостоявшимся. При этом в протоколе общего собрания акционеров/участников общества указывается основание, по которому такое заседание признано несостоявшимся, а если этим основанием стали существенные технические неполадки, возникшие при использовании электронных либо иных технических средств, в протоколе общего собрания акционеров/участников общества указываются также сведения о данных

технических неполадках (п. 3 ст. 63 Закона об АО, п. 4 ст. 38.2 Закона об ООО). Остаются вопросы: кто определит характер технических неполадок, какие технические неполадки являются существенными?

Перспективы развития корпоративного законодательства. В последние несколько лет российским законодателем были созданы и закреплены меры, направленные на сохранение управляемости российских корпораций, на возвращение бизнеса в Россию. На сегодняшний день стоит задача дальнейшего совершенствования правового регулирования корпоративных отношений по следующим направлениям.

Во-первых, корпоративное законодательство должно быть стабильным, адекватно отражающим существующие корпоративные отношения. В условиях пандемии и экономических санкций выработаны инструменты и механизмы антисанкционного регулирования, которые могут быть восприняты в условиях новой реальности. В частности, представляется возможным закрепить на постоянной основе такие положения, как возможность избирать Совет директоров (наблюдательный совет) на срок до 3 лет.

В современных условиях происходит трансформация российского бизнеса в целом, традиционные институты корпоративного управления подвергаются переосмыслению и адаптации к новым реалиям. Происходят изменения в структуре акционерного капитала, меняются ключевые органы корпорации, идет поиск новых эффективных решений в сфере управления. Одним из таких решений может стать переход от классического совета директоров к консультативному совету — Advisory Board — что позволит корпорациям привлекать высококвалифицированных специалистов и использовать их экспертизу без жестких рамок классического совета директоров [19].

Во-вторых, при дальнейшей гармонизации положений специальных законов о корпорациях с нормами ГК РФ, необходимо установление четкого баланса императивного и диспозитивного регулирования, «жесткого» и «мягкого» регулирования. Говоря о «мягком» регулировании, необходима актуализация некоторых положений Кодекса корпоративного управления 2014 года, в частности, по вопросам проведения заседаний общих собраний с дистанционным участием. При этом рекомендательные положения Кодекса корпоративного управления не должны дублироваться в законодательстве и приобретать силу императивных правил.

В-третьих, российские акционерные общества выходят на IPO. Минфин ожидает, что в период 2025–2030 годов ежегодно будет проходить по 20 IPO с общей капитализацией 4,5 трлн руб. [20]. Поэтому правила регистрации выпусков ценных бумаг, раскрытия информации при IPO должны быть понятными и четкими как для самих эмитентов, так и для потенциальных инвесторов.

Корпоративное законодательство должно обеспечивать баланс интересов как различных групп акционеров/участников, так и всех заинтересованных в деятельности корпорации лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. — М.: КНОРУС, 2011. — 1120 с.
2. Об определении критериев, которым должно соответствовать акционерное общество для применения положений Федерального закона «Об акционерных обществах», связанных с принятием решений общим собранием акционеров акционерного общества, с учетом особенностей, предусмотренных статьей 36 Федерального закона от 26 декабря 2024 г. N494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 25.02.2025 N220 — <http://pravo.gov.ru>, 25.02.2025.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.12.2024 N494-ФЗ — <http://pravo.gov.ru>, 26.12.2024.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах»: Федеральный закон от 14.07.2022 N292-ФЗ (ред. от 26.12.2024) — <http://pravo.gov.ru>, 14.07.2022.
5. О внесении изменений в статьи 6 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и статью 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 14.03.2022 N55-ФЗ (последняя редакция) — <http://pravo.gov.ru>, 14.03.2022.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.10.2022 N381-ФЗ — <http://pravo.gov.ru>, 07.10.2022.
7. Обратные выкупы акций 2025 года. [Сайт]. URL: <https://AlfaBank.ru/alfa-investor/t/obratnye-vyuku>. (дата обращения: 31.01.2026).
8. Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями: Федеральный закон от 04.08.2023 N470-ФЗ (ред. от 31.07.2025) — <http://pravo.gov.ru>, 04.08.2023.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 04.08.2023 N452-ФЗ (ред. от 28.11.2025) — <http://pravo.gov.ru>, 04.08.2023.

10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 N287-ФЗ (ред. от 20.03.2025) — <http://pravo.gov.ru>, 08.08.2024.

11. О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: Федеральный закон от 07.07.2025 N186-ФЗ (ред. от 31.07.2025) — <http://pravo.gov.ru>, 07.07.2025.

12. Макарова О. А. Преимущественное право покупки доли/акций непубличной корпорации. // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2024. — № 3.

13. Паспорт проекта Федерального закона N788656–8 «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части установления особенностей реализации преимущественного права)» (внесен Правительством РФ) (подписан Президентом РФ) [Сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 31.01.2026).

14. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»» — <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2014.

15. Макарова О. А. Место обществ с ограниченной ответственностью в системе коммерческих корпораций. // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2025. — № 1.

16. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части совершенствования процедуры внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о выходе участника общества с ограниченной ответственностью из общества: Федеральный закон от 31.07.2020 N252-ФЗ — <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020.

17. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2025 N514-ФЗ — <http://pravo.gov.ru>, 28.12.2025.

18. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 08.08.2024 N287-ФЗ (ред. от 20.03.2025) — <http://pravo.gov.ru>, 08.08.2024.

19. Advisory Board — Взгляд за кулисы корпоративного управления. // [Сайт]. URL: http://www.nokc.org.ru/wp-content/uploads/2025/02/session2_ (дата обращения: 31.01.2026).

20. Минфин ожидает в год по 20 IPO компаний стоимостью 4,5 трлн рублей. // [Сайт]. URL: <http://vedomosti.ru/economics/articles/2024/08/19/...> (дата обращения: 31.01.2026).

Максина С. В.,

канд. юрид. наук,

доцент каф. теории и истории государства и права

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕНИ ОТДЫХА В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются отдельные теоретические и практические проблемы институтов рабочего времени и времени отдыха в российском трудовом праве. Анализируются возможности увеличения объема сверхурочной работы работника, введения нового вида отпуска по уходу за совершеннолетним нетрудоспособным членом семьи, а также риски, возникающие при реализации данных институтов. Предлагаются пути совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: Трудовые отношения, работник, работодатель, рабочее время, время отдыха, сверхурочная работа, отпуск без сохранения заработной платы, новации.

Maksina S. V.

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

FGBOU VO "Saint Petersburg State University of Economics"

SEPARATE PROBLEMS OF REGULATION OF WORKING HOURS AND REST TIME IN THE LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines some theoretical and practical problems of working time and rest time institutions in Russian labor law. The possibilities of increasing the amount of overtime work of an employee, the introduction of a new type of leave to care for an adult disabled family member, as well as the risks arising from the implementation of these institutions are analyzed. The ways of improving the current legislation and law enforcement practice are proposed.

Keywords: Labor relations, employee, employer, working hours, rest time, overtime, vacation without pay, innovations.

Проблема правового регулирования институтов рабочего времени и времени отдыха в трудовом праве России остается до настоящего времени весьма актуальной. Существующая нормативно-правовая

база, регламентирующая само понятие рабочего времени и времени отдыха, их отдельные виды, уже не отвечает современной действительности, требует внесения изменений в соответствии с новыми вызовами экономики, развитием информационных технологий и трансформациями рынка труда.

Существует несколько основных моментов, которые должны быть приняты во внимание законодателем. К ним, в первую очередь, следует отнести длительность рабочего времени и переработку. Одним из главных вызовов в современных реалиях является оптимальное распределение рабочего времени. Стандартная продолжительность рабочей недели установлена действующим трудовым законодательством, однако на практике многие сотрудники вынуждены перерабатывать, что негативно сказывается на их физическом и психическом состоянии. Внедрение цифровых технологий увеличивает нагрузку на работников, заставляя их находиться на связи вне установленных рабочих часов.

Требуется совершенствование правового регулирования института сверхурочной работы, количественное ограничение которой, установленное действующим законодательством, давно не соответствует реальности, демонстрирующей значительные отклонения временных показателей ее осуществления от лимитированных. Многие работники по просьбе руководства осуществляют такую работу без официального оформления и надлежащей фиксации количества отработанного времени. Данные обстоятельства приводят к негативным последствиям в виде невыплаты работнику полной компенсации за выполненный дополнительный труд, риску нарушения норм охраны труда, ухудшению здоровья работников, появлению конфликтов внутри трудового коллектива и др.

В последнее время все чаще появляются призывы к упрощению самой процедуры привлечения к сверхурочной работе и увеличению ее продолжительности. С одной стороны, институт сверхурочной работы востребован среди работников как способ получения дополнительного заработка, а установленные ограничения ее продолжительности (максимально 120 часов в год) не позволяют фиксировать и оплачивать ее выполненный объем надлежащим образом. Также расширение возможностей сверхурочной работы позволит нивелировать потребность в создании дополнительных рабочих мест в отдельных отраслях экономики нашей страны.

Увеличение количества часов возможной сверхурочной работы, несмотря на повышенную мобильность и свободу планирования времени, потребует строгого контроля со стороны уполномоченных контрольных и надзорных органов в целях усиления защиты прав работников. Принятие такого законодательного решения может содержать в себе и потенциальные риски, такие как увеличение нагрузки на работника и рост вероятности его «выгорания», повышение уровня травматизма и снижение качества работы, сложности с контролем реального времени переработки.

Представляется, что для минимизации таких негативных тенденций необходимо четкое документирование факта переработки, регулярный аудит локальных актов соответствующей организации, определяющих порядок начисления выплат за сверхурочную работу, установление жесткого механизма их расчета, усиление юридической ответственности для работодателей, использующих сомнительные схемы сокращения расходов на оплату труда.

Должен быть скорректирован порядок оплаты сверхурочной работы в сторону увеличения ее размеров при превышении действующих в настоящее время лимитов (начиная со 121 часа — в двойном размере), а также четко отражены категории работников, для которых продолжительность сверхурочной работы должна оставаться на прежнем уровне.

Увеличение количества дистанционных работников в отдельных сферах экономики РФ также требует от законодателя четкого правового регулирования режимов их труда и отдыха. Работа, осуществляемая удаленно, вызывает определенные трудности с учетом рабочего времени, так как работники самостоятельно определяют график своей трудовой деятельности. Следовательно, представляется необходимым разработка специального режима фиксации рабочего времени, предоставления компенсации за превышение его норм и переход к цифровым технологиям такого учета.

В настоящее время назрела необходимость расширения видов времени отдыха в действующем трудовом законодательстве нашей страны. Так, в качестве дополнения к перечисленным в разделе V Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ)[1] видам времени отдыха, в связи с сохраняющейся устойчивой тенденцией к старению населения страны и увеличению числа граждан, нуждающихся в постороннем уходе в связи с состоянием здоровья или

достижением преклонного возраста, представляется необходимым решить вопрос о законодательной регламентации специального отпуска, предоставляемого работнику по уходу за совершеннолетним нетрудоспособным членом семьи.

Действующее трудовое законодательство РФ не содержит специальных норм, предоставляющих работающим гражданам гарантии для совмещения трудовой деятельности с осуществлением ухода за больными родственниками. В настоящее время работники вынуждены либо использовать ежегодный оплачиваемый отпуск для целей ухода, либо увольняться. В статье 128 ТК РФ указывается на возможность использования отпуска без сохранения заработной платы, однако указанная норма носит общий характер, не учитывает специфику соответствующих жизненных обстоятельств, не включает рассматриваемую категорию в перечень работников, которым работодатель обязан на основании письменного заявления предоставить отпуск без сохранения заработной платы. Складывающаяся ситуация в рассматриваемой сфере создает правовую неопределенность, приводит к ухудшению материального положения семей, повышению социальной напряженности в обществе и не соответствует в полной мере конституционным принципам защиты семьи, материнства и детства, а также государственной поддержки инвалидов и пожилых граждан, закрепленных в статьях 7 и 38 Конституции Российской Федерации [2].

Полагаем, что трудовое законодательство должно соответствовать требованиям времени, незамедлительно реагировать на изменения в общественной жизни, поддерживать баланс интересов сторон трудового договора, а рассматриваемые его возможные новации станут залогом стабильного развития экономики страны и благополучия общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

Максина С. В.,

канд. юрид. наук,

доцент каф. теории и истории государства и права

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Фоника А. С.,

студент факультета экономики, финансов и информационных технологий

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические проблемы наследственного договора в российском праве. Анализируются противоречия его правовой природы, несоответствие законодательной модели потребностям участников гражданского оборота, а также риски, возникающие при реализации данного института. На основе сравнительного анализа с зарубежными правовыми порядками предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Особое внимание уделяется роли судов и нотариата в формировании стабильного правового регулирования наследственного договора.

Ключевые слова: Наследственный договор, завещание, обязательная доля, свобода распоряжения, приобретатель, злонамеренное дарение, нотариальная практика, судебное толкование, сравнительное правоведение

Maksina S. V.

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

FGBOU VO "Saint Petersburg State University of Economics"

Fonika A. S.

Student of the Faculty of Economics, Finance, and Information Technology

FGBOU VO "Saint Petersburg State University of Economics"

INHERITANCE CONTRACT IN RUSSIAN LAW: SELECTED THEORETICAL ISSUES AND PRACTICAL PROSPECTS

Abstract. The article examines theoretical and practical issues of inheritance contracts in Russian law. It analyses contradictions in their legal nature, the inconsistency of the legislative model with the needs of participants in civil transactions, and the risks arising from the implementation of this institution. Based on a comparative analysis with foreign legal systems, ways to improve legislation and law enforcement practice are proposed. Particular attention is paid to the role of courts and notaries in the formation of stable legal regulation of inheritance contracts.

Keywords: Inheritance contract, will, compulsory share, freedom of disposal, acquisition, malicious gift, notarial practice, judicial interpretation, comparative law.

Институционализация наследственного договора (ст. 1140.1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)) стала одним из наиболее дискуссионных нововведений в российском гражданском праве последних лет. Представляя собой синтез договорной модели и завещательного распоряжения, данный инструмент был призван удовлетворить потребности в детальном, взаимно обязывающем планировании наследственного правопреемства. Однако воплощение данной идеи в нормах ГК РФ выявило глубокий внутренний диссонанс.

Наследственный договор в России оказался де-факто лишенным своей основной «договорной» составляющей, оставаясь связанным лишь в части возложения обязанностей на приобретателя, но не в части обеспечения ему встречного предоставления.

Появление данного института предопределило значительное количество проблем в практике его реализации, разрешение которых необходимо в ближайшем будущем.

Первоначально следует указать на проблему двойственной природы наследственного договора и ее практическое отрицание. Так, теоретической основой классического наследственного договора является его биполярность: это одновременно соглашение, порождающее обязательства при жизни сторон, и безотзывное распоряжение на случай смерти. Российская же конструкция представляет собой скорее прототип особого «завещания» с возможностью возмещения убытков. Пункт 1 ст. 1118 ГК РФ отсылает к правилам о завещании, не определяя четко, какие именно нормы договорного права подлежат применению. Это создает правовую неопределенность: является ли нарушение наследодателем духа договора (например, распоряжение предметом соглашения) лишь реализацией его правомочия собственника или же должно влечь последствия, характерные для недобросовестного поведения в обязательственных отношениях.

Представляется, что возможным способом решения данной проблемы является легальное закрепление принципа связанности наследодателя своими договорными распоряжениями (назначением наследника, установлением легата) с определением исчерпывающего перечня оснований для их отмены (соглашение сторон, существенное нарушение со стороны приобретателя, решение суда). До внесения соответствующих изменений в законодательство суды, опираясь на принципы добросовестности (ст. 1 ГК РФ) и запрета злоупотре-

бления правом (ст. 10 ГК РФ), могут выработать подход, согласно которому систематические действия наследодателя, направленные на полное обесценивание договора для приобретателя (например, последовательное отчуждение всего имущества, составлявшего предмет наследственного договора), рассматриваются как основание для взыскания компенсации, эквивалентной не реальному ущербу, а стоимости утраченного наследственного актива.

Требует скорейшего разрешения и проблема абсолютной свободы распоряжения имуществом наследодателя. Положения нормы, закрепленной в п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, гарантирующей наследодателю неограниченное право прижизненного распоряжения своим имуществом, являются системоразрушающей для договорной конструкции. Она юридически легитимизирует ситуацию, при которой основное исполнение по договору (переход имущества) может быть односторонне изъято из сферы его действия, в то время как встречное исполнение (обязанности приобретателя) продолжает действовать. Это превращает договор в крайне рисковую сделку для приобретателя и стимулирует недобросовестное поведение со стороны наследодателя.

В качестве возможного выхода из сложившейся ситуации видится рецепция существующих зарубежных механизмов в рассматриваемой сфере. Эффективным представляется, например, заимствование германского института защиты от злонамеренного дарения (§ 2287 BGB). Его суть в предоставлении приобретателю по договору права после открытия наследства истребовать от одаряемого имущество, переданное ему наследодателем в ущерб договору, либо компенсации его стоимости в рамках исполнения легата [2, с. 118]. Также необходимо развитие имеющейся договорной практики, согласно которой стороны, не ограничивая свободу распоряжения напрямую (что ничтожно), могут заключить сопутствующий договор о воздержании от определенных действий с установлением значительной заранее оцененной неустойки на случай его нарушения. Хотя такая неустойка может быть уменьшена судом (ст. 333 ГК РФ), ее наличие служит серьезным психологическим и экономическим сдерживающим фактором.

Не решена до настоящего времени проблема коллизии института наследственного договора с императивными нормами о наследовании. В современных реалиях на практике действие наследственного договора парализуется двумя внешними, неподконтрольными приобретателю

факторами. К первому следует отнести право на обязательную долю (ст. 1149 ГК РФ). Приобретатель, исполнивший все договорные обязанности, может получить имущество в объеме, значительно меньшем ожидаемого, если будут выявлены неизвестные ему обязательные наследники. Это дестимулирует заключение долгосрочных договоров, связанных со значительными затратами. В качестве второго фактора выступает ответственность по долгам наследодателя (ст. 1175 ГК РФ). Отсутствие у приобретателя легального механизма для проверки потенциальной долговой нагрузки наследодателя на этапе заключения договора делает его положение крайне уязвимым.

Для защиты прав приобретателя по наследственному договору по аналогии с австрийским правом (§ 1253 ABGB) возможно законодательно установить, что предметом наследственного договора может выступать лишь определенная часть наследственной массы (например, 3/4), что заранее резервирует долю для удовлетворения требований обязательных наследников и повышает предсказуемость [2, с. 111].

Следует также закрепить за нотариусом обязанность не просто удостоверить соответствующую сделку, а проводить расширенную консультацию, включающую разъяснение рисков, связанных с обязательной долей, и рекомендацию сторонам получить актуальные сведения о возможных иждивенцах и долговых обязательствах через соответствующие запросы.

Законодатель оставил без ответа ключевые вопросы, возникающие в процессе исполнения и прекращения наследственного договора, а именно:

- о последствиях неисполнения приобретателем прижизненных обязанностей, не оразив будет ли это являться основанием для одностороннего расторжения договора наследодателем или лишь для взыскания убытков;
- не разрешенной является ситуация при отказе одного из нескольких сособственников по договору, если их обязанности были взаимосвязаны;
- не определен приоритет между наследственным договором и последующим завещанием, так как действующая норма, закрепленная в п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ регулирует лишь частный случай с совместным завещанием супругов.

До момента законодательного урегулирования данных вопросов, значение будет иметь формирование прецедентной практики. Пред-

ставляется, что Верховному Суду РФ предстоит дать толкование, аналогичное положению § 2295 BGB, признав злостное неисполнение прижизненных обязанностей основанием для лишения права на наследство как недостойного по правилам ст. 1117 ГК РФ (путем расширительного толкования п. 2 указанной статьи) [2, 120]. В отсутствие прямой нормы суды, руководствуясь логикой п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ (приоритет более раннего договора) и учитывая связывающий характер договорных отношений, вероятнее всего на практике будут исходить из превалирования наследственного договора над противоречащим ему завещанием.

Сложившаяся ситуация предопределяет, что в среднесрочной перспективе именно правоприменительная практика станет основным драйвером развития института наследственного договора. Можно прогнозировать возможные следующие тенденции:

- в условиях пробелов в действующем законодательстве применительно рассматриваемого института на первый план выйдет активная роль судебного толкования. Суды общей юрисдикции, столкнувшись с первыми резонансными спорами, будут вынуждены выполнять правотворческую функцию. Основным инструментом станет применение общих принципов гражданского права (добросовестность, недопустимость извлечения преимущества из своего незаконного поведения) к специфическим отношениям по наследственному договору. Ключевой задачей будет поиск баланса: как, не нарушая формальной свободы распоряжения наследодателя, защитить разумные ожидания и имущественные вложения добросовестного приобретателя. Первые же решения высших судов по данным вопросам станут ориентирами для всей последующей практики;
- трансформация нотариальной функции от удостоверительной к предупредительно-консультационной. Нотариальная практика должна эволюционировать в сторону глубокого ситуационного анализа. Нотариус, удостоверяющий наследственный договор, будет нести повышенную ответственность за разъяснение его алеаторной природы. Процедурный протокол удостоверения должен фиксировать не только факт ознакомления со статьями закона, но и понимание сторонами конкретных

рисков: вероятности уменьшения наследственной массы, существования скрытых обязательных наследников, перехода долгов. Это позволит минимизировать количество споров, основанных на заблуждении;

- стихийная рецепция и адаптация зарубежных правовых конструкций. Правоприменители, стремясь найти справедливое решение, вероятно будут обращаться к более разработанным иностранным моделям. Механизмы, подобные защите от злонамеренного дарения (§ 2287 BGB) или специальным основаниям отказа от договора при неисполнении встречного предоставления (§ 2295 BGB) [2, 121], могут быть воспроизведены в российской практике через аналогию права (ст. 6 ГК РФ), когда суд, при отсутствии прямого регулирования, будет исходить из общих начал, смысла гражданского законодательства и требований добросовестности и расширительное толкование существующих норм (например, о существенном изменении обстоятельств в п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ или о злоупотреблении правом в ст. 10 ГК РФ);
- дифференциация практики в зависимости от предмета договора. Наиболее востребованным и, одновременно, сложным станет применение наследственного договора в корпоративной сфере (например, для передачи долей в ООО, акций). Здесь риски максимальны, но и потребность в стабильности планирования крайне высока. По всей видимости, именно в этой области сначала появятся сложные комплексные договоры, включающие сопутствующие соглашения (о доверительном управлении, о голосовании), а судебная практика выработает специальные подходы, возможно, с учетом корпоративного законодательства.

Таким образом, наследственный договор в российском праве находится на начальной стадии своего становления, характеризуемой острым конфликтом между заявленной договорной природой и сохраняющимся доминированием односторонней завещательной логики. Преодоление этого конфликта является центральной теоретической и практической задачей. Наследственный договор может реализовать свой потенциал как эффективный инструмент планирования не благодаря, а вопреки его текущей законодательной редакции, через постепенную судебную и нотариальную «достройку»

недостающих гарантий и процедур. Только в этом случае он превратится в полноценный, надежный и востребованный элемент системы гражданско-правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: текст с изм. и доп. на 08.08.2024 — КонсультантПлюс: офиц. сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/a21db252d0232406cb40f640d561e48a6376a8bd/.

2. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 2. — С. 105–129.

3. Сосипатрова Н. Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 30–38.

4. Холкина М. Г. Наследственный договор в российском праве: проблемы теории и правоприменения // Вестник Удм. ун-та. — Сер. Экономика и право. — 2025. — Т. 35, вып. 5. — С. 953–960.

5. Демьяненко Е. В., Шпак А. В. Наследственный договор: понятие, особенности // Юрист-Правоведь. — 2022. — № 3 (102). — С. 100–103.

УДК 347.91/95

Новикова И. Ф.,

*ст. преподаватель каф. истории культуры, государства и права
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)»*

К ВОПРОСУ ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ И КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы обжалования решений по гражданским делам в апелляционном и кассационном порядке. Анализируются ряд норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, указывается на необходимость внесения изменений в действующее гражданское процессуальное законодательство. Исследуются отдельные положения подготовленного Верховным Судом Российской Федерации законопроекта «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации». Предлагаются пути совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: решения по гражданским делам, суд первой инстанции, суд апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции, кассационный суд общей юрисдикции.

Novikova I. F.,

*Senior lecturer at the Department of Cultural History, State and Law
of the Federal State Educational Institution of Higher Education
St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V. I. Ulyanov (Lenin)*

ON THE ISSUE OF APPEALING DECISIONS IN CIVIL CASES ON APPEAL AND CASSATION

Abstract. The article discusses some issues of appealing decisions in civil cases on appeal and cassation. A number of norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation are analyzed, and the need for amendments to the current civil procedure legislation is pointed out. The article examines certain provisions of the draft law "On Amendments to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation" prepared by the Supreme Court of the Russian Federation. The ways of improving the current legislation and law enforcement practice are proposed.

Keywords: decisions on civil cases, court of first instance, court of appeal, court of cassation, court of cassation of general jurisdiction.

Гарантированное Конституцией Российской Федерации [1] право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого. Обращаясь в суд с требованием о защите нарушенного права, заинтересованное лицо инициирует возбуждение гражданского дела, результатом рассмотрения которого является судебное постановление.

К судебному постановлению суда первой инстанции, разрешившему спор по существу, именуемому решением, действующее гражданское процессуальное законодательство предъявляет два основных требования. Согласно ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) решение должно быть законным и обоснованным [2].

Реализация конституционного права на судебную защиту помимо обращения в суд первой инстанции с требованием о защите нарушенного права включает в себя и право обжалования постановленных судом первой инстанции актов в вышестоящие суды. Проверка законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений судов, принятых по первой инстанции, осуществляется судами апелляционной инстанции, исчерпывающий перечень которых поименован в ст. 320.1 ГПК РФ.

Большинство дел в апелляционном порядке рассматривается коллегиально, за исключением отдельно указанных в законе случаев еди-

ноличного рассмотрения судьями соответствующих районных судов жалоб на судебные постановления, вынесенные мировыми судьями.

Действующим гражданско-процессуальным законодательством жестко регламентирован срок подачи апелляционных жалоб, которые могут быть поданы в течение месяца со дня принятия решения суда в окончательной форме. Следует отметить, что в настоящее время из указанного императивного правила есть исключение, которое касается решений, принятых мировыми судьями. В соответствии с положениями ст. 199 ГПК РФ в случае объявления мировым судьей резолютивной части, мотивированное решение им может не составляться. Однако мотивированное решение все же составляется, если от участвующих в деле лиц поступило заявление с просьбой об этом. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [3] указаны четкие критерии определения начала течения срока на подачу апелляционной жалобы и его окончания, в том числе применительно к указанной выше особенности составления решений мировыми судьями.

Представляется необходимым обратить внимание на то, что с 01 января 2026 г. [4] изменился порядок подачи апелляционных жалоб. В случае, если срок подачи апелляционной жалобы не истек, то апелляционная жалоба подается через суд, принявший решение. При истечении же срока подачи апелляционной жалобы указанную жалобу в настоящее время следует подавать непосредственно в суд апелляционной инстанции с заявлением о восстановлении пропущенного процессуального срока подачи апелляционной жалобы и документами, подтверждающими уважительность причин пропуска установленного законом срока. Новацией являются положения ст. 321 ГПК РФ, согласно которым жестко регламентированы достаточно короткие по современным реалиям сроки рассмотрения судьей суда апелляционной инстанции такого заявления (пять дней со дня его поступления) и указание на его рассмотрение без проведения судебного заседания и без извещения участвующих в деле лиц. В компетенцию суда в таком случае входит принятие решения в форме определения о восстановлении пропущенного процессуального срока либо об отказе в этом, что, в свою очередь, может быть обжаловано в кассационный суд общей юрисдикции.

Указанные новеллы свидетельствуют об окончательном отказе федерального законодателя от существовавшего ранее порядка, при котором вопрос о восстановлении процессуального срока был отнесен к компетенции суда первой инстанции, а его определения об отказе в восстановлении срока, обжалованные путем подачи частной жалобы, становились самостоятельным предметом проверки в суде апелляционной инстанции.

Кроме того, с 01 января 2026 года вопросы оставления апелляционных жалоб без движения и возвращения апелляционных жалоб разрешаются судьями судов апелляционной инстанции путем вынесения соответствующих определений. При этом определение об оставлении апелляционной жалобы без движения обжалованию не подлежит, а определение о возвращении апелляционной жалобы может быть обжаловано в кассационный суд общей юрисдикции в течение одного месяца со дня его вынесения.

Предоставление судьям суда апелляционной инстанции указанных полномочий имеет большое значение. Во-первых, указанные нововведения лишают заинтересованных лиц возможности подать в суд, вынесший решение по первой инстанции, «кратких», «предварительных», «немотивированных» и других подобных жалоб, которые представлялись в суд первой инстанции до составления судом мотивированного решения. Во-вторых, эти новеллы направлены на сокращение сроков судебного разбирательства.

Суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ. Установив пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции доводами, изложенными в апелляционной жалобе и возражениях относительно жалобы, законодатель обязывает суд апелляционной инстанции проверить, не допустил ли суд первой инстанции нарушений норм процессуального права, которые в силу закона являются безусловными основаниями для отмены решения суда первой инстанции.

В статье 330 ГПК РФ содержится исчерпывающий перечень оснований для отмены решения суда в апелляционном порядке. Однако суд апелляционной инстанции, отменивший решение суда первой инстанции полностью или в части, лишен право направить дело на но-

вое рассмотрение. Апелляционное определение суда апелляционной инстанции вступает в законную силу со дня его принятия.

Вступившие в законную силу решения суда первой инстанции могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции. На сегодняшний день в России действует двухуровневая система судов кассационной инстанции: девять кассационных судов общей юрисдикции и судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, представляющая более высокий уровень.

Возможность обращения в суд кассационной инстанции с кассационной жалобой на конкретное решение суда законодатель связал с условием обязательного обжалования этого решения в суд апелляционной инстанции. Таким образом, лицо, обратившееся за судебной защитой, имеет не только право, но и обязано последовательно отстаивать свою позицию в судах различных инстанций. Указанное положение в полной мере отвечает такой задаче гражданского судопроизводства как формирование уважительного отношения к закону и суду.

В кассационный суд общей юрисдикции может быть подана кассационная жалоба на вступившие в законную силу судебные постановления, перечисленные в ч. 2 ст. 377 ГПК РФ, в том числе на решения мировых судей и районных судов.

Кассационная жалоба подается в кассационный суд общей юрисдикции через суд первой инстанции в течение трех месяцев со дня вступления его в законную силу. Следует обратить внимание на то, что с 01 сентября 2024 года [5] указанный срок исчисляется со дня изготовления мотивированного апелляционного определения. В случае пропуска процессуального срока подачи кассационной жалобы заявление о его восстановлении с кассационной жалобой и документами, подтверждающими причины пропуска, подается в кассационный суд общей юрисдикции, и рассматривается судьей без проведения судебного заседания и извещения участвующих в деле лиц. Пропущенный срок может быть восстановлен лишь в исключительных случаях при одновременном соблюдении двух условий. Во-первых, причины пропуска срока признаны судом уважительными, поскольку документально подтвержденные обстоятельства лишили заинтересованное лицо возможности подать кассационную жалобу. Во-вторых, обстоятельства, например, тяжелая болезнь, имели место в период не позднее

одного года со дня вступления обжалуемого судебного решения в законную силу.

Предоставив судье кассационного суда общей юрисдикции исключительное право решать вопрос о принятии кассационной жалобы к производству суда, законодатель наделил заинтересованное лицо правом подать жалобу на определение о восстановлении пропущенного срока или об отказе в его восстановлении, на определение об оставлении кассационной жалобы без движения или о возвращении кассационной жалобы. Любое из указанных определений может быть обжаловано в суд кассационной инстанции, вынесший такое определение, в течение месяца со дня вынесения.

Гражданские дела в кассационном суде общей юрисдикции по общему правилу рассматриваются коллегиально в судебном заседании. Исключение, в частности, составляют дела, по которым решения мировых судей являлись предметом проверки районных судов. Кассационный суд общей юрисдикции рассматривает дело по правилам рассмотрения дела судом первой инстанции с особенностями, установленными параграфом 1 гл. 41 ГПК РФ, и в пределах доводов кассационной жалобы проверяет только законность вступивших в законную силу судебных постановлений, принятых судами первой и апелляционной инстанций. При этом независимо от доводов жалобы кассационный суд общей юрисдикции обязан проверить, не нарушены ли судами первой и апелляционной инстанций нормы процессуального права, исчерпывающий перечень которых указан в ч. 4 ст. 379.7 ГПК РФ, так как любое такое нарушение служит основанием для отмены судебных постановлений в кассационном порядке.

Поскольку суд кассационной инстанции проверяет лишь законность вступивших в законную силу судебных актов, то среди оснований для отмены или изменения судебных постановлений отсутствуют такие основания как неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, и недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела. Более того, суд кассационной инстанции не вправе принимать новые доказательства, устанавливая или считая доказанными обстоятельства, которые не были установлены или были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции.

Полномочия кассационного суда общей юрисдикции исчерпывающим образом регламентированы ст. 390 ГПК РФ и включают в себя право как оставить в силе вступившее в законную силу решение суда, так и отменить постановления первой и апелляционной инстанций и направить дело на новое рассмотрение в соответствующий суд. Определение кассационного суда общей юрисдикции вступает в законную силу со дня его принятия.

Действующее гражданское процессуальное законодательство регламентирует, что в судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации могут быть поданы кассационные жалобы на вступившие в законную силу судебные постановления, исчерпывающий перечень которых указан в ч. 2 ст. 390.4 ГПК РФ. Таким образом, на сегодняшний день решение мирового судьи, последовательно обжалованное в районный суд и кассационный суд общей юрисдикции, но оставленное без изменений судом апелляционной инстанции и кассационным судом общей юрисдикции, не может быть предметом рассмотрения в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Указанное положение не противоречит ст. 19.1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [6], согласно которой кассационный суд общей юрисдикции является вышестоящей судебной инстанцией по отношению к действующим на территории соответствующего судебного кассационного округа федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям. Вместе с тем полагаем, что в совокупности со ст. 391.1 ГПК РФ, определившей перечень вступивших в законную силу судебных постановлений, которые могут быть пересмотрены в порядке надзора, указанное положение ограничивает конституционное право на судебную защиту в части обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений в связи с чем подлежит изменению.

Кассационная жалоба с заверенными соответствующим судом копиями принятых по делу судебных постановлений подается непосредственно в судебную коллегия Верховного Суда РФ в срок, не более трех месяцев со дня вынесения определения кассационным судом общей юрисдикции, рассмотревшим по существу кассационную жалобу.

Рассмотрение заявления о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы отнесено к исключительным

полномочиям судьи судебной коллегии, который может вынести определение о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы или об отказе в его восстановлении. Следует обратить внимание на то, что Председатель Верховного Суда РФ, заместитель Председателя Верховного Суда РФ вправе не согласиться с определением судьи судебной коллегии Верховного Суда РФ и вынести определение об отказе в восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы или о его восстановлении. Поскольку действующее законодательство не устанавливает какого-либо конкретного срока для обращения заинтересованного лица к Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю, полагаем, что такое обращение должно быть подано в кратчайшие сроки после получения соответствующего определения судьи судебной коллегии.

Согласно ст. 390.7 ГПК РФ судья судебной коллегии Верховного Суда РФ изучает кассационную жалобу по приложенным к ней материалам или по материалам истребованного из суда первой инстанции дела, если заинтересованное лицо ходатайствовало об истребовании дела и о приостановлении исполнения решения суда до окончания производства в суде кассационной инстанции.

По результатам изучения кассационной жалобы судья выносит определение о передаче кассационной жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции или об отказе в принятии такого решения, с которым вправе не согласиться Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель и до истечения срока подачи кассационной жалобы на обжалуемый судебный акт вынести определение о его отмене.

Кассационная жалоба с делом рассматриваются судебной коллегией Верховного Суда РФ в судебном заседании. Судебная коллегия проверяет законность судебных постановлений, принятых судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, и в пределах доводов кассационной жалобы устанавливает правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права при рассмотрении дела и принятии обжалуемого судебного акта.

Согласно ст. 390.14 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда РФ судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, по-

вливающие на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Исчерпывающий перечень полномочий судебной коллегии Верховного Суда РФ указан в ст. 390.15 ГПК РФ. Вынесенное по результатам рассмотрения кассационной жалобы определение судебной коллегии Верховного Суда РФ вступает в законную силу со дня его вынесения.

Следует отметить, что в один судебный кассационный округ входят территории нескольких субъектов, в том числе расположенные в разных федеральных округах, например, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции, осуществляет пересмотр судебных актов, принятых судами Уральского федерального округа и судами Пермского края, который относится к Приволжскому федеральному округу. Таким образом, местоположение кассационного суда общей юрисдикции, как правило, находится на значительном территориальном удалении от места расположения суда, разрешившего спор, по существу, и от суда апелляционной инстанции. При таком положении, во-первых, участники процесса по различным причинам не могут лично присутствовать в судебном заседании кассационного суда общей юрисдикции, во-вторых, значительно возрастают судебные издержки.

Верховным Судом РФ инициированы изменения действующего процессуального законодательства [7] в части порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных актов мировых судей и апелляционных актов районных судов таким образом, чтобы эти судебные постановления пересматривались не кассационными судами общей юрисдикции, а верховными судами республик, краевыми, областными судами, судами городов федерального значения, судом автономной области, судами автономного округа (в дальнейшем суд субъекта) и их президиумами. Представляется, что внесение таких изменений повысит уровень доступности правосудия для граждан, которые смогут лично принимать участие в заседании суда кассационной инстанции, расположенного в административном центре того субъекта Российской Федерации, в котором проживают участники процесса, что, в свою очередь, позволит сократить судебные издержки, возмещаемые за счет средств федерального бюджета, а также уменьшит нагрузку судей кассационных судов общей юрисдикции.

Несмотря на то, что законопроект еще рассматривается Федеральным Собранием, следует необходимым охарактеризовать его основные положения.

Согласно законопроекту, кассационные жалобы на вступившие в законную силу решения мировых судей, апелляционные определения районных судов, вынесенные по результатам обжалования решений мировых судей, могут быть поданы в президиум суда субъекта через суд первой инстанции в течение трех месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного постановления. Более того, обжалование решения мирового судьи в суд апелляционной инстанции остается для заинтересованных лиц обязанностью и служит условием для обращения в суд кассационной инстанции.

Законопроект, в частности, предусматривает, что кассационная жалоба, поступившая из суда первой инстанции вместе с делом, изучается судьей суда субъекта, по результатам рассмотрения которой судья вправе вынести определение об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании президиума суда субъекта, если отсутствуют основания для пересмотра судебных постановлений в кассационном порядке, или определение о передаче кассационной жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании президиума суда субъекта. Изложенный в законопроекте выборочный характер проверки президиумом законности вступивших в законную силу судебных актов согласуется с принципом процессуальной экономии, целью которой является эффективное использование средств процессуальной защиты, сокращение временных и трудовых ресурсов при сохранении уровня процессуальных гарантий.

Законопроект сохраняет двухуровневую кассацию и возможность обращения в Верховный суд РФ, определяя, что постановление президиума суда субъекта, вступившее в законную силу со дня его принятия, может быть обжаловано в судебную коллегия Верховного Суда РФ.

Вместе с тем представляется, что отсутствие в законопроекте положения о возможности обжалования определения судьи об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании президиума суда субъекта может явиться барьером для полной реализации конституционного права на судебную защиту, что, в свою очередь, будет служить основанием для дальнейшего реформирования судебной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 ноября 2002 г. N138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025).
3. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 № 16.
4. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 01 апреля 2025 г. № 49-ФЗ.
5. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2024 г. № 135-ФЗ.
6. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.25).
7. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 2026 г. № 2.

УДК 341

Поцелуев Е. Л.,

канд. ист. наук, доцент, заведующий каф.

теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,

почетный работник сферы образования Российской Федерации

НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье даны определение международной ответственности, классификация международно-правовой ответственности государств на материальную и нематериальную, охарактеризованы формы последней: ресторация, сатисфакция (выражение сожаления, публичное извинение, наказание виновных, оказание особых почестей пострадавшему государству и др.), чрезвычайные сатисфакции и их выражения (временная оккупация, ограничение суверенитета и др.), репрессалии (ответные насильственные действия со стороны затронутого государства), гарантии не повторения, декларативные решения, а также международно-правовые санкции.

Ключевые слова: международно-противоправные деяния, международные правонарушения, международные преступления, международная ответственность,

материальная ответственность государств, нематериальная ответственность государств, ресторация, сатисфакция, чрезвычайные сатисфакции, репрессалии, санкционная ответственность в международном праве.

Potseluev E. L.,

Candidate of Science (History),

Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law,

Constitutional Law and Human Rights Department

FGBOU VO «Ivanovo State University»,

Honoured Worker of Education of the Russian Federation

INTANGIBLE LIABILITY OF STATES FOR VIOLATION OF THE RULES OF MODERN INTERNATIONAL LAW

Abstract. The article provides a definition of international responsibility, a classification of international legal responsibility of states into material and non-material, and characterizes the forms of the latter: restorative relief, satisfaction (expression of regret, public apology, punishment of the guilty, rendering special honors to the affected state, etc.), extraordinary satisfaction and its expressions (temporary occupation, limitation of sovereignty, etc.), reprisals (retaliatory violent actions on the part of the affected state), guarantees of non-repetition, declaratory decisions, as well as international legal sanctions.

Keywords: internationally wrongful acts, international offences, international crimes, international responsibility, material liability of states, non-material liability of states, restorative measures, satisfaction, extraordinary satisfaction, reprisals, sanctions liability in international law.

По мнению большинства ученых, современное международное право, в том числе международное уголовное право сформировалось после окончания Второй мировой войны. Аргументы — принятие Устава Организации Объединенных Наций (ООН), Уставов международных военных трибуналов (МВТ) — Нюрнбергского (Международный военный Трибунал для суда и наказания главных военных преступников стран оси) (8 августа 1945 г.) и Токийского (Международный военный Трибунал для суда и наказания главных японских военных преступников 1946 г.) и других международных документов.

«Международная ответственность — это юридические последствия, наступающие для государства нарушившего нормы международного права, и одна из юридических гарантий обеспечения соблюдения этих норм и возмещения нанесенного ущерба» [7, с. 234]. Такое определение дает в своей монографии доктор юридических наук, профессор, полковник, заслуженный юрист РФ И. И. Котляров (1942–2022) в 2003 году.

В 2004 году кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ П. В. Савоськов дает похожее определение данного института: «это юридические последствия, наступающие для субъекта МП в результате нарушения им международно-правового обязательства» [12, с. 255]. Термин обязательство больше ассоциируется с гражданским правом, но государства, ратифицируя международные договоры, к примеру, Женевские конвенции 1949 года и протоколы к ним 1977 года, тем самым берут на себя определенные обязательства: не убивать некомбатантов, не пытаться кого-либо и т. п.

Два вида международно-правовой ответственности. «Выделяют два вида международно-правовой ответственности: материальная и нематериальная (политическая). Материальная ответственность возникает при наличии совокупности факторов: нарушения нормы международного права, возникновения материального ущерба в результате правонарушения и наличия непосредственной причинной связи между правонарушением и ущербом.

Материальная ответственность выражается в форме реституций, субституций, компенсаций. Для определения формы имеет значение выбор потерпевшего государства.

Нематериальная или политическая международно-правовая ответственность может выражаться в форме сатисфакции, гарантий неповторения, декларативных решений», — пишет кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета М. В. Кешнер [6, с. 91]. Кандидат юридических наук П. Н. Бирюков (на 1966 год), доцент Воронежского государственного университета к нематериальной ответственности относит ресторации, сатисфакции, ограничение суверенитета и декларативные решения [1, с. 96].

Политическая ответственность. В российской науке международного права принято считать, что она «возникает из самого факта нарушения нормы, охраняющей интересы другого государства. Эта ответственность возникает, если даже правонарушение не повлекло имущественного ущерба или иных видимых негативных последствий. Политическая ответственность проявляется в таких формах, как сатисфакция и репрессалии (ответные насильственные действия со стороны затронутого государства). Действия по индивидуальной и коллективной самообороне отнесены к репрессалиям», — разъясняет

кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО (Университет) МИД РФ П. В. Савоськов [12, с. 271].

«Международные преступления влекут политическую ответственность государства — делинквента в форме коллективных санкций, которые согласно Устава ООН, могут предприниматься на основании решений Совета Безопасности в отношении государств, действия которых представляют угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии» [12, с. 271].

«*Ресторация* представляет собой восстановление правонарушителем прежнего состояния и несения им всех неблагоприятных последствий этого (например, освобождение незаконно занятой территории и несение связанных с этим имущественных расходов», — разъясняет П. Н. Бирюков [1, с. 96]. Если речь идет об имущественных расходах, то они явно носят материальный характер.

«**Сатисфакция** выражается в том, что государство-нарушитель предоставляет удовлетворение пострадавшему государству: выражение сожаления или наказания виновных, например, за незначительные нарушения международного гуманитарного права. Сатисфакции в этой отрасли права встречаются сравнительно редко», — утверждает профессор И. И. Котляров [7, с. 251]. П. Н. Бирюков конкретнее формулирует суть данного феномена: «*Сатисфакция* предполагает удовлетворение правонарушителем нематериальных требований, заглаживание нематериального (морального) ущерба. Это могут быть официальные выражения сожаления и сочувствия, оказание почестей флагу потерпевшего государства, исполнение гимна государства в торжественной обстановке, принесение извинений, официальное признание факта правонарушения и т. д. Сатисфакция, как правило, сопровождается действиями, осуществляемые в порядке ресторации» [1, с. 96].

На самом деле видов сатисфакций несколько больше: 1) выражение сожаления; 2) публичное извинение; 3) наказание виновных; 4) оказание особых почестей пострадавшему государству и др. Их применение зависит от причиненного вреда и конкретной политической ситуации [5, с. 291].

В качестве примера сатисфакции ученые приводят «принесенные Россией извинения Грузии за то, что в период вооруженного конфликта в Чечне 9 июля 1999 г. на грузинскую территорию с воздуха были ошибочно сброшены противопехотные мины» [7, с. 251].

«**Чрезвычайные сатисфакции** — это временное ограничение суверенитета и правоспособности государства». Ими, по мнению С. Ю. Ма-

рочкина (кандидат юридических наук, доцент) и Д. Д. Остапенко (доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ), могут быть:

«1) приостановление деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов государства и осуществление верховной власти за него органами других государств (коменданты немецких городов — советские офицеры в нашей оккупационной зоне в 1945 году в Германии. — Е. П.);

2) реорганизация политической системы;

3) упразднение отдельных институтов (преступных политических партий) (НСДАП — Национал-социалистической немецкой рабочей партии. — Е. П.);

4) оккупация части или всей территории;

5) контроль за использованием научного и промышленного потенциала;

6) демилитаризация или сокращение вооруженных сил, промышленности» [8, с. 164; 9, с. 42].

Как известно, «конференция глав правительств держав-победительниц — СССР, Англии, Франции (И. В. Сталин позволил или даже настоял на том, чтобы причислить эту страну к победителям. — Е. П.) и США постановили в августе 1945 г. распустить германские вооруженные силы, повести демилитаризацию экономики, денацификацию в политической сфере и содействовать созданию в Германии миролюбивого и демократического государства. В стране был введен временный оккупационный режим в четырех зонах» [4, с. 555].

П. Н. Бирюков использует термин не «чрезвычайные сатисфакции», а «ограничение суверенитета», но по смыслу эти термины совпадают. Неслучайно самым ярким примером этого вида ответственности, по его мнению, «могут служить меры, принятые в отношении гитлеровской Германии по окончании второй мировой войны» [1, с. 96].

Для нас очевидно, что оптимальный вариант, если подобный проект (аналогичную модель) реализовать и в отношении Украины: а) временная оккупация всей или значительной части этой страны Вооруженными Силами Российской Федерации и, возможно, воинскими контингентами стран ОДКБ; б) конечно, оставление в составе РФ так называемых новых регионов — Малороссии; в) три «Д» — *денацификация* (законодательное закрытие все нацистских, неонацистских партий, «Правового сектора», таких запрещенных в РФ организаций, как «Азов» и др., движений, СМИ и т. п.); *демократизация* (в частности,

возвращение всех или большинства оппозиционных нынешнего режиму Зеленского политиков, журналистов и др.; роспуск Верховной Рады и проведение в нее новых выборов; люстрация — запрет спикеру Р. Стефанчуку, депутатам Верховной Рады, депутатов областных и городских законодательных органов избирать и быть избранным и здесь варианта — пожизненно или на определенный срок; аргументы — они принимали законодательные акты, дискриминирующие русскоязычных, православных и т. п., не возражали против обстрелов мирных граждан, медучреждений, рынков и т. п., т. е. гражданских объектов; *демилитаризация* — поэтапное сокращение армии, а в перспективе — лишь силы самообороны или вообще без вооруженных сил — нейтральное государство, но с гарантированным суверенитетом. При этом нужна и осторожность, чтобы не унижить, не оскорбить чувство национального достоинства украинцев и не дать почву для реваншистов.

«*Декларативные решения* выражаются в форме решения международного органа (например, суда) или организации, признающих какое-либо деяние международным правонарушением», — пишут П. Н. Бирюков [1, с. 97]. Если, например, суд просто констатирует правонарушение, то это, наверное, можно признать декларативным решением, а если за ним следует обвинительный приговор МВТ, МУС или решение ЕСПЧ по конкретному делу, то это отнюдь не декларация, а правоприменительный акт. Возможно, декларативным можно назвать и вынесение обвинительного приговора заочно. Так, например, Нюрнбергский трибунал заочно приговорил М. Бормана к смертной казни в форме повешения, но, как известно, это решение Международного военного трибунала не было исполнено.

В. А. Василенко в 1976 году и Н. В. Витрук в 2008 году выделяют *позитивную ответственность государства и негативную ответственность государства*. Под первой эти ученые понимают «долг данного государства надлежащим образом исполнять обязанности, предписываемые ему нормами международного права, а также участвовать в создании и реализации новых норм, способствующих укреплению международного правопорядка» [3, с. 149]. Определения второй данные авторы не дают, лишь отмечают ее фактическое основание — международные правонарушения [3, с. 149]. Мерами международной перспективной (позитивной) ответственности Н. В. Витрук называет реституцию в натуре, компенсацию за ущерб, сатисфакцию (удовле-

товренные нематериальных требований), близкая к сатисфакция мера — заверения и гарантии неповторения подобных действий в будущем, реституция *in integrum* (например, освобождение незаконно запретной территории и несение связанных с этим расходов), чрезвычайные сатисфакции (временные ограничения суверенитета и правоспособности государства), чрезвычайные репарации (ограничение государства распоряжаться своими материальными ресурсами)» [3, с. 150—151].

Во-первых, сатисфакция и близкая к ней мера, чрезвычайные сатисфакции — это нематериальная (т. н. политическая) ответственность в международном праве. Во-вторых, возможно, следует признать, что для «потерпевшего» государства, например, государства, которое подверглось акту агрессии и/или оккупации, то реституции, а мы бы добавили еще и субституции, репарации и т. п. относятся к позитивной для них ответственности, а для агрессора, что абсолютно очевидно, это привлечение его к ретроспективной (негативной) юридической ответственности, а если еще конкретнее, то к материальной международно-правовой ответственности. Если признавать существование позитивной (перспективной, проспективной, поощрительной) юридической ответственности вообще, в принципе, и, в частности, в сфере международного права, то она всегда связана с правомерным поведением и правомерной деятельностью субъектов права, а наш взгляд, с активным правомерным поведением физических лиц и активной правомерной деятельностью государств, международных организаций, региональных организаций и других субъектов, в данном случае, международного права. А сущность позитивной юридической ответственности, по нашему убеждению, «заключается в поощрениях (наградах) за правомерное поведение, особенно за достижения, успехи, подвиги, героические поступки, мужество, смелость (военнослужащих, сотрудников полиции, МЧС и др., обычных людей), добросовестный труд, отличную учебу и т. п.» [11, 337].

Основанием возникновения международно-правовой ответственности государства является совершение им международного правонарушения, хотя существует и ответственность государства за ущерб, причиненный источником повышенной опасности в результате правомерной деятельности: морской, воздушной, космической и др. [7, с. 233].

Доктор юридических наук, профессор, известный советский и российский специалист в области международного права С. В. Черниченко считает, что «устоявшейся классификации форм и видов санкционной

ответственности в международном праве нет. В отечественной науке обычно различали две формы: материальную и нематериальную (называемую иногда морально-политической или политической, что вряд ли верно, так как это тоже юридическая ответственность» [14, с. 227]. Далее автор правильно пишет: «Видами материальной ответственности, как правило, считали репарации и реституции, а нематериальной перспективной ряд мер, которые никогда полностью не перечисляли из-за их разнообразия (начиная с принесения извинений и кончая временной оккупацией части или всей территории государства, влекущей за собой ограничение или временное лишение его международной дееспособности. Под реституцией понимали восстановление в прежнем состоянии, а под репарацией — возмещение причиненного ущерба в денежном выражении и посредством поставок различного рода объектов (оборудования, продуктов и т. д.)» [14, с. 227].

Во-первых, следует согласиться с С. В. Черниченко в том, что неправильно, некорректно любой вид юридической ответственности называть политическим, так как политические нормы — это особый вид социальных норм, особый регулятор общественных отношений и за невыполнение, ненадлежащее исполнение политических обязанностей и нарушение политических запретов должна наступать политическая ретроспективная ответственность. Наоборот, за образцовое выполнение политических обязанностей, политическую активность, эффективное руководство политическими партиями и движениями, партийными организациями нужно поощрять субъектов политической деятельности, политической жизни и в этом случае будет наступать позитивная (поощрительная) политическая ответственность. Во-вторых, уж если и говорить о временном ограничении государства, то иметь в виду ограничение дееспособности, а не ограничение правоспособности, как это делают отдельные авторы. В-третьих, любая оккупация, пусть даже временная и правомерная, находит материальное воплощение: оккупационные власти, коменданты городов, воинские части, боевая техника, иной транспорт, военная полиция, военные трибуналы и т. п. занимают определенные здания и территории в зоне оккупации, используют инфраструктуру и т. п., поэтому относить данную чрезвычайную сатисфакцию к нематериальной ответственности можно и нужно, по нашему мнению, но лишь с некоторой оговоркой.

С. В. Черниченко прав в том, что выделение лишь трех форм возмещения вреда: реституции, компенсации и сатисфакции «страдает опре-

деленной неполнотой», так как «временное ограничение или лишение государства дееспособности не укладывается в ее рамки» [14, с. 227].

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский придерживаются подхода специалистов международного права, которые считают, что нематериальная ответственность «должна возлагаться на государство, совершившее международное преступление, в полном объеме и может предусматривать ограничение его суверенитета и правоспособности. Именно в этом выражалась ответственность Германии после Второй мировой войны» [13, с. 895].

Негативные санкции. Полагаем, что институт юридической ответственности охватывает очень широкий круг проблем: основания, понятие, признаки, принципы, цели, функции, виды и стадии, но ее сущность, по нашему мнению, выражают санкции. Если иметь в виду только ретроспективную юридическую ответственность (штрафную, карательную), то есть санкции общие для ряда отраслей, например, штрафы. По негативным санкциям мы можем судить о том или ином виде отраслевой юридической ответственности: признание Конституционным судом какой-либо нормы, не соответствующей Конституции; отрешение президента от должности и т. п. (конституционная ответственность); дисквалификация, административный арест до 30 суток (административная); пени, неустойка (гражданско-правовая); лишение родительских прав (семейно-правовая); увольнение работника по инициативе работодателя (дисциплинарная); репарации, реституция, субституция, чрезвычайные сатисфакции (международно-правовая) и т. п.

«**Санкции** — система мер военно-политического характера, которые представляют собой своеобразное наказание за совершение международных преступлений». Это краткое определение дано профессором И. И. Котляровым [7, с. 251].

Доктор юридических наук, на 2004 год руководитель юридическо-го отдела Международной некоммерческой организации «Врачи без границ» (MSF, 16 сентября 2024 года они прекратили деятельность в России после уведомления из Минюста РФ об исключении российского офиса организации из реестра иностранных неправительственных организаций) Франсуаз Буше-Сольнье дает следующую характеристику санкции: «Санкция — это мера, применяемая в случаях нарушения какой-либо нормы внутреннего или Международного права. Санкция имеет несколько целей: наказание виновного, охрана

общественного порядка, официальное подтверждение того, что данное положение права сохраняет свое действие, несмотря на его нарушение. Компенсация и возмещение убытков, понесенных жертвами, являются механизмами отличными от механизма правовых санкций. Международное Право (имеется в виду международное гуманитарное право. — Е.П.) не предусматривает выплату компенсации жертвам. ...» [2, с. 415].

В связи с созданием ООН и вступлением в силу Устава ООН 24 октября 1945 года полномочиями применять санкции за совершение агрессии наделен только Совет Безопасности ООН (статьи 39, 41 и 42 Устава ООН). Они включают принудительные меры военного и невоенного характера. К принудительным мерам военного характера относятся демонстрации (военной силы. — Е.П.), блокада и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил государств — членов ООН. К мерам невоенного характера относятся полный или частичный разрыв экономических отношений, прекращение железнодорожных, морских, воздушных (в страны ЕС нет авиарейсов из РФ и обратно. — Е.П.), почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений [7, с. 251].

В поверженной Германии «подлежали полному и окончательному упразднению все вооруженные силы, военные организации и учреждения, военные училища и все другие военные и полувоспитательные организации...», — отмечает И. И. Котляров [7, с. 251–252].

В Германии был создан Контрольный совет из главнокомандующих вооруженными силами четырех союзных держав [7, 252].

«Составной частью политических санкций, примененных к фашистской Германии, было лишение ее государственного суверенитета, центральной власти и правительства. Верховная власть в Германии переходила в руки четырех союзных держав. Она осуществлялась Союзным контрольным советом с целью уничтожения национал-социалистической партии, распустить все нацистские учреждения, предотвратить всякую нацистскую милитаристскую деятельность или пропаганду, арестовать всех нацистских преступников и предать их суду и т. д.» [7, с. 252].

«В силу безоговорочной капитуляции Германии и со дня этой капитуляции дипломатические, консульские, торговые и другие отношения германского государства с другими государствами были прекращены. Какие-либо сношения с внешним миром должны были осуществляться представителями союзников» [7, с. 252].

По нашему мнению, очень актуальный, полезный и поучительный опыт!

Репрессалии, т. е. правомерные принудительные действия в ответ на нарушение государством или его органами норм международного права. Международным гуманитарным правом, по утверждению профессора Котлярова, они запрещены. Так, например, статьи 46 и 47 соответственно Конвенций 1 и 2 запрещают применение репрессалий в отношении раненых больных, потерпевших кораблекрушение. Запрещается также причинение ущерба природной среде в качестве репрессалий [7, с. 252].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, международно-правовая ответственность, в том числе нематериальная была и остается предметом изучения как советских, так и современных российских исследователей — специалистов в области международного права и теории права. Это находит отражение, как в учебной, так и научной юридической литературе.

Во-вторых, нематериальная ответственность государства выражается в сатисфакциях (выражение сожаления, публичное извинение, наказание виновных, оказание особых почестей пострадавшему государству и др.), чрезвычайных сатисфакциях (приостановление деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов государства и осуществление верховной власти за него органами других государств; реорганизация политической системы; упразднение отдельных институтов (преступных политических партий); оккупация части или всей территории; контроль за использованием научного и промышленного потенциала; демилитаризация или сокращение вооруженных сил, промышленности); репрессалиях (ответные насильственные действия со стороны затронутого государства), декларативных решениях, а, по мнению некоторых ученых, и в реторациях.

В-третьих, для нас очевидно, что в отношении современной Украины нужно применить чрезвычайные сатисфакции: демилитаризация, денацификация и демократизация, поэтому опыт государств-победителей, особенно Советского Союза, в отношении Германии в 1945—1949 годах актуален, важен и поучителен.

В-четвертых, юридическая ответственность по объему намного больше санкций, но ее сущность выражается именно в них: применительно к ретроспективной юридической ответственности, в том числе

международно-правовой вообще и нематериальной, в частности, в дополнительных лишениях, ограничениях, которые является карой, наказанием за совершенные государством международные правонарушения, в том числе международные преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков П. Н. Международное право: учеб. пособ. — Воронеж: Истоки, 1996. — 302 с.
2. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с франц. Е. Кирпичниковой. — М.: Изд-во «МИК», 2004. — 552 с.
3. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. — М.: РАП, 2008. — 324 с.
4. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — 752 с.
5. Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцев О. Г. Международное право. Словарь — справочник. / под общ. ред. В. Н. Трофимова. — М.: ИНФРА-М, 1986. — 368 с.
6. Кешнер М. В. Право международной ответственности: учебник. — М.: Проспект, 2017. — 240 с.
7. Котляров И. И. Международное право и вооруженные конфликты: монография. — М.: Московский ун-т МВД России, 2003. — 285 с.
8. Марочкин С. Ю., Остапенко Д. Д. Ответственность в международном праве // Международное право: учеб. для вузов / Г. В. Игнатенко, В. Я. Суворова, О. И. Тиунов и др. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г. В. Игнатенко. — М.: Высш. шк., 1995. — С. 151–168.
9. Поцелуев Е. Л. Ретроспективная юридическая ответственность: понятие, признаки, основания, принципы, цели, функции, виды и стадии: текст лекции. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. — 60 с.
10. Поцелуев Е. Л., Горбунов А. Е. О дефиниции «юридическая ответственность» // Юридический вестник Самарского университета. — Т. 4. — 2018. — № 1. — С. 16–22.
11. Поцелуев Е. Л., Горбунов А. Е. Понятие ретроспективной (негативной) и перспективной (позитивной) юридической ответственности в отечественной (русской) теоретико-правовой литературе 80-х гг. XX — начале XXI в. // Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария: монография / под общей редакцией Е. А. Фроловой. — М.: Проспект, 2020. — С. 321–337.
12. Савоськов П. В. Ответственность в международном праве // Лекции по актуальным проблемам международного и европейского права / под ред. проф. Л. Н. Галенской и проф. М. Л. Энтина. — СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2004. — С. 251–284.
13. Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: монография. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2007. — 950 с.
14. Черниченко С. В. Принуждение и ответственность в международном праве // Международное право: учебник / отв. ред. А. А. Дanelьян, С. А. Егоров. — М.: Проспект, 2023. — С. 217–231.

Радошнова Н. В.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры
предпринимательского и энергетического права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,*

Потемкина Е. В.,

*канд. ист. наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,*

ПОДВИГ ЭНЕРГЕТИКОВ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. В год 80-летия Великой Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками необходимо вспомнить энергетиков блокадного Ленинграда, которые ценой огромных усилий сумели преодолеть энергетическую блокаду города, дав возможность работать в осажденном городе наиболее значимым объектам промышленности и инфраструктуры: оборонным предприятиям, хлебозаводам, госпиталям и т. п.

Ключевые слова: война, блокада, голод, холод, тепло, электричество, энергетика, кабель.

Radoshnova N. V.,

*Candidate of jurid. Sciences, Associate
Professor of the Department of Business
and Energy Law Saint Petersburg State University of Economics*

Potemkina E. V.,

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory and History
of State and Law Saint Petersburg State University of Economics*

THE FEAT OF THE POWER ENGINEERS OF BESIEGED LENINGRAD

Abstract. In the year of the 80th anniversary of the Great Victory of the Soviet people over the Nazi invaders, it is necessary to recall the power engineers of besieged Leningrad, who, with great effort, managed to overcome the energy blockade of the city, giving the opportunity to work in the besieged city to the most significant industrial and infrastructure facilities: defense enterprises, bakeries, hospitals, etc.

Keywords: War, blockade, hunger, cold, warmth, electricity, power, cable.

В год восьмидесятилетия Великой Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками невозможно не вспомнить о ленинградских энергетиках. Благодаря их героическому труду и невероятным усилиям блокадный Ленинград снабжался электроэнергией довольно устойчиво и, можно сказать, в значительных для осажденного

города масштабах. Практически бесперебойно работали оборонные предприятия, а также хлебозаводы, госпитали, родильные дома, Ленинградское радио, театры города, органы военной и партийной власти.

После того, как кольцо блокады замкнулось вокруг Ленинграда, нашему городу стало остро не хватать не только продовольствия и воды, но и электроэнергии. Гидроэлектростанции Ленинградской области оказались на оккупированной территории, значительная часть оборудования Волховской гидроэлектростанции была спешно эвакуирована на Урал и в Среднюю Азию еще до начала блокады Ленинграда [2, с. 68].

Вместе с тем осенью 1941 г. в Ленинграде продолжили работать агрегаты двух ТЭЦ — **тепловых электростанций, которые одновременно вырабатывали и электрическую и тепловую энергию. Однако быстро наступила острая нехватка топлива.** Город на Неве начал погружаться во тьму. Перестали гореть фонари на улицах, остановился городской электротранспорт, погасли лампочки в жилые дома. На пустынных улицах города как небурные снежные глыбы зияли вмерзшие в землю троллейбусы и трамваи. Они стали печальным символом блокадного города.

Энергетическая катастрофа наступила в январе 1942 г. Скучные запасы топлива на электростанциях практически иссякли, брать сырье было неоткуда. Инженер кабельной сети «Ленэнерго»* И. И. Ежов вспоминал, что в конце января 1942 г. «было два дня, когда вообще все было отключено. Полностью были отключены госпитали и больницы, мы давали энергию только на хлебозаводы и водопровод. Эти два дня станции работали на самих себя, чтобы не замерзнуть. Топлива совсем не было» [2, с. 68]. Житель блокадного Ленинграда А. Г. Дымов 23 января 1942 г. записал в своем дневнике: «Сердце Ленинграда, заведовавшее его кровообращением, дававшее ему жизнь (электростанции) перестало работать, остановилось... Но мы знаем — это не смерть, а летаргический сон. Придет час — и погруженный в летаргию великан сначала слегка вздохнет, потом очнется» [1, с. 507].

Самым тяжелым днем для «Ленэнерго» стало 25 января 1942 г., когда после массированного артобстрела и налетов фашистской авиации в рабочем состоянии осталась только одна турбина ТЭЦ № 1 мощностью 2300 кВт. Для сравнения: такой мощности в наши дни

* Ленэнерго — Ленинградское производственное объединение энергетики и электрификации, которое обеспечивало электроэнергией и теплом потребителей Ленинграда и области.

хватило бы только для одновременного включения тысячи электрочайников [2, с. 68]. А зимой, в начале 1942 г., эту энергию подавали только на хлебозаводы и несколько оборонных предприятий.

В январе 1942 г. Красная армия освободила Тихвин, враг был отброшен на значительное расстояние от Волховской ГЭС. В марте 1942 г. было принято решение уполномоченным Госкомитета обороны СССР А. Н. Косыгиным о восстановлении станции и пуске ее тока в осажденный Ленинград. Но как это сделать? Очевидно, что по суше пустить линию электропередачи не получится. Единственным вариантом была прокладка электрокабеля по дну Ладожского озера. К этому времени уже удалось наладить «Дорогу жизни» по льду Ладоги.

У работников «Ленэнерго» уже был опыт прокладки кабельных линий по дну водоемов: еще до войны ленинградские энергетики смогли организовать подводную линию — 11 км кабеля проложили по дну Финского залива. Весной 1942 г. перед энергетиками возникли, казалось бы, неразрешимые проблемы. Где найти специалистов для подобных работ? В осажденном городе их оставалось четыре человека, так как большинство умерло от голода в первую блокадную зиму 1941—1942 гг., а часть работников попала в окружение при строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду [2, с. 69]. Где взять сам кабель? Выпускавший его завод «Севкабель» к тому времени был закрыт. И наконец, как проложить линию по дну Ладоги под носом у фашистов? Война заставила придумывать решения прямо на ходу.

Для производства кабеля с фронта были отозваны специалисты, которые до войны работали на заводе «Севкабель». Нашлось и необходимое сырье. Но оказалось, что в городе закончились запасы требуемой для кабеля изоляционной бумаги. В результате вместо нее использовали ту, что раздобыли на «Монетном дворе». Бумага была с водяными знаками так как предназначалась для выпуска денежных купюр. Именно поэтому проложенную по дну Ладоги блокадную линию стали называть «Кабель с денежкой». В начале августа 1942 г. был готов первый образец кабеля, погонный метр которого весил более 15 кг. Все работы, связанные с погрузкой огромных мотков кабеля на баржу, выполняли женщины, причем вручную. Изначально предполагалось пустить под водой две «нитки» — по 35 кВт каждая. Однако вскоре выяснилось, что возможностей завода хватит только на изготовление кабелей, рассчитанных на напряжение 10 кВт. Пришлось изменить план сделать 4 линии по 10 кВт. В дальнейшем выпущенного кабеля хватило на 5 линий.

По довоенным технологиям для прокладки пяти линий кабеля через Ладожское озеро понадобилось бы полгода. Но в 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта отвел на монтаж всего 56 дней. Фактически же удалось сократить и этот срок и уложить две первых линии за 45 дней [2, с. 69]. Кабель тянули с западного берега Ладоги (со стороны Ленинграда) — на восточный. Для прокладки линии выбрали самое узкое место в южной части озера. Природа помогла энергетикам — в тот год уровень воды упал на 1,5 м ниже среднего. В районе деревни Кобона образовалась длинная песчаная коса, что упростило ход работ и позволило построить подстанцию максимально близко к воде. К ней по обычной ЛЭП электричество шло от Волховской ГЭС. В итоге подводная часть кабеля составила примерно 22,5 км [2, с. 69].

Проводить прокладку кабеля днем по довоенной технологии под обстрелами вражеской авиации было невозможно. Энергетики нашли новую технологию монтажа. Идея принадлежит Николаю Туманову — главному инженеру высоковольтного района Кабельной сети «Ленэнерго». Куски кабеля (примерно 300 м длиной) укладывались на стоявшую у берега, замаскированную баржу, там соединялись между собой специальными муфтами (на 22,5 км их нужно было установить минимум 45 штук), а ночью эта готовая кабельная линия укладывалась на дно озера [2, с. 69]. Под эту операцию были специально построены 2 баржи грузоподъемностью в 600 т каждая [2, с. 69].

Неподалеку от того места, где кабель уходил под воду, в бухте Морье была организована специальная база. Ее не пришлось сильно маскировать, так как она располагалась в роще, которая и без того хорошо прикрывала энергетиков. Для того чтобы занести кабель на баржу, требовались дополнительные рабочие руки. Сотни рабочих, в основном женщины, были мобилизованы с предприятий Ленинграда. Сначала они ютились в палатках, потом для них вырыли землянки. В лагере организовали трехразовое питание, причем к обеду выдавали чистый ржаной хлеб, а не тот суррогат, который выпекали на городских хлебозаводах. В период блокады Ленинграда компонентами хлеба являлись: пищевая целлюлоза, жмых, обойная пыль, выбойка из мешков, ржаная мука и все виды корковой муки.

Поясним, что такое корковая мука. Многие баржи с продовольствием для осажденного города на Ладоге были потоплены ударами авиации немецко-фашистских захватчиков, в том числе и те, на которых доставлялась мука. Мука перевозилась в мешках. При попадании

мешков в холодную ладожскую воду, они покрывались коркой, под которой оставалась сухая мука. Эти мешки на мелководье поднимались баграми, а с глубины — с помощью водолазов. Содержимое мешков вместе с коркой высушивалось, перемалывалось и использовалось в качестве сырья для блокадного хлеба. Так мука, поднятая со дна Ладоги, получила название «корковая».

Формы для выпечки хлеба смазывались соляровым маслом. К концу 1941 г. когда продукты закончились, в ход пошла гидроцеллюлоза (это древесина, обработанная химическим путем), разработанная во ВНИИ гидролизной промышленности. Именно об этом периоде времени, который позже был назван «смертным», писала О. Ф. Берггольц: «Шестнадцать тысяч матерей паек получают на заре — 125 блокадных грамм, с огнем и кровью пополам» [3, с. 128].

Для того, чтобы тянуть кабели от базы до замаскированной баржи — из роши к берегу озера, женщины становились в цепочку, по одной через каждые два метра, и затачивали кабель на судно. Только у самой воды имелись деревянные мостки и на них ролики, по которым провод подавался на борт [2, с. 69]. Немцы не догадывались, что происходит в роше. Они в основном обстреливали расположенный в паре километров от того места порт у мыса Осиновец.

Первый кабель энергетики смогли проложить в два приема. Происходило все так: буксир тянул баржу со скоростью 2–2,5 км/ч, а рядом шло еще одно вспомогательное судно. Электромонтеры отправляли кабель на дно — в среднем на глубину 15–20 м. Особенно аккуратно отпускали места соединений, тяжелые муфты под воду плавно уходили на пеньковых веревках. Второй, третий и четвертый кабели удалось уложить каждый за одну ночь, потратив по 8–12 часов [2, с. 70]. Рабочим помогали водолазы, которые следили за тем, чтобы кабель ложился на дно ровно, а вблизи берега кабель прикрывали грунтом, чтобы его не зацепили якорями. Работы проводились ночью, чтобы скрыть кабель от врага.

15 апреля 1942 г. энергетики преподнесли жителям блокадного Ленинграда светлый и долгожданный подарок — по городу пошли первые трамваи с пассажирами. Жители города приветствовали трамваи как добрые знаки надежды на скорое освобождение от блокады. Очевидцы вспоминали, что люди встречали трамваи криками радости и слезами святой веры в скорую победу над фашистами. Показательно, что пассажиры трамваев, особенно в первые дни

движения, демонстрировали просто запредельную вежливость друг к другу [3, с. 230]. Движение трамваев вначале было открыто по пяти маршрутам, связавшим разные концы города. Самым длинным был маршрут от острова Голодай до Волковского проспекта, граничившего с Волковским кладбищем. Маршрут был отмечен даже «черным юмором». Ленинградцы говорили о пути следования маршрута: «Поголодаю, поголодаю, да на Волково» [3, с. 232]. Число маршрутов постепенно увеличивалось. Движение трамваев начиналось в 6 час. 30 мин. Последнее отправление трамвая с конечного пункта было в 21 ч 30 мин. В городе действовал «комендантский час» — с 22 часов нахождение на улицах было запрещено [3, с. 298].

23 сентября 1942 г. — еще одна великая победа энергетиков Ленинграда. В 9 часов 40 минут была прорвана энергетическая блокада Ленинграда. Электроэнергия пошла в город по двум первым проложенным по дну Ладоги кабелям. Необходимо подчеркнуть, что к этому дню была готова и вся наземная инфраструктура — три подстанции и высоковольтные линии электропередачи общей протяженностью более 110 км. Это позволило включить в сеть остановившиеся предприятия города, выпускавшие оборонную продукцию, расширить трамвайное движение, так как на трамваях в то время перевозили не только людей, но и грузы, в том числе военные. Вскоре свет стали давать и в квартиры блокадников. Всего же за время функционирования «кабеля жизни» по нему было передано около 25 млн кВт·ч электроэнергии [2, с. 70].

Третья линия кабеля была проложена по дну Ладоги к 30 сентября 1942 г., четвертая — к 4 октября (в среднем расстояние между кабелем было 200 метров под водой и около 50 метров на берегу) [2, с. 71]. Энергетики полностью выполнили первоначально поставленную задачу.

Было решено пустить еще пятую ветку. К сожалению, с ней прошло все не так гладко, как с первыми четырьмя. В намеченную ночь, когда в озеро должна была выйти баржа с кабелем, поднялся шторм. Работы пришлось отложить. А чтобы не срывать намеченные сроки (Ленинград готовился отметить 25 годовщину Великой Октябрьской социалистической революции), прокладку рискнули осуществить днем. Озеро к тому времени успокоилось, а низкие облака прикрывали энергетиков сверху. Баржа успела пройти 16 км. Но тут из пролета между туч вылетели немецкие самолеты. Группа наших судов

рассредоточилась, чтобы не быть легкой мишенью для врага. Фашистские самолеты целились в основном по самой крупной мишени — барже. В результате она получила несколько пробоин, в основном в надводной части. На ней были убиты первой разорвавшейся бомбой пулеметчик и водолаз, еще несколько человек были серьезно ранены. Всего в этом бою погибли тринадцать человек. Но судно и оставшийся в нем кабель удалось отстоять, работы возобновили. 3 ноября 1942 г. электроэнергия по пятой линии начала поступать в осажденный город [2, с. 71].

Об умелых действиях наших энергетиков и военных можно судить, например, по такому факту. Из показаний пленного летчика выяснилось, что за все время, что немцы стояли под Ленинградом, они так и не узнали, что через Ладогу, почти у них под носом, была организована передача электроэнергии в осажденный город.

В конце 1942 г. Ладожское озеро замерзло. Энергетики придумали способ добавить к подводному кабелю еще и воздушную линию. Ее проложили по замороженным в лед столбам с изоляторами. Эта линия была введена 13 января 1943 г. и просуществовала 68 дней, пока лед не начал таять [2, с. 71].

15 декабря 1942 г. — еще одна великая победа энергетиков Ленинграда. Электричество стало подключаться к жилым домам горожан. Об этом было объявлено по радио. Большинство домов стали освещаться с середины января 1943 г. Горожане теперь могли пользоваться светом по вечерам, а также утром — с 6 до 8 часов. Это положительно сказалось и на быте ленинградцев. Люди стали чаще убирать квартиры, преодолевая бытовую разруху [3, с. 241].

Горожане самых разных профессий, и стар и млад самоотверженно защищали свой город, боролись за его спасение. Помимо электрических кабелей, по дну Ладожского озера примерно в том же месте были уложены и другие коммуникации: телефонный и телеграфный провода, а также нефтепровод, по которому в блокадный город поставлялось топливо [2, с. 70]. Сама «Дорога жизни» проходила несколько южнее этих трасс и работала с 22 ноября 1941 г. по март 1943 г., меняя свою траекторию в зависимости от погодных условий [2, с. 71].

18 января 1943 г. был совершен прорыв блокады Ленинграда близ поселка Синявино. Через образовавшееся «окно» в кольце блокады по железной дороге в город начали поступать необходимые городу промышленные грузы и продовольствие.

27 января 1944 г. — великий день в жизни Ленинграда — полное снятие блокады Ленинграда. Вследствие этого полностью отпала необходимость в кабельной линии электропередачи по дну Ладоги. Провода пустили привычным способом, проложив ветку по освобожденным территориям. А «Кабель жизни» подняли летом 1944 г., и использовали его на нужды города. Интересно, что одна из городских легенд гласит, что до сих пор под Невским проспектом ток бежит по тому самому блокадному «Кабелю с денежкой», поднятому со дна Ладожского озера после снятия блокады [2, с. 71].

Вот так рабочие и инженеры энергетического комплекса блокадного Ленинграда смогли героически преодолеть еще одну блокаду города — энергетическую. Благодаря их самоотверженному труду жизненно важные объекты города практически не прерывали свою работу на протяжении всего периода блокады города-героя Ленинграда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. — СПб.: АЗБУКА, АЗБУКА-Аттикус, 2019. — 736 с.
2. Ожегова Е. Кабель с денежкой // Ваш Тайный советник. 2018. — № 2 (44). — С. 68–71.
3. Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 313 с.

УДК 347

Сергеев А. П.,

*доктор юрид. наук,
ординарный проф. каф. гражданского права
НИУ «Высшая школа экономики» (СПб филиал)*

ДИНАМИКА УСЛОВИЙ ВЗЫСКАНИЯ КОМПЕНСАЦИЙ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Аннотация. В статье рассмотрены условия уменьшения размера компенсации за нарушение исключительного права, которые изменялись под влиянием Постановлений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Автором проанализированы основные положения ст. 1252.1 ГК РФ (введена в действие

с 4 января 2026 г.), предусматривающей новый порядок расчета компенсации и уменьшения ее размера судом.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, компенсация за нарушение исключительного права, уменьшение размера компенсации судом.

Sergeev A. P.,

Dr. of Legal Sciences,

ordinary prof. of the Department of Civil Law

NRU «Higher School of Economics» (St. Petersburg branch)

DYNAMICS OF THE CONDITIONS FOR COLLECTING COMPENSATION FOR VIOLATION OF AN EXCLUSIVE RIGHT UNDER THE INFLUENCE OF RULINGS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article considers the conditions for reducing the amount of compensation for violation of exclusive right, which changed under the influence of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The author analyzed the main provisions of Art. 1252.1 of the Civil Code of the Russian Federation (put into effect on January 4, 2026), which provides for a new procedure for calculating compensation and reducing its size by the court.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, compensation for violation of exclusive rights, reduction of the amount of compensation by the court.

Компенсация является самой востребованной санкцией за нарушение исключительного права. Будучи направлена на возмещение убытков [1], компенсация привлекательна тем, что освобождает потерпевшего от необходимости доказывания размера убытков. Общие условия применения данной санкции до недавнего времени были закреплены п. 3 ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а размер компенсации и способы его определения — теми статьями отдельных глав части четвертой ГК РФ, которые предусматривают возможность ее взыскания при нарушении прав на отдельные объекты интеллектуальной собственности (ст. ст. 1301, 1311, 1406.1, 1515, 1537).

Что касается общих условий взыскания компенсации, то в своей первоначальной редакции п. 3 ст. 1252 ГК РФ не предусматривал возможность уменьшения судом ее минимального размера. При этом правообладатель был вправе «требовать от нарушителя выплаты компенсации за каждый случай неправомерного использования объекта

интеллектуальной собственности либо за допущенное правонарушение в целом».

Вопросы о том, что считать «каждым случаем использования» и кому — суду или самому потерпевшему — принадлежит выбор расчета компенсации, оставались открытыми. Судебная практика после некоторых колебаний склонилась к необходимости взыскания компенсации за каждое незаконное использование охраняемых объектов и к признанию права выбора расчета компенсации именно за правообладателем. В результате стали встречаться случаи присуждения очень значительных по размеру компенсаций даже при их расчете по минимальному пределу (например, при незаконном распространении экземпляров фонограмм с записями нескольких десятков произведений).

Для исправления этой ситуации правило п. 3 ст. 1252 ГК РФ было изложено в новой редакции, позволяющей суду снижать размер компенсации до пятидесяти процентов от минимального размера, если права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю.

Однако это не решило проблему присуждения больших компенсаций за относительно незначительные правонарушения, поскольку даже при снижении судом на пятьдесят процентов минимального размера компенсации в итоге нередко получались слишком значительные суммы. Кроме того, судебная практика исходила из того, что снижение размера компенсации возможно только тогда, когда потерпевший требует взыскать компенсацию в твердой сумме, т. е. в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда. Если же он избирает в качестве компенсации двукратную стоимость контрафактных экземпляров или двукратную стоимость права использования объектов интеллектуальной собственности, то снижение размера компенсации вообще не допускалось.

Первое из указанных выше обстоятельств послужило основанием для принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» [2] (далее — Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П). Поводом для обращения с запросом послужили два гражданских дела, находившиеся в производстве Арбитражного суда Алтайского края. По первому

из них суд должен был взыскать с индивидуальной предпринимательницы, продавшей контрафактный лазерный диск с записью 90 песен одного исполнителя (стоимость диска — 75 руб.), компенсацию в размере 859000 руб. По второму делу суд должен был взыскать с девяти индивидуальных предпринимателей компенсацию в размере от 49800 до 60000 руб. за незаконное использование товарных знаков, которыми были маркированы реализованные ими DVD-диск, наборы игрушек и рюкзаки. В Запросе был поставлен вопрос о том, насколько нормы, позволяющие взыскивать такие большие компенсации, соответствуют Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ признал, что сами по себе правила о взыскании компенсации не противоречат Конституции РФ. Вместе с тем, не соответствующим Конституции РФ признано положение, не позволяющее суду при определении размера компенсации определить общий размер компенсации ниже минимального предела. В связи с этим Конституционный Суд РФ предписал федеральному законодателю внести в гражданское законодательство необходимые изменения, обеспечив возможность снижения размера компенсации, если суд придет к выводу о явной несоразмерности компенсации характеру совершенного правонарушения.

Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П трудно оценить однозначно. С одной стороны, Конституционный Суд РФ правильно и справедливо разрешил конкретную ситуацию, связанную с присуждением слишком большой компенсации за относительно незначительные правонарушения. С другой стороны, с учетом значительного числа оговорок, таких, как: (1) правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые, (2) незаконное использование объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и (3) правонарушение не носило грубый характер, Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П не решило существующую проблему в целом. Иными словами, если исходить из буквального текста данного Постановления, то уменьшить минимальный размер компенсации суд мог лишь при наличии указанных в нем условий, что во многом сводило на нет его практическое значение.

Спустя два года вопрос об уменьшении размера компенсации был затронут в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса

Российской Федерации» [3] (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10). Пленум Верховного Суда РФ существенно расширил возможности уменьшения размера компенсации, поскольку не увязал эту возможность с теми условиями, которые оговаривались в Постановлении Конституционного Суда РФ № 28-П. Опираясь на позицию Пленума Верховного Суда РФ, российские суды стали широко пользоваться данной возможностью.

Однако по-прежнему уменьшение размера компенсации допускалось лишь тогда, когда соответствующее требование состояло в присуждении конкретной суммы в пределах от 10 тысяч до 5 миллионов рублей. На два других способа расчета компенсации действие п. 3 ст. 1252 ГК РФ не распространялось. Данное обстоятельство послужило толчком к тому, что правообладатели стали все чаще требовать выплаты компенсации в размере двукратной стоимости контрафактных экземпляров или двукратной стоимости права использования объектов интеллектуальной собственности. При этом нередко при расчете размера компенсации в качестве доказательства цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование соответствующих объектов, стали представляться лицензионные договоры, заключенные по явно завышенной цене с «дружескими» компаниями. Кроме того, как следует из п. 3 ст. 1252 ГК РФ, а также из прямого указания п. 64 Постановления Верховного Суда РФ № 10, правила о снижении размера компенсации не могли применяться в тех случаях, когда одним действием нарушено исключительное право только на один объект интеллектуальной собственности. В результате практика присуждения судами компенсаций, явно несообразных совершенным правонарушениям, продолжалась. Это обстоятельство стало основанием для принятия Конституционным Судом РФ нового Постановления от 24 июля 2020 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» [4] (далее — Постановление Конституционного Суда РФ № 40-П).

Конкретным поводом для направления запроса в Конституционный Суд РФ послужило гражданское дело по иску двух компаний к индивидуальной предпринимательнице, которая реализовала на рынке пять рулеток и три малярные кисти, на которых нанесены изображения, сходные до степени смешения с принадлежащими истцам товарными

знаками. Истцы требовали взыскать с ответчицы компенсацию в сумме 200000 руб. в пользу каждого истца. Размер компенсации был обоснован представленными истцами лицензионными договорами, вознаграждение по которым составляет 100000 руб. за каждый товарный знак ежеквартально. Суд первой инстанции взыскал с ответчицы в пользу истцов по 50000 руб., сославшись на несправедливость и несоразмерность требуемой истцами компенсации, а также на то, что нарушение совершено впервые, не является грубым и составляет существенную часть экономической деятельности ответчицы.

Апелляционная инстанция, руководствуясь действующим законодательством и с учетом позиции Суда по интеллектуальным правам, не нашла оснований для снижения размера компенсации, однако приостановила производство по делу и направила запрос в Конституционный Суд РФ. Таким образом, Конституционный Суд РФ был вынужден повторно вернуться к вопросу о том, соответствуют ли Конституции РФ нормы ГК РФ, предусматривающие возможность взыскания компенсации за нарушение исключительного права, размер которой в некоторых случаях явно несоразмерен характеру и масштабу его нарушения.

Квинтэссенцию данного Постановления составляет п. 4.2, согласно которому «сформулированные в Постановлении № 28-П правовые позиции имеют общий (универсальный) характер в том смысле, что должны учитываться не только при применении тех же самых норм Кодекса, которые стали непосредственным предметом проверки Конституционного Суда РФ, и лишь в контексте идентичных обстоятельств дела, но и в аналогичных ситуациях». Это означало, что уменьшение размера компенсации допустимо в любых других случаях, когда он явно несоразмерен характеру и последствиям нарушения исключительного права.

Постановлением Конституционного Суда РФ № 40-П федеральному законодателю было предписано внести изменения в действующее законодательство исходя из смысла данного Постановления. Во исполнение этого указания 7 июля 2025 г. принят Федеральный закон № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [5], который вступил в силу 4 января 2026 г. Данный Закон отменяет п. 3 ст. 1252 ГК, содержащий общие правила о взыскании компенсации, и посвящает компенсации отдельную статью 1252.1. Кроме того, внесены изменения в статьи тех

глав части четвертой ГК, которые определяют конкретные размеры компенсации за нарушение исключительного права на отдельные объекты интеллектуальной собственности. Основная суть изменений состоит в следующем.

Во-первых, способы расчета компенсации остались прежними, но изменились размеры компенсации, взыскиваемые в твердой сумме: максимальный размер компенсации за одно нарушение увеличился с 5 до 10 млн руб. За нарушение исключительного права на объекты патентного права увеличился и минимальный размер — с 10 до 50 тыс. руб.

Во-вторых, если ранее способ расчета компенсации избирал потерпевший и суд не мог его изменить, то с 2026 года суд вправе взыскать компенсацию в твердом размере, если выбранный правообладателем способ расчета компенсации, по мнению суда, не является применимым к обстоятельствам нарушения исключительного права.

В-третьих, введена новая норма, рассчитанная на случаи взыскания компенсации за нарушение исключительного права в размере, кратном стоимости прав использования нескольких объектов интеллектуальной собственности, которые воплощены в одном контрафактном материальном носителе. Совокупный размер компенсации в таком случае определяется в размере от однократной до двукратной стоимости права использования, имеющего наибольшую стоимость. Иными словами, общий размер компенсации должен определяться в данном случае не посредством сложения стоимостей прав использования различных объектов и умножения полученной суммы на повышающий коэффициент, а путем выявления наибольшей стоимости права использования одного из объектов и умножения данной суммы на повышающий коэффициент в диапазоне от 1 до 2.

В-четвертых, в ст. 1252.1 ГК РФ решено несколько сравнительно частных вопросов, которые ранее были не урегулированы:

- так, указано, что компенсация не взыскивается в случае применения такого способа использования объекта интеллектуальной собственности, который объективно необходим для применения другого способа использования и сам по себе не имеет самостоятельного экономического значения. Например, хранение или перевозка контрафактного товара при условии, что они завершились продажей этого товара.
- отмечено, что с требованием о взыскании компенсации может обратиться любой из правообладателей или несколько из них,

а в дальнейшем компенсация распределяется в равных долях между всеми соправообладателями

- если нарушение совершено предпринимателем и при этом нет его вины, он не освобождается от ответственности, но размер компенсации может быть определен судом в пределах от десяти тысяч до пятисот тысяч рублей и т. д.

К сожалению, внесенные изменения страдают несколькими недостатками. Прежде всего, законодатель не исправил давний дефект, состоящий в том, что по-прежнему компенсация применяется при нарушении исключительного права в отношении лишь отдельных объектов интеллектуальной собственности. По-прежнему нельзя взыскать компенсации при нарушении исключительного права на фирменное наименование, коммерческое обозначение, секрет производства, селекционное достижение, топологию интегральной микросхемы. Очевидно, что доказать размер убытков при нарушении права на эти объекты не менее сложно, чем в тех случаях, когда взыскание компенсации допускается.

Далее, ст. 1252.1. ГК РФ не дает прямого ответа на самый актуальный вопрос о том, вправе ли суд снижать компенсацию ниже минимального предела, когда такой предел установлен законом. Почему этот вопрос оказался нерешенным, вызывает недоумение, ведь именно он был центральным в двух названных выше Постановлениях Конституционного Суда РФ и именно его было предписано решить федеральному законодателю.

Ограничение размера компенсации стоимостью права использования лишь одного из использованных объектов, пусть и наибольшей из всех стоимостей, может привести к тому, что при распределении компенсации между всеми правообладателями, объекты которых были использованы нарушителем, их убытки не будут покрыты в полном объеме.

Оценивая в целом изменения, внесенные в правила расчета компенсации за нарушение исключительного права, можно заключить, что несмотря на некоторые точечные улучшения, они не оправдали возлагаемых на них ожиданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопрос о правовой природе компенсации является дискуссионным. Обзор мнений см.: Иванов Н. В. Правовая природа компенсации за нарушение исключительного права // Закон. — 2024. — № 9.

2. Собрание законодательства. — 2016. — № 52 (Часть V). — Ст. 7729.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 7.
4. Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 32. — Ст. 5362.
5. Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 28. — Ст. 3854.

УДК 340.15

Стрельников С. В.,

канд. ист. наук,

доцент каф. теории и истории государства и права

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В РОССИИ В XIV–XVIII ВЕКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основания престолонаследия в России в XIV–XVIII веках. Автор приходит к выводу, что закон о престолонаследии 1722 г. восстанавливал тот порядок наследования престола, который сложился у московских государей в XIV–XVI вв. и основывался на великокняжеских завещаниях. К наследованию по закону, в основу которого был положен обычай, перешли в конце XVI в., что совпало с прекращением правящей династии.

Ключевые слова: престолонаследие, закон, завещание, средневековая Россия, Петр I, Иван III

Strelnikov S. V.,

Candidate of Historical Sciences,

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
FGBOU VO "Saint Petersburg State University of Economics"*

LEGAL BASIS FOR SUCCESSION TO THE THRONE IN RUSSIA IN THE 14TH — 18TH CENTURIES

Abstract. This article examines the legal basis for succession to the throne in Russia from the 14th to the 18th centuries. The author concludes that the 1722 Law of Succession restored the order of succession to the throne that had developed among the Muscovite sovereigns in the 14th to 16th centuries and was based on grand princely wills. Succession by law, based on custom, was adopted at the end of the 16th century, coinciding with the end of the ruling dynasty.

Keywords: succession to the throne, law, testament, medieval Russia, Peter I, Ivan III.

Проблеме, связанной с престолонаследием в России, уделяли внимание прежде всего историки [5, с. 438, 459; 7]. Правоведы же

в основном акцентировали свое внимание на периоде XVIII — начале XX в. [8, с. 13–16; 9, с. 221–234.]. Каковы были правовые основания престолонаследия в России в XIV–XVIII веках?

Нормативно порядок передачи престола был закреплен в Уставе о престолонаследии от 5 февраля 1722 г. [3, с. 496–497]. Остановимся на нем подробнее. В Уставе содержались исторические и правовые обоснования смены старого порядка престолонаследия на новый. Конфликт Петра I с сыном Алексеем, пошедшим наперекор воле отца, что отразилось в отсылке к библейскому сюжету («Авессаломскою злостию надмен»), хотя и закончился для царевича лишением прав на престол и смертью в 1718 г. («но милостию божиею ко всему нашему отечеству пресеколось, что довольно из манифеста о том деле видимо есть»), привел к отказу от прежнего порядка престолонаследия, основанному на «обычае старом» — от отца к старшему сыну [3, с. 496]. Как отмечал Петр, «сей недобрый обычай не знаю чего для так был затвержден». Однако данное правило, как сказано в Уставе, не всегда соблюдалось, поскольку «по разсуждению умных родителей бывали отмены», что находит отражение и в другом библейском сюжете о жене Исака, которая «меньшому сыну наследство исходатайствовала», «и божие благословение тому следовало». Фактически Петр I указывает на неразумность данного обычая. В качестве основания для отмены этого обычая Петр приводит два прецедента 1498 г. и 1502 г., относящиеся к правлению Ивана III, который «не по первенству, но по воли сие чинил, и дважды отменял, усматривая достойного наследника».

Первый прецедент относится к 4 февраля 1498 г., когда произошло назначение наследником Ивана III его внука Дмитрия, сопровождавшееся венчанием на великое княжение последнего, и устранение от наследования детей Ивана III от второго брака (с Софьей Палеолог) — Василия и его братьев. Упомянутый внук Дмитрий был рожден от сына Ивана III от первого брака, от Ивана Ивановича Молодого, еще при жизни отца провозглашенного великим князем, и Елены Стефановны. Наличие у Ивана III детей от двух браков закладывало основу для династического конфликта между двумя княжескими линиями в семье, что особенно усилилось после смерти в 1490 г. старшего сына Ивана Ивановича Молодого. Наибольшей остроты конфликт достиг в конце 1497 г., когда дьяк Федор Стромиллов сообщил князю Василию Ивановичу, своему господину, что его отец, Иван III, хочет пожаловать великим княжением Дмитрия, своего внука. Василий

составил заговор, к которому привлек группу своих сторонников. Но заговор был раскрыт, несколько заговорщиков (5 детей боярских и дьяк Федор Стромиллов) были казнены, остальные были подвергнуты тюремному заключению. Как сообщает Уваровская летопись, заговорщики планировали расправиться с Дмитрием-внуком. К заговору оказалась причастна и жена Ивана III — Софья Палеолог. Всё это привело к аресту Василия и венчанию на великое княжение Дмитрия-внука [4, с. 198—199]. Следовательно, Василий как недостойный наследник был устранен от наследования престола, а Дмитрий волей государя был венчан на великое княжение, т. е. объявлен наследником главы государства.

Но спустя 4 года, 11 апреля 1502 г., Иван III «разгневался на внука своего князя Дмитрия, и не велел его поминать в церквах великим князем, и посадил его за караул, и того же апреля в 14 день учинил наследником сына своего Василия Ивановича и венчан был» [3, с. 496]. Придворная династическая борьба завершилась новым выбором Ивана III на этот раз в пользу сына, будущего Василия III, и устранением от наследования Дмитрия-внука. Итак, великий князь дважды изменил свое решение.

И, как в Уставе 1722 г. отметил Петр I, «на что и другие сему подобные есть довольные примеры, о которых, краткости ради времени, ныне здесь не упоминаем, но впредь оные особливо выданы будут в печать» [3, с. 496]. Были ли отдельно опубликованы новые примеры, сказать затруднительно.

Среди источников права приводимые Петром I прецеденты имеют здесь большую юридическую силу, чем обычай. В этой связи можно для сравнения привести наблюдения из книги Р. Кросса о соотношении обычая и прецедента в Англии, где «некоторые местные обычаи, существующие в течение веков, сложились независимо от решений судей», но «их обязательность зависит от системы прецедентов» [6, с. 12]. И поэтому обычай является источником, подчиненным прецедентному праву. «Одно из утвердившихся прецедентным путем требований состоит в том, что обычай должен быть «разумным». Суд не может отменить обычай, но может признать его «неразумным», и с этого момента с данным обычаем последующие судьи перестают считаться» [6, с. 12]. Петр I, будучи императором, соединяя в себе всю полноту государственной власти, был вправе признать сложившийся обычай престолонаследия «неразумным» и в данном случае отменить.

Возвращаясь к Уставу 1722 г. и приводимым в нем прецедентам, отметим, что возможность изменения наследодателем своей воли указывает на один из признаков завещания.

Неслучайно, что помимо упомянутых прецедентов 1498 г. и 1502 г., правовым основанием нового порядка престолонаследия выступает и Указ о единонаследии 1714 г., нормы которого, касающиеся наследования собственности дворянами, распространяются Петром I и на правила престолонаследия в 1722 г.: «чтоб и партикулярные их дома не приходили от недостойных наследников в разорение, хотя и учинили мы устав, чтоб недвижимое имение отдавать одному сыну, однакож отдали то в волю родительскую, которому сыну похотят отдать, усмотри достойного, хотя и меньшему, мимо больших, признавая удобного, который бы не расточил наследства. Кольми же паче должны мы иметь попечение о целости всего нашего государства, которое с помощью божиею, ныне паче распространено, как всем видимо есть; чего для заблагодарсудили мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея сию узду на себе» [3, с. 496–497]. Как видим, Петр I рассматривает категорию «недостойный наследник» как основание лишения наследства. Существовавшему обычаю престолонаследия противопоставляется воля государя, которая может быть выражена в завещании (духовной грамоте) или в венчании на великое княжение (позднее — на царство, как в случае с Симеоном Бекбулатовичем).

Указ 1714 г. закрепил 2 важных условия наследования: во-первых, передачу недвижимости лишь одному сыну, во-вторых, наследника недвижимости определяет сам наследодатель. Интересно, что к норме наследования, связанной с передачей всех земель в Российском государстве (а следовательно, и власти) одному наследнику, опытным путем перешли раньше, чем норма майората затронула всё дворянское сословие. Историками давно подмечено, что от завещания к завещанию великих князей в XV–XVI вв. наметилась тенденция по увеличению доли старшего сына за счет уменьшения доли (уделов) младших сыновей [4, с. 59–61, 221–223]. С конца XVI в. прекращается практика составления царских (великокняжеских) завещаний. Последнее известное нам завещание было составлено Иваном Грозным. С конца XVI в. и до воцарения Петра I вся власть в государстве вместе с земельной

собственностью стала передаваться старшему сыну, т. е. сложился обычай, от которого в 1722 г. Петр отказался, закрепив данное нововведение на законодательном уровне. Попытка возведения на престол Петра в обход Ивана в 1682 г., предпринятая Нарышкиными — родственниками второй жены царя Алексея Михайловича, стала нарушением упомянутого обычая и привела к стрелецкому восстанию, что завершилось достижением компромисса в виде провозглашения царями-соправителями Ивана и Петра.

Как уже было выше сказано, Петру I были известны и другие случаи, когда воля государя определяла наследника престола. На основе исторических источников попробуем определить правовые основания престолонаследия в XIV—XV вв. Сохранились духовные грамоты (завещания) великих и удельных князей XIV—XVI вв., которыми определялись наследники княжений. Следовательно, наследника престола назначал наследодатель по завещанию. Но, как справедливо отмечает С. А. Мельников, наследование по завещанию было ограничено двумя обстоятельствами: во-первых, верховенством (суверенитетом) над русскими землями правителей Золотой Орды, выдававших русским князьям ярлыки на княжения; во-вторых, наследованием по закону [7, с. 86], который определялся обычаем. В последнем случае обычай подразделялся на две традиции наследования: по родовому старейшинству (от старшего брата к младшему брату), что преимущественно наблюдалось в русских землях в X—XIII вв., и по прямой нисходящей линии (от отца к сыну), что постепенно стало преобладать в XIV—XV вв. Новый порядок наследования от отца к сыну стал вытеснять ранее существовавший порядок наследования. Применительно к князьям московского дома новый порядок наследования способствовал процессу объединения русских земель вокруг Москвы. Борьба же между наследниками среди князей Суздальско-Нижегородского княжества, обусловленная коллизией двух принципов наследования и решающей поддержкой Орды, способствовала ослаблению данного княжества и последующему подчинению Москве [7, с. 88—89].

Важную роль в регулировании старого и нового порядка престолонаследия начинают играть завещания (духовные грамоты) князей. Так, вторая духовная грамота Дмитрия Донского определила наследником великого княжения Владимирского его старшего сына Василия, при этом оговорив, что в случае смерти последнего престол переходит его брату Юрию. Следовательно, Дмитрий Иванович продолжал при-

держиваться старого порядка наследования. После смерти Дмитрия Ивановича ордынский посол привез Василию I ханский ярлык, т. е. Орда утвердила решение завещателя.

Несмотря на завещание Дмитрия Василий I (1389–1425 гг.) передал великое княжение не Юрию, а своему сыну Василию II (1425–1462 гг.), что послужило началом династического конфликта, приведшего к династической войне 30–50-х гг. XV в. Передачу престола сыну Василий I тоже оформил завещанием. До тех пор, пока был жив великий князь Литовский Витовт (отец Софии Витовтовны), приходившийся Василию II дедом, князь Юрий Дмитриевич не выступал против племянника. Смерть Витовта в 1430 г. привела к нарушению мира и началу военных действий между дядей и племянником.

Оба князя в 1431 г. отправились в Орду за ярлыком на великое княжение. Весной 1432 г. между Василием II и Юрием Дмитриевичем перед ханом Улу-Мухаммедом («царем Махметом») состоялся спор о ярлыке («Царь же повелев своим князем судити князей Русских, и много пря бысть межи их») [1, с. 249]. Московский летописный свод конца XV в. достаточно подробно разбирает аргументы сторон. Так, «князь великы по отечеству и по дедству искаше стола своего», т. е. Василий II апеллировал к обычаю наследования от своего отца и деда и никаких документов не приводил. Зато более основательно подготовился дядя великого князя: «князь же Юрьи летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея». Как видим, Юрий Дмитриевич, помимо подлинника завещания Дмитрия Донского, для обоснования своих прав на великокняжеский престол привлек летописи и «старые списки» (вероятно, списки завещания). Интересы великого князя в Орде отстаивал московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Летопись донесла до нас обращенную к хану уникальную речь этого боярина, сказанную в защиту прав Василия II: «Государь, волны царь, ослободи молвити слово мне, холопу великого князя. Нашь государь великы князь Василей ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком, а се твое жалование перед тобою. А господин нашь князь Юрьи Дмитреевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен во своем улусе, кого въсхощешь жаловати на твоей воле. А и государь нашь князь велики Василей Дмитреевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василью, а по твоему

жалованию волного царя, а уже, господине, которой год сидит на своем столе, а на твоём жаловании, тебе, своему государю, правясь, волному царю, а самому тебе ведомо» [1, с. 249]. Как явствует из речи, Юрий апеллирует к завещанию Дмитрия Донского, однако завещание Василия I нарушило его. Боярин И. Д. Всеволожский это признает, но указывает на милость хана: как тот решит, так и будет. Итак, воле Дмитрия Донского, выраженной в завещании («мертвой грамоте»), противопоставляется воля живого хана (правителя Золотой Орды), которая выступает в качестве источника права. Именно этот аргумент в юридическом споре оказался решающим. Поскольку ордынские ханы рассматривали великое княжение Владимирское как свой улус, а московские князья суверенитет Орды над собой признавали, подчеркнутая лояльность Василия II ханской воле определила победу племянника над дядей. Тем более, что Василий II, получивший от отца великокняжеский престол в 1425 г., уже седьмой год его занимал «по... жалованию волного царя». Само пожалование княжения ордынские правители оформляли ярлыками, а налоговая зависимость от Орды отражалась в дефтерах.

Улу-Мухаммед не только дал великое княжение Василию Васильевичу, но и повелел князю Юрию Дмитриевичу вести коня великого князя («и конь повести под ним») [1, с. 249], что указывало на подчиненное положение князя. Обычай вести коня государя, отражавший вассальное положение того, кто ведет коня, по отношению к тому, кто сидит на коне, был достаточно распространенным в Средневековой Европе. Так, «Саксонское зеркало» провозглашало: «Папе предназначено ездить верхом в положенное время на белом коне, и император должен держать ему стремя, чтобы седло не сползло» [2, с. 16]. Впрочем, Василий II не захотел дальнейшего унижения дяди: «Князь же великы не восхоте того, дядю своего обечестити» [1, с. 249–250].

Данный династический кризис и последующие попытки захвата московского престола Юрием Дмитриевичем и его сыновьями привели Василия II к решению создать институт соправительства, который бы предусматривал провозглашение великим князем не только действующего правителя, но и его наследника, что должно было защитить порядок престолонаследия от посягательств со стороны иных претендентов. Впервые в истории московского княжеского дома великим князем наряду с Василием II был провозглашен его сын Иван, что, скорее всего, произошло в период между летом и осенью 1448 г.

[7, с. 106]. Институт соправительства продолжился при Иване III и его сыне Иване Молодом. Последний упоминался великим князем вместе с отцом с 1471 г. [7, с. 112]. Смерть Ивана Ивановича Молодого в марте 1490 г. поставила Ивана III перед необходимостью выбора нового наследника. Упоминавшиеся выше события 1498 г. и 1502 г. отразили сложности определения монархом достойного наследника.

К тому же после падения Ордынского ига в 1480 г. исчез ограничивавший великокняжеское завещание суверенитет Орды над Русью. Теперь великий князь был вправе самостоятельно назначать себе преемника.

Итак, петровский закон о престолонаследии 1722 г. восстанавливал тот порядок наследования престола, который сложился у московских государей в XIV–XVI вв. и основывался на великокняжеских завещаниях. К наследованию по закону, в основе которого был положен обычай, перешли в конце XVI в., что совпало с прекращением правящей династии. Избранная в 1613 г. на Земском соборе новая династия для правового обоснования уже не нуждалась в передаче престола по завещанию. Устав о престолонаследии 1722 г. вновь отдал приоритет наследованию по завещанию над наследованием по закону. И хотя указом Верховного Тайного совета от 26 июля 1727 г. Устав 1722 г. был изъят «из присутственных мест и у частных лиц», т. е. отменен, но уже Манифестом от 17 декабря 1731 г. Устав вновь был восстановлен [3, с. 496]. Попытка старой родовой аристократии, чьим оплотом являлся Верховный Тайный совет, вернуться к допетровскому порядку престолонаследия не получила поддержки со стороны императрицы Анны Иоанновны. Однако акт Павла I о порядке престолонаследия от 5 апреля 1797 г. отменил Устав 1722 г. и нормативно установил наследование престола по закону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. — М. — Л., 1949.
2. Саксонское зеркало: памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В. М. Корский. — М., 1985.
3. Февраля 5. Устав о наследии престола // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 6 (1720–1722). — 1830. — № 3893.
4. Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. — Новосибирск, 1991.
5. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. — Л., 1989.
6. Кросс Р. Прецедент в английском праве. — М., 1985.

7. Мельников С. А. Историко-правовые факторы эволюции Древнерусского государства (IX—XV вв.). — М., 2010.

8. Шайрян Г. П. О порядке династического престолонаследия в начале XX в. // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 6 (150).

9. Шпаковский Ю. Г. Битва за престол // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6.

УДК 340.114.5

Третьякова К. В.,

канд. юрид. наук,

доцент каф. общетеоретических правовых дисциплин

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье представлено обоснование положительного потенциала православного нравственно-социального учения в преодолении деформаций правосознания. С православной точки зрения искаженному правосознанию противопоставляются следующие положения: правовому нигилизму — понимание созидательной роли права в обществе, правовому идеализму — осознание греховности мира, правовому педантизму — памятование о сути и цели закона, правовому дилеттантизму — добросовестное выполнение своих обязанностей, правовому конформизму — неуклонное следование требованиям совести, правовому nonконформизму — принцип служения, правовому инфантилизму — правовая активность, правовому прагматизму — учет общих интересов и высших ценностей.

Ключевые слова: правосознание, деформации правосознания, правовая теология, православное правопонимание, Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, православные ценности.

Tretiakova K. V.,

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor at the Department

of the General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch

of FGBOU VO "Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev"

ORTHODOX VIEW OF THE DEFORMATIONS OF LEGAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The article presents a rationale for the positive potential of Orthodox moral and social teaching in overcoming deformations of legal consciousness. From an Orthodox perspective, the following principles are contrasted with deformed legal consciousness: legal nihilism — an understanding of the constructive role of law in society; legal idealism — an awareness of the sinfulness of the world; legal pedantry —

remembering the essence and purpose of the law; legal dilittantism — the conscientious fulfillment of one's duties; legal conformism — unwavering adherence to conscience; legal nonconformism — the principle of service; legal infantilism — legal activism; and legal pragmatism — consideration of common interests and higher values.

Keywords: legal consciousness, deformations of legal consciousness, legal theology, Orthodox legal understanding, Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, Orthodox values.

Правосознание является важной темой науки теории государства и права, так как во многом от уровня его развития зависит качество, содержание и эффективность функционирования правовой системы, а в конечном итоге — состояние правопорядка. Как справедливо замечают С. Б. Глушаченко и Е. А. Агеева: «Укрепление правопорядка — одна из значимых задач, которые стоят перед обществом, одно из главных направлений деятельности государства» [1, с. 68]. Актуальность темы правосознания подтверждает то, что она являлась предметом многочисленных исследований (В. П. Малахов, Р. С. Байниязов, А. И. Иванчак, Е. А. Певцова и др.). Большое внимание при этом уделяется деформации правосознания, которая негативным образом влияет на правореализацию. Данной теме были посвящены труды В. Р. Петрова, Е. В. Струговой, С. А. Ермолаевой, С. И. Захарцева, В. П. Сальникова, Ш. К. Хасанова и др.

Глубоко и многосторонне тема деформации правосознания была раскрыта в работах профессора Г. Г. Бернацкого. Деформированное правосознание Георгий Генрихович определяет как «искаженное правосознание, выраженное в неверных взглядах, идеях, теориях, чувствах о справедливом и несправедливом, законном и незаконном, правовом идеале» [2, с. 43]. Такие искажения, по мнению ученого, часто представляют собой крайности в восприятии правовой реальности, приводящие к негативным социальным последствиям.

Следует заметить, что в рамках науки теории права почти не уделяется внимания тому, что приводит к искажению правосознания. Однако устранение деформаций, исцеление болезни, образно выражаясь, проходит тем эффективней, чем больше известно о причинах, к ней приводящим. Очевидно, что причины деформации правосознания могут лежать в различных областях, например, в самой правовой реальности. Так, столкновение с несправедливостью, формальностью, например, при взаимодействии с государственными служащими может повлечь разочарование человека в правовой

системе. Также негативные политические, экономические явления могут приводить к искаженному восприятию правовой реальности, которая регулирует эти политические или экономические отношения. Помимо социально-экономических и собственно правовых причин возможны и *нравственные причины* деформации правосознания, обусловленные искажением нравственного сознания человека, характеризующегося самовлюбленностью, распушенностью, порочностью, безответственностью и проч.

Выявление причин деформации правосознания может помочь в устранении или в уменьшении данного негативного явления. Профессор Бернацкий предложил оригинальный путь снижения негативных последствий данного явления посредством привлечения лиц с соответствующими особенностями правосознания к таким видам работ, при которых их недостатки станут преимуществами. Например, правового нигилиста включать в проверочные комиссии: «нигилист, пожалуй, лучше других выявит нарушения в проверяемой организации» [2, с. 44]. Однако данный путь — только ослабление данного негативного явления, оперативный выход для руководителей, но не стратегия государства.

Одним из способов устранения деформаций правосознания является правовое образование. При этом под правовым образованием понимается, как и в педагогике, двуединый процесс правового обучения (просвещения) и правового воспитания. Обычно в юридических работах на методах *правового воспитания* останавливаются вскользь, подменяя его правовым просвещением, хотя именно правовое воспитание обладает самостоятельным потенциалом по влиянию на правосознание, изменению правовых установок и взглядов личности. Правовое воспитание по сравнению с правовым обучением является более глубоким процессом, хотя и менее подверженным количественному измерению, но связанным с глубокой перестройкой личности, трансформацией ценностной системы человека.

Еще большим потенциалом обладает нравственно-правовое воспитание, основанное на православных ценностях. В многочисленных научных работах продемонстрирована глубокая связь между традиционными для русской культуры духовно-нравственными ценностями и православным мировоззрением. Например, А. И. Овчинников замечает, что «правовые традиции русского народа связаны с православным мировоззрением» [3, с. 15]. Это отмечено также в п. 6 Указа

Президента России от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [4].

Поэтому естественно ожидать, что православный взгляд на социальные отношения, в частности, на правоотношения может обладать значительным потенциалом для улучшения механизма правового регулирования и правоприменения через повышение правовой культуры. Именно в сфере воспитательной деятельности обнаруживается близость нравственных и правовых установок. Следовательно, допустимо предположить, что православное мировоззрение может стать ценностной основой для воспитательного воздействия на личность для нивелирования искажений правосознания.

Таким образом, целью статьи является обоснование положительного потенциала православного нравственно-социального учения для сдерживания развития нравственно обусловленных деформаций правосознания.

Первым искажением правосознания, выделяемым профессором Бернацким, является *правовой нигилизм*. При этом Георгий Генрихович различает активную и пассивную формы нигилизма. «Пассивный нигилист не верит в возможности права, отрицает его позитивную роль в обществе» [2, с. 44]. Активный нигилист «выставляет закон в дурном свете, порочит его, глумится над ним, высмеивает тех, кто ведет себя законопослушным образом... Нигилист — во всём нигилист: и в нравственности, и в религии, и в праве» [2, с. 44]. В данном случае часто наблюдается пренебрежение человеком любой нормативной системой, правилами, а в конечном итоге — любой иерархией и интересами других людей.

Напротив, православный взгляд на правовые явления позитивный: он исходит из необходимости и *пользы* существования государственных законов, которые обеспечивают правопорядок и защиту людей и общества от разрастания пороков и нравственной деградации. Как подчеркивается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, государство рассматривается «как необходимый элемент жизни в испорченном грехом мире, где личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха» [5, III.2], соответственно, «анархия... и попытка ее установления противоречат христианскому миропониманию» [5, III.2].

Полный же отход от нравственных принципов, неверие ни во что, следование только своим похотям и страстям искажает не только правосознание, но уродует всего человека и вслед за этим общественную сферу, создает предпосылку для создания законов, противоречащих фундаментальным принципам нравственности, а также возможность неправовой деятельности государства [6, 66]. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви подчеркивается опасность восприятия права как произвольно созданной человеком системы, когда «законно и полное отрицание нравственной нормы, если такое отрицание одобряется обществом» [5, IV.7], например, когда речь идет о легализации абортов.

Профессор Г. Г. Бернацкий отмечает: «Правовой нигилизм не следует смешивать с психологией людей, которые формировались в культуре восточных цивилизаций» [2, с. 45]. В таких цивилизациях, подчеркивает ученый, главное — «сохранять согласие и мир между людьми. Надо снимать противоречия не формальным законом, а компромиссом» [2, с. 45]. Данный взгляд на приоритет мирного урегулирования спора также близок христианскому мировоззрению, основанному на нивелировании конфликтов. В Евангелии Спаситель дает наставление: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя... пойдй прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5:23–24).

Правовой идеализм — «приписывание праву способности решить любые проблемы государства, общества, личности... Идеалисты не понимают, что возможности правового регулирования общественных отношений ограничены» [2, 45].

Православному правосознанию не присущ идеализм: несмотря на наличие идеалов, существует понимание, что в условиях *земного* грешного мира он недостижим. Различные пороки и страсти являются основными руководящими силами этого мира. Поэтому есть осознание невозможности создать как совершенное законодательство, так и осуществить идеальную правоприменительную практику «без воцерковления полноты жизни, то есть без полной победы над грехом... А победа эта возможна лишь в эсхатологической перспективе» [5, IV.5], то есть после Второго пришествия Христа. Также в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви подчеркивается неидеальность юридических инструментов даже в самых благоприятных условиях, например, в кодификации, выполненной при императоре

Юстиниана, христианине-интеллектуале. Так, в Основах указывается, что даже в кодификации христианского императора присутствовало понимание границы, «отделяющую порядок мира сего, который и в христианскую эпоху несет на себе печать падшести и греховной поврежденности» [5, IV.5]. Поэтому в земном мире государственно-правовое регулирование является лишь одним из инструментов, обеспечивающих развитие социума.

Правовой педантизм, по мнению Г. Г. Бернацкого, проявляется «как абсолютно строгое следование всем велениям закона без учета конкретных жизненных обстоятельств» [2, с. 46]. Ученый подчеркивает его различие с принципом законности, когда излишнее внимание уделяется *формальному* соблюдению процедуры в ущерб *содержанию*.

На наш взгляд, правовой педантизм может смыкаться с правовым нигилизмом, когда внимание к форме процедуры *подменяет* собой правовую цель и ведет к игнорированию того, достигается ли она. В крайних формах это может выражаться не просто в равнодушии к цели закона, но в противоречии между формой и содержанием, когда при формальном соблюдении правил и процедур, видимости законности, справедливость не восстанавливается, права и свободы человека и социальных групп не находят своей реализации. Как подчеркивается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, «в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился» [5, IV.3].

Православное мышление очень негативно оценивает данную ситуацию. Ярким проявлением такого отношения стало осуждение фарисейства, воплотившегося в точном следовании процедуре и закону о принесении жертв, но с выхоленной сутью, потерей памятования о предназначении закона (очищении от греха). Глубокое обличение Спасителем лицемерия содержится в главе 23 Евангелия от Матфея: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру... Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» (Мф. 23:23,25).

Святитель Игнатий Брянчанинов в своих Аскетических опытах объясняет, что Господь, обличая фарисеев, выносит «страшное осуждение

и отвержение от лица Божия всякой мнимой праведности человеческой, соединенной с осуждением ближнего» [7, с. 423]. Но данное высказывание касается не только праведности, но и права, так как в правоотношениях также первична справедливость, достижение правды, а процедура, форма — это только гарантия достижения справедливости.

У фарисеев, подчеркивают святые отцы, часто мотивацией тщательного соблюдения закона было не горячее желание угодить Богу, проявить милость к ближнему, а стремление к самолюбованию, почету, удовлетворению своего тщеславия и гордыни. Как продолжает рассуждать святитель Игнатий Брянчанинов: «Ты исполняешь некоторые наружные правила закона, и за это любишь себя собою... и не замечаешь исполнения великих, сокровенных добродетелей... незнатных твоему надменному, жестокому сердцу» [7, с. 423].

В данном случае поднимается еще одна важная проблема формального или ненадлежащего выполнения своих обязанностей теми, кто по своей должности обязан заботиться о других, устраивая их жизнь, но вместо этого заботится только о своем благе, поедает имущество вдов и расширяет свои хранилища. «И не только Христос, но и пророки постоянно обвиняют их в хищничестве, в том, что начальники их не судят по правде... И ныне много подобных людей, которые снаружи украшены, а внутри исполнены всякого беззакония» [8, с. 405]. Святитель Иоанн Златоуст (347–407), яркий проповедник и богослов IV века, обличает таких предводителей, чтобы народ, «смотря на высокий сан книжников, не увлекся к подражанию им» [8, с. 400], не извращал закон, а стремился к обретению добродетелей.

«Бойтесь закваски фарисейской» (Мф. 16:6) — это предупреждение о большой опасности лицемерия, когда благие и правильные поступки — только личина. Именно фарисеи замыслили и организовали убийство Христа. «И ныне можно видеть, — замечает святитель Игнатий, — что фарисеи прибегают ко всевозможным изворотам, чтоб дела их, имеющие наружность добрых, блистали как можно ярче пред глазами людей, а злодеяния были извинены политической необходимостью, личиною правосудия и... прочими оправданиями, так обильно источающимися из сердца, наполненного лукавством» [7, с. 431]. Заканчивает святитель Игнатий свою мысль важностью неосуждения ближних и смиренного ношения своего креста.

Правовой дилетантизм, недостаток «должных знаний, профессионального опыта в работе» [2, 47], создает предпосылки для ошибок.

Для правовой деятельности такие ошибки и потери особенно чувствительны, так как касаются жизненных судеб людей, особенно если речь идет об уголовном процессе.

Православное мировоззрение осуждает лень, нерадивость в исполнении обязанностей, призывает к *труду и учебе*. Особенно наглядно это отношение выражено в притче о сеятеле, не все семена которого попали в добрую землю и принесли плод. Некоторые из семян упали при дороге, и их поклевали птицы (Лк. 8:5). Разумеется, речь в данном случае идет о высоком — способности вместить Слово Божие и построить свою жизнь на основе добродетелей: «упавшее при пути, это суть слушащие, к которым потом приходит дьявол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись» (Лк. 8:12). Святые отцы при толковании подчеркивают: «Те, которые подобны дороге, это — нерадивые, беспечные и ленивые» [9, 710], то есть как раз люди, не проявившие должной заботливости при сохранении и преумножении полученного знания. Как в нравственной сфере возможны лень и нерадение, так и к профессиональной сфере человек может относиться безответственно, не стремиться к качественному результату. Причина данной деформации правосознания лежит именно в нравственной, психической области человека, связано с уровнем развития его личностных, волевых, моральных качеств. Поэтому святые отцы, в частности, святитель Иоанн Златоуст, наставляют слушателей быть тщательными в исполнении своих обязанностей, причем всех, связанных и с духовным миром, и с материальным, земным существованием, не пренебрегая никакими из них: «Если будем одно делать, а о другом нерадеть, то не будет нам никакой пользы: так или иначе, все равно погибнем» [9, с. 712].

Правовой конформизм — это «установка на изменение своего поведения или мнения под давлением другого человека или группы людей вплоть до совершения правонарушения» [2, с. 47]. В политической истории известны случаи, когда не только отдельный человек, но и большие массы людей подстраивались под господствующую идеологию. Правосознание, имеющее дело с правовой системой как более формальной, внешней по сравнению с системой нравственной, более склонно к правовому конформизму. Безусловно, негативные последствия подобной деформации правосознания становятся тем очевиднее, чем больше государственно-правовое регулирование отношений отдалается от нравственных представлений о них. И в таких

условиях правосознание, основанное на православном вероучении, может быть голосом, поданным в защиту универсальных человеческих ценностей. Как подчеркивается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви: «Церковь... преподает людям нравственные заповеди, исходящие от Самого Бога, а потому не властна изменить что-либо в своем учении. Не властна она и умолкнуть... какие бы иные учения ни предписывались или ни распространялись государственными инстанциями... Церковь не раз в истории терпела гонения от врагов Христа» [5, III.5]. Христианская совесть всегда призывает человека оценивать поступки на весах добра и зла, ориентируясь на нравственные требования, а не на мнение большинства. Вообще способность человека отстаивать собственные ценности, несмотря на внешние обстоятельства и мнения людей, очень высоко ценится в православии. Феномен мучеников и новомучеников основан на таком следовании высоким принципам, сохранении верности идеалам.

Правовой нонконформизм, проявляемый в намеренном конфликте с мнением большинства и в крайнем индивидуализме, может иметь причину в деформации нравственного сознания, как отмечает Георгий Генрихович: «Часто поведение нонконформиста подогревается сильным чувством гордыни» [2, с. 48]. Обе деформации правосознания — это крайности, приводящие либо к воспроизведению неэффективных практик (конформизм), либо к затруднениям в работе (нонконформизм). Важен баланс между правовой активностью, инициативностью личности и умением сотрудничать, работать в команде. Для светского сообщества достижение подобного баланса и компромисса между интересами, мнением большинства и своим мнением не просто.

Противоядием правовому нонконформизму, в основе которого лежит эгоизм, может являться православный принцип служения. «Права нужны христианину прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к «подобию Божию», исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами», — подчеркивается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви [5, IV.7]. Восприятие своих прав и свобод как возможности послужить другим людям, Отечеству, семье предотвращает искажение нравственно-правового сознания, делая человека соработником в обществе.

Правовой инфантилизм — «неспособность субъекта реализовывать свои права в конкретных жизненных обстоятельствах в силу недостатка знаний, опыта или слабых волевых качеств» [2, с. 48]. Профессор Бернацкий подчеркивает неумение таких людей вступить в борьбу за свои права. У такого инфантилизма есть свои положительные стороны, отмечает исследователь, так как подобные люди незлобны, не способны к активному и сознательному причинению вреда. Однако именно *правовая активность* остается желаемым явлением для общества: реализация своих прав в различных сферах, инициативность, творчество, добросовестное служение. Именно последнее, то есть служение Богу и людям, ожидается от православных христиан: «Церковь призывает своих верных чад и к участию в общественной жизни» [5, I.3], не гнушаясь окружающим миром, не удаляясь от него.

В православии иллюстрацией правовой активности служит притча о докучливой вдове, которая не давала покою некоему неправедному судье, «который Бога не боялся и людей не стыдился» (Лк. 18:2). Но только чтобы избавиться от назойливой вдовы, он все-таки защитил её. Также Спаситель говорит о том, что Царство Небесное достигается усердием, «и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). То есть различная активность, не только духовная, но и социальная, в том числе по защите своих прав, приветствуется в Евангелии.

Правовой прагматизм основан на том, что право рассматривается «как средство для достижения своих эгоистических целей... все человеческие теории лишь инструменты... Оценивать их следует не с точки зрения истины или лжи, а по принципу... “выгодно — невыгодно”» [2, с. 49]. То есть в данном случае речь вновь идет не о восстановлении справедливости или правовом регулировании на началах справедливости и защите общих интересов, а о достижении личных целей конкретных людей или отдельных социальных привилегированных групп.

Профессор Бернацкий отмечает возникновение философии прагматизма в США в XIX веке. В Основах социальной концепции РПЦ также подчеркивается отход общества от высоких целей в это время, следствием чего стало появление принципа свободы совести (получившего развитие в XVIII—XIX веках). Этот принцип свидетельствовал о попытке вывести духовность из общественного дискурса, «об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности... к победе над грехом» [5, III.6]. Следствием полной победы философии прагматизма является полное

разъединение общества, когда каждая социальная группа преследует только свои интересы, забывая об общих, о компромиссе с другими группами. Конечным итогом становится распад общества, сопровождаемый гражданской войной, интервенцией и прочими страшными социальными потрясениями. Поэтому Президент России В. В. Путин постоянно подчеркивает, что сила народа в его единстве, в сохранении в том числе общей культуры и традиций, так как у народов России «базовые ценности являются общими» [10]. Кстати, ввиду этого 2026 год объявлен Годом единства народов России.

Осознание необходимости противостоять деформации правосознания в сторону прагматизма и утилитаризма привело к отражению значения традиционных ценностей не только в Указах Президента РФ, но и Основном законе [11, с. 51]. Внесение поправок в Конституцию РФ способствовало в том числе вербализации индивидуальных особенностей, самобытности российской государственности. Но, как замечает Ю. О. Хоршева, «закрепление таких особенностей в современном правовом механизме возможно только при одновременном внедрении новаторских идей и сохранении традиционных ценностей общества» [12, с. 145]. То есть важно нахождение баланса между формализацией правовых процедур, новациями и достижением высоких целей права.

В заключение хочется подчеркнуть, что православное учение обладает значительным, накопленным за две тысячи лет опытом по рефлексии и преодолению искажений нравственного сознания человека. Этот опыт, используемый в нравственно-правовом воспитании, может помочь глубже понять причины его деформаций и предложить модель правосознания, адекватную правовой реальности. Это «здоровое», реалистичное правосознание можно охарактеризовать следующими чертами: 1) осознание пользы и значимости правового регулирования, но его ограниченности нравственными рамками, целями права по защите свобод и восстановлению справедливости; 2) недопустимость на практике подмены целей права формализмом, нерадением, интересами узких социальных групп; 3) достижение баланса между общими и индивидуальными интересами, значимость практического осуществления служения; 4) правовая активность и социально значимое взаимодействие в обществе. Именно нравственно-правовое воспитание на основе православных ценностей может быть тем средством, которое сдерживает деформацию правосознания конкретных лиц и социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глушаченко С. Б., Агеева Е. А. Правосознание и вопросы повышения качества профессиональной деятельности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2022. — № 1 (81). — С. 68–71.
2. Бернацкий Г. Г. Деформированное правосознание: пути возникновения и преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2025. — № 1 (60). — С. 43–51.
3. Овчинников А. И. Духовно-нравственная легитимация права: мировоззренческий контекст // Философия права. — 2013. — № 1 (56). — С. 12–17.
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 08.02.2026).
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, приняты Архиерейским Собором 2000 г. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 08.02.2026).
6. Бернацкий Г. Г. Противоположные формы деформированного правосознания // Право и государство: культурологическое измерение: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2024. — С. 66–68.
7. Игнатий Брянчанинов, святитель. Полное собрание творений и писем: в 8 т. / Общ. ред. О. И. Шафранова. — 2-е изд., испр. и доп. — Т. 1. — М.: Паломник, 2014. — 656 с.
8. Златоуст Иоанн, святитель. Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга вторая. — М.: Сибирская Благовонница, 2016. — 649 с.
9. Иоанн Златоуст Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга первая. — М.: Сибирская Благовонница, 2016. — 734 с.
10. Открытие Года единства народов России // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79106> (дата обращения: 16.02.2026).
11. Бернацкий Г. Г. Традиционные духовно-нравственных ценности и идеология современного Российского государства // Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве: Сборник научных работ Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Тверь, 25 апреля 2025 года. — Тверь: Тверской государственный университет, 2025. — С. 45–53.
12. Хоршева Ю. О. § 6. К отдельным вопросам преемственности в развитии российской государственности // Федеративные аспекты развития конституционализма (к 100-летию Конституции СССР 1924 г.). — СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2024. — С. 145–149.

Трофимов В. В.,

*доктор юридических наук, доцент,
начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований,
профессор кафедры «Теория и история государства и права»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
профессор кафедры «Теория и история государства и права»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»*

О ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ИХ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Рассматривается роль права в социальной жизни, оценивается его регулирующий потенциал с точки зрения качества правовой формы и полноты юридического содержания. Ставится проблема создания, воспроизводства права и правового развития как процессов, которые необходимо изучать на постоянной основе и уметь ими управлять. Характеризуется факторный анализ права как способ своевременно выявлять закономерности правового развития и обращать их на службу законодателю. Проводится авторская классификация факторов правового развития, акцентируется внимание на наиболее значимых экономическом, культурном и идеологическом правообразующих и правопреобразующих факторах.

Ключевые слова: право, правообразование, правотворчество, правовое развитие, факторы правообразования и воспроизводства права, система факторов права, экономический фактор, культурный фактор, идеологический фактор.

Trofimov V. V.,

*Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Research Institute for State-Legal Studies,
Professor of the Theory and History of State and Law Department
of the FSBEI HE "Derzhavin Tambov State University",
Professor of the Theory and History of State and Law Department
of the FSBEI HE "Tambov State Technical University"*

ON THE FACTORS OF LEGAL DEVELOPMENT AND THEIR MODERN INTERPRETATION

Abstract. The role of law in social life is considered, and its regulatory potential is assessed in terms of the quality of the legal form and completeness of the legal content. The problem of the creation, reproduction of law and legal development is posed as processes that need to be studied on an ongoing basis and be able to manage them. The author characterizes the factor analysis of law as a way to timely identify patterns of legal development and turn them to the service of the legislator. The author's classification of the factors of legal development is carried out, attention is focused on the most significant economic, cultural and ideological law-forming and law-forming factors.

Keywords: law, legal formation, law-making, legal development, factors of legal education and reproduction of law, system of legal factors, economic factor, cultural factor, ideological factor.

В социальной жизни право выполняет очень важную роль, обеспечивая наряду с другими социальными регуляторами приведение общественных отношений в упорядоченное состояние, при котором участникам этих отношений не следует опасаться за свою безопасность, их субъективные права и законные интересы получают реализацию и имеют гарантии защиты, в свою очередь свои обязанности данные субъекты также выполняют, учитывая тем самым интересы других участников общественных отношений и государства, что в целом выражает необходимые состояния законности и правопорядка в обществе. Выполняя свои специально-юридические и общесоциальные функции, право как форма общественных коммуникаций находится в постоянном развитии, переходя вместе с обществом из одной своей фазы в другую, меняясь (трансформируясь) и в части формальных характеристик, и в части своего содержания.

Сами по себе процессы трансформации права происходят порой для большинства людей не всегда заметно, да и люди далеко не всегда имеют потребность «замечать» подобные изменения, если только они напрямую не станут затрагивать их интересы, но вместе с тем правовые изменения идут постоянно и непрерывно, что выступает главным диалектическим законом бытия, в данном случае правового бытия — находиться в процессе перманентного изменения и преобразования. Однако если основная часть общества может вполне и не фокусироваться на этих динамических процессах в праве, то государство обязано эти процессы правовых трансформаций контролировать и управлять ими, не допуская перехода правовых изменений в форму хаотичности и непредсказуемости, или неопределенности.

Собственно каждое цивилизованное государство, считающее себя правовым, вопросы права всегда рассматривает в качестве приоритетных, так именно посредством права, правовых средств могут осуществляться все властные и управленческие решения, реализовываться все национальные проекты и достигаться соответствующие цели. Иные способы, форматы и ориентиры развития общества и государства не будут правильными, так как не будут правовыми. Именно поэтому государственно-правовая система всегда начинается с создания права,

с процессов правообразования и правотворчества и продолжает функционировать на основе «запущенного в работу» механизма воспроизводства права.

Формирование и воспроизводство права — это социально обусловленные процессы. Социальная жизнь является объективным источником правообразования и правопреобразования, в том числе процессов правового творчества и правового воспроизводства. Социальный механизм действия этих процессов складывается на основе взаимодействия различных социальных факторов. Социальные факторы неравнозначны, при этом их набор в различные исторические эпохи может иметь определенную специфику. Как замечает С. Н. Овчинников: «Сложность исследования детерминации в правовой области социальной жизни объясняется наличием огромного числа детерминирующих факторов» [1, с. 37]. Новации, сообщаемые праву (его форме и содержанию) в каждом из периодов развития правопорядка вполне понятны и объяснимы, поскольку, как справедливо замечал еще В. М. Хвостов, «право не может оставаться неизменным. Изменения в его содержании вызываются и развитием потребностей, и изменением способов удовлетворения этим потребностям, и, наконец, стремлением исправлять те несправедливости, которые заключались в прежде сделанных решениях юридических вопросов. Право стоит в зависимости, как от условий экономической жизни, так и от прогресса в умственной культуре и в нравственных воззрениях» [2, с. 3].

В этом смысле осуществляя попытки управлять правовыми средствами (управлять правовой формой), тем самым управляя процессами, происходящими в обществе, конечно, следует знать и понимать те детерминирующие начала (факторы), которые складываются в общественной среде в определенный интервал времени, а фиксируя в правовом мышлении эти начала (факторы права), уметь извлекать из этого аналитические следствия (выводы), задавая на некоторое будущее время ориентиры для правового развития.

Сегодня в современной России мы стоим перед довольно сложными вызовами, которые адресует нам как окружающий человеческий мир (в лице недружественных стран, в виде их политических намерений, их экономической экспансии или санкционного давления и пр.), так и объективные процессы трансформации, связанные с природными, технологическими, социокультурными сдвигами. Все эти процессы и явления должны безусловным образом «схватываться» юри-

дическим и прежде всего правотворческим сознанием и получать адекватное отражение в позитивном праве, тем самым обеспечивая необходимый организационно-правовой климат в обществе. Эта задача сложная, но тем не менее она должна решаться органами публичной власти, главным образом, законодательной ветвью власти.

Факторы формирования и развития права, являющиеся внешними по отношению к праворегулирующей деятельности и предворяющими ее, ориентируют эту деятельность, ограничивают действия законодателя определенными рамками, придают этой деятельности научный характер и, влияя на нее, обуславливают и детерминируют основные элементы будущих правовых норм. Для субъекта правотворчества они выступают как факторы правотворческой деятельности, под которыми следует понимать явления социальной жизни, воздействующие в той или иной форме на появление правовых интересов (интересов, нуждающихся в правовом регулировании), на содержание правового акта в целом и правовой нормы, в частности, а также на процесс разработки, принятия, изменения или отмены конкретного правотворческого акта [3, с. 5].

В советской правовой теории (в особенности, в 1970–1980-е гг.) уделялось значительное внимание факторному анализу. «Факторы — необходимый продукт науки, находящейся в процессе становления и развития» [4, с. 120]. Были разработаны и апробированы теоретические подходы относительно их системы и разновидностей [5–8]. Это выступало, пожалуй, в качестве одного из наиболее стабильных сегментов теоретико-правового знания в целом. В процессе вхождения в данное «поле» теоретического анализа исследователю во многом оставалось лишь принять за основу сформулированные положения, поскольку в главном система факторов являлась долгое время практически неизменной, как по набору самих факторов развития права, так и по той их иерархии, которая, как правило, открыто в научных публикациях, а порой уже и негласно проводилась — экономический (материальный) фактор рассматривался как приоритетный и основной, все остальные факторы, в том числе культурный — рассматривались следом, в следующую очередь.

Такой в общих чертах была модель факторов права, определявшаяся главным образом философско-идеологической парадигмой марксистского материалистического подхода. И надо сказать, что по своей сути и сегодня эта модель вполне имеет право не только

на существование, но на первые позиции в числе иных социально-философских методологических моделей. Действительно, тезис, когда-то озвученный К. Марксом в своем произведении «Критика Готской программы» (1875), верен и поныне: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [9, с. 19]. Вместе с тем и здесь не исключается возможность для некоторой модернизации подходов.

С точки зрения современного научного мышления в системе социальных факторов не существует какого-либо одного преобладающего фактора [10]. Их всегда наличествует определенное множество. Они образуют своего рода параллелограмм сил, которым оказывается известное влияние на социальный объект, в данном случае — на правотворческую политику государства. «Современные подходы, — замечает А. А. Соколова, — в частности цивилизационный, объясняют процесс социальной трансформации действием не одного приоритетного фактора, а сложным механизмом социального взаимодействия многих. И право не может быть всецело изменено действием какого-либо единственного фактора, включая экономический» [11, с. 55–57].

«Право, — как отмечает Г. Дж. Берман, — не может быть всецело сведено ни к материальным условиям того общества, которое его порождает, ни к соответствующей системе идей и ценностей. Следует также рассматривать право и как самостоятельный фактор, как одну из причин, а не только один из результатов целого ряда общественных, экономических, политических, интеллектуальных, моральных и религиозных явлений. Первая задача социальной теории права сегодня, когда прошло уже почти полтора столетия после Карла Маркса и почти столетие после Макса Вебера, состоит в том, чтобы отойти от упрощенных концепций причинности права. Что бы там ни говорили философы о материализме и идеализме, с исторической точки зрения тот факт, что Гегель ошибался, думая, что сознание определяет бытие, вовсе не означает, что прав был Маркс, утверждая, что бытие определяет сознание. В истории, в реальной жизни ни одно из них не «определяет» другое, они обычно идут вместе. Ну а если это не так, то решающую роль играет по очереди то одно, то другое. В своем определении и исследовании права социальная теория права должна делать упор на взаимодействие духа и материи, идей и опыта» [12, с. 57].

С таких, в частности, комплексных (плюралистических) позиций оценивалась т. н. «организующая идея» как прообраз основных прин-

ципов государства и позитивного права, непосредственная интеллектуальная основа их возникновения и развития, во французской государственно-правовой науке. Как отмечает исследователь французской теории права второй половины XX в. К. И. Батыр, в качестве причин развития «идеи права» французские правоведы склонны были рассматривать различные равноценные, независимые начала (факторы), сформировавшиеся в различных сферах природы и общества. Оформление «идеи права» и основное направление ее эволюции оценивалось как проявление некоей равнодействующей параллелограмма сил, представленных различными факторами [13, с. 133].

Факторов развития права, действительно, очень много, думается их ровно столько, сколько существует жизненных сфер, с которыми право в силу тех или иных обстоятельств пересекается, возможно регулируя эти области жизни и одновременно испытывая от них то или иное влияние (природа, человек, экономика, социальная сфера, политика, наука, образование, культура и т. п.).

Вместе с тем, для того чтобы осуществить научный анализ факторов развития права, понять глубину и степень их влияния на правовое содержание и правовую форму, целесообразно ввести их в определенную систему, в том числе провести их научную дифференциацию [14].

Думается, в этой части первым и наиболее важным критерием стал бы аспект связи факторных начал права с человеком и его возможностями в отношении этих факторов — подвергаются ли эти факторы какому-либо влиянию со стороны человека, зависят ли они от его разума и воли или они намного сильнее и существеннее, чем воля человека и даже она вынуждена подчиняться этим жизненным силам. В этом случае, если тот или иной фактор развития права не зависит от сознания и воли человека, этот фактор является *объективным*, он действует помимо человеческого желания и воли и определяет развитие по самой природе вещей, этому влиянию по сути бессмысленно противостоять, его возможно лишь понять и согласно нему правильно и надлежащим образом приспособить все то, что от человека зависит, в том числе право в его единстве содержания и формы. Те же факторы, которые опосредуются человеческой волей как волей главного субъекта общественных отношений, эти факторы можно считать *субъективными*.

В свою очередь внутри объективных и субъективных факторов развития права также можно провести определенную градацию

по степени значимости данных факторов применительно к динамике права и разделить их на две группы: *основные* или *внешние* по отношению к правотворческой системе, которые обуславливают возникновение проблемной правовой ситуации и оказывают влияние на содержание правотворческого решения (могут быть как объективные, так и субъективные), и *обеспечивающие*, вспомогательные, или *внутренние*, складывающиеся непосредственно внутри системы правотворчества и связанные с обеспечением надлежащих условий для осуществления процесса деятельности по выработке тактики и стратегии правотворчества (тоже могут быть и объективные по природе, и субъективные). При этом нужно иметь в виду, что в ряду основных факторов, как внешних по отношению к правотворчеству, объективных начал существенно больше по удельному весу, чем субъективных (экономика, политические реалии, естественные законы жизни и пр.), в свою очередь среди обеспечивающих (или внутренних по отношению к правотворчеству) факторов субъективное начало конечно начинает несколько превалировать, хотя некоторые факторы этой группы все также сохраняют объективную природу (например, сложившиеся модели и практики функционирования системы правотворчества, правотворческие традиции и т. п.).

Главное место среди основных объективных факторов развития права все же, на наш взгляд (как бы мы не стремились видеть в этом качестве нечто иное — например, человека как ценность, или культуру общества и пр.), занимает *экономический фактор*, выражающий условия и требования развивающейся экономики. Уже следом в подсистеме основных объективных факторов, наряду с экономическим началом, следом за ним, следует учитывать социокультурный, экологический, географический, национальный и интернациональный, демографический и человеческий факторы. Основные факторы влияют на содержание правотворчества и процесс правового развития не непосредственно, а через ряд основных субъективных факторов. В их числе можно выделить: политико-правовой, идеологический, культурно-образовательный, моральный, идейно-психологический факторы. Другая структурная часть системы факторов правотворчества и правового развития может быть представлена факторами, обеспечивающими надлежащее осуществление правовой политики в области правотворчества, собственно правотворчества с использованием соответствующих средств юридической техники и юридических техно-

логий (внутренними обеспечивающими факторами). К таковым из числа объективных относятся: системно-организационный фактор, юридико-технический, юридико-технологический, информационный, цифровой, научный, программирующий и др. [8, с. 79–80], из числа субъективных — персонально-деятельностный, медицинский, возрастной, гендерный, личностно-психологический, компетентностно-образовательный, фактор уровня правотворческой культуры субъекта правотворчества, фактор позитивной ответственности лица, осуществляющего правотворческие действия, и др.

При понимании закономерностей правового развития, природы правового содержания прежде всего конечно следует обращать внимание на экономический фактор. В этом ключевая суть доктрины марксистского правопонимания, основу которого составляют помимо прочего такие фундаментальные положения-принципы, как 1) признание права как формы экономических отношений и 2) точное соответствие права содержанию экономических отношений [15, с. 19]. Изначально его структура определяется экономическими отношениями собственности. Приоритет одной из форм собственности либо их баланс и равная правовая защита по отношению к любой из них обуславливают вектор развития правовой системы в целом, а также ее отдельных элементов в частности. В советское время приоритет отдавался общественной форме собственности. Этим определялся дисбаланс в развитии права в сторону меньшего внимания и меньшей разработанности норм частного права. Сегодня, когда в Конституции РФ (ч. 2 ст. 8) гарантируется право частной собственности наравне с другими формами, область частного права постоянно расширяется и совершенствуется.

Характеризуя конституционные основы современных российских социально-правовых процессов, на экономический аспект проблемы обращает внимание Т. Я. Хабриева, по сути подмечая, как возможно корректировать действие экономического фактора в интересах общества: «В условиях современного общества в связи с решением вопросов экономики на первый план выдвинулась проблема соотношения рынка и государственного регулирования и, как следствие, отражение этих связей в конституции. В действующих основных законах она решается неодинаково, хотя в целом господствует определенная тенденция, которая не была воспринята создателями российской конституции». *(Имеется в виду то, что на первый план была выдвинута идея*

«свободы рынка» с некоторым принижением экономической роли государства. — В.Т.). Однако, как справедливо замечает автор: «В современных условиях, а следовательно и в конституциях, речь не может идти об абсолютно свободной рыночной экономике. Государство должно корректировать стихию рынка, социальную ориентацию которому задает прежде всего государственная власть» [16, с. 18].

В то же время частная собственность на средства производства определяет деление общества на социальные классы, один из которых обладает этим правом собственности на данные средства производства (класс капиталистов), а другой класс — этим правом не обладает, является классом несобственников средств производства (классом трудящихся). Объективно складывается ситуация таким образом, что первый класс является господствующим, так как именно ему принадлежат основные материальные ресурсы, а другой класс находится в подчиненном состоянии, а потому от него в меньшей степени что-либо зависит, его интересы учитываются только после того как были учтены господствующего класса. И было бы наивно предполагать, что в правовой форме эта же пропорция юридически значимых интересов не получает так или иначе выражения. При таком общественном устройстве право как форма общественных отношений начинает главным образом выражать интересы господствующего класса, что отражается на содержании социально-экономических прав (например, трудовых прав), на содержании прав на здравоохранение, на образование, субъективная реализация которых ставит в зависимость от того, что будут реализованы права на получение экономической выгоды тех, кому принадлежат средства производства в области здравоохранения или образования. Поэтому какие-либо чаяния вернуть качественную и полноценную медицину или качественное высшее образование советского образца будут во многом лишь мало реализуемыми пожеланиями, так как при существующем общественно-экономическом устройстве, «завязанном» на частном капитале (причем, как правило, крупном монополистическом частном капитале) это объективно невозможно, так как вернуть это можно только вернув в практику социалистический строй или строй, при котором существует частный капитал на мелкое и среднее производство (производство и переработка аграрной продукции, легкая промышленность, сфера услуг и пр.), а крупный олигархический капитал государством пресекается и в принципе не допускается, на ключевые же ресурсы (земля, недра) и крупные

производства (военно-промышленного назначения) государство сохраняет за собой право собственности.

«Экономические предпосылки формирования права — это та “определенная, обуславливающая среда”, в которой складываются правовые нормы...; это тот объективный элемент общественного развития, от которого в конечном счете зависит содержание основных политических и правовых требований, норм и институтов права» [17, с. 7–8]. Это объективная закономерность, которая практически не подчиняется субъективному влиянию, а потому именно экономические основы определяют по сути все строение и содержательное наполнение права. При капиталистическом устройстве (когда основная форма собственности — частная) оно будет выражать интересы капитала (а все попытки как-то «облагородить» государственно-правовую систему, привести ее к форме «социального государства» будут выглядеть скорее имитацией и принципиально мало что смогут решить в части социальной справедливости или равного доступа к материальным благам в обществе), при социалистическом (когда основная форма собственности — общественная или государственная) — интересы народа в целом.

В социальной и государственной жизни выбор той или иной формы принадлежности материальных благ в обществе и государстве — это так или иначе определенная ответственность общества, его наиболее пассионарной части. И этот выбор, думается, далеко не предопределен на века. Возможны всегда альтернативы, надо лишь более рационально и думая о будущем народа подходить к выбору подобной формы развития. В этом смысле нельзя не согласиться с коллегами Е. А. Агеевой и Г. Г. Бернацким, которые верно, на наш взгляд утверждают, что «нет одной наиболее эффективной формы собственности на все времена, для всех стран и в любых условиях. У каждой формы собственности есть граница применимости, или мера эффективного действия, за которой она становится уже неэффективной или даже опасной для общества» [18, с. 4], апеллируя к смешанной экономике. Единственное, если иметь в виду такую смешанную экономику как основу общественного и государственно-правового, необходимо, на наш взгляд, чтобы данный синтез разных экономических начал был сбалансированным и не содержал те перекосы, которые мы порой наблюдаем в современной российской практике, что получает отражение в государственном и муниципальном управлении и правовых актах.

Чтобы искомый баланс осуществлялся, требуется наличие и действие другого важного фактора правового развития, о котором говорил еще К. Маркс в приведенном ранее его высказывании, — культурное развитие общества или *культурный фактор*, который также с определенного момента становится объективным (хотя имеет и субъективные свои проявления) и также безусловно на уровне национального кода влияет на все процессы и явления, в том числе способен влиять на государство и право.

Социокультурными условиями (как объективным аспектом культурного фактора) формирования государственно-правовых институтов можно считать наличие в глубинной структуре общества государственно-правовых традиций, общезначимых и общеобязательных правил поведения, определяющих права и обязанности членов социума и «выступающих в качестве общезначимых ценностей, своеобразных культурных кодов, способных властно воздействовать на поведение субъектов» [19, с. 229].

Культурно-образовательный фактор (как субъективный аспект культурного фактора) государственно-правового развития отражает особенности культурного развития и образовательного уровня населения (граждан) и должностных лиц, их правовую осведомленность и компетентность, их правовую и правотворческую культуру [20]. Не случайно проблему «образования права» рассматривал в связи с «ростом культуры и гражданственности» первый русский социолог М. М. Ковалевский [21, с. 83].

Говоря о системе факторов развития права следует также остановиться на таком важном основном субъективном факторе, как *идеологическом факторе*. Идеология как система взглядов, идей, способных силой своего убеждения определять развитие государства и общества, ориентировать это развитие и наполнять его главным смыслом, выступает для государственно-правовой жизни компасом и метрономом одновременно, позволяя государству в наиболее экзистенциальные моменты существования делать верный выбор и достойно встречать сложные вызовы современности. Для права как орудия государства в управлении обществом и сбережении его от различных рисков такая идеология становится духовной основой и стрелком, пронизывающим все его элементы, включая самые минимальные и предельные (в частности, имея в виду нормативно-правовые предписания как минимальные смысловые части текста нормативного правового акта). Поэтому

верно указывает Г. Г. Бернацкий: «в государстве должна быть государственная идеология» [22, с. 47]. И если такая конструктивная идеология будет в государстве, то и в праве она получит свое отображение, обеспечивая для права устойчивую идейную базу.

Таким образом, можно сделать вывод, что факторный анализ правового развития (в частности, на примере выделенных в данном материале основных объективных и субъективных факторов) позволяет устанавливать в этом развитии те или иные ключевые позиции, понимать сильные и слабые стороны правовой динамики и соответственно своевременно реагировать на возникающие проблемные аспекты, осуществляя на основе научного подхода соответствующие корректировки правовой формы и правового содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинников С. Н. Принцип детерминизма в методологии правоведения // Правоведение. — 1984. — № 2. — С. 35–39.
2. Хвостов В. М. История римского права. — М.: Московское Научное издательство, 1919. — 474 с.
3. Поленина С. В. Социальные аспекты законодательной деятельности // Советское государство и право. — 1981. — № 11. — С. 3–10.
4. Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. — М.: Госполитиздат, 1960. — 200 с.
5. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. — М.: Прогресс, 1974. — 256 с.
6. Научные основы советского правотворчества / под ред. Р. О. Халфиной. — М.: Наука, 1981. — 317 с.
7. Поленина С. В., Куманин Е. В. Социальные аспекты правотворчества и реализация права // Советское государство и право. — 1984. — № 8. — С. 12–19.
8. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. — М.: ИГП РАН, 1996. — 180 с.
9. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 9–32.
10. Ойзерман Т. И. Не пора ли позитивно переосмыслить полузабытую «теорию факторов»? // Социологические исследования. — 2004. — № 4. — С. 3–15.
11. Соколова А. А. Социальные предпосылки формирования права // Проблемы теории права и государства, истории политико-правовой мысли. Сборник работ учеников, друзей, коллег профессора Олега Эрнестовича Лейста. — Алматы, 2005. — С. 55–68.
12. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Московского университета; Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. — 624 с.
13. Батыр К. И. Проблема «идеи права» в современной буржуазной историко-правовой литературе Франции // Труды ВЮЗИ. Т. 54. — М.: ВЮЗИ, 1977. — С. 132–152.

14. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. — М.: Норма, 2012. — 400 с.

15. Сырых В. М. Конфликт ведущих теорий права в российском правоведении: прошлое, настоящее и будущее // Государственно-правовые исследования. — 2022. — № 5. — С. 13—23.

16. Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. — 2008. — № 12. — С. 15—23.

17. Правотворчество в СССР / Под ред. А. В. Мицкевича. — М.: Юрид. лит., 1974. — 319 с.

18. Агеева Е. А., Бернацкий Г. Г. Альтернативы в современной экономике // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. Санкт-Петербург, 9 апреля 2020 г. / под науч. ред. канд. юрид. наук, доцента Н. А. Крайновой. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. — С. 3—7.

19. Поляков А. В. Правогенез // Правоведение. — 2001. — № 5. — С. 216—234.

20. Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики. — М.: Проспект, 2026. — 184 с.

21. Ковалевский М. М. Социология. Сочинения. В 2-х т. / отв. ред. А. О. Бороноев. Т. 1. Социология. — СПб.: Алетейя, 1997. — 287 с.

22. Бернацкий Г. Г. Традиционные духовно-нравственные ценности и идеология современного Российского государства // Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве: сборник научных работ / отв. ред. — д. ю. н. Н. А. Антонова. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2025. — 205 с.

УДК 347

Трубецкая А. А.,

*ассистент каф. теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РФ

Аннотация. В данной статье даётся общая характеристика искусственного интеллекта, выделяемых видов искусственного интеллекта по признаку области использования и типу деятельности, на имитацию которой он направлен, приводятся результаты анализа того, какие из обозначенных видов имеют наиболее высокие перспективы применения во внутренних процессах деятельности судов. Делается вывод о том, что ответственность за вынесенное решение и потенциальные допущенные ошибки необходимо возлагать на судью, ввиду понимания искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента для осуществления профессиональной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, классификация ИИ, суд, судебная система.

PROMISING DIRECTIONS FOR THE USE OF AI ON THE EXAMPLE OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article gives a general description of artificial intelligence and allocated species by area of use and by the type of activity it is aimed at imitating, provides the results of an analysis of which of the indicated species have the highest prospects for use in internal processes of court activities. It is concluded that the responsibility for the decision and potential mistakes made should be assigned to the judge, in view of the understanding of artificial intelligence as an auxiliary tool for professional activities.

Keywords: artificial intelligence, AI classification, court, judicial system.

Стремительная цифровизация всех сфер жизни общества формирует благоприятную среду для создания различных вспомогательных инструментов, направленных на упрощение и автоматизацию однотипных действий или процессов. Внедрение технологий и автоматизированных алгоритмов в рабочий процесс упрощает деятельность частного сектора и демонстрирует различные перспективные направления его использования, которые могут быть взяты на вооружение и государственным сектором.

Одним из наиболее перспективных направлений представляется использование искусственного интеллекта (далее — ИИ), к которому прибегают при решении как бытовых, так и профессиональных задач. Такое повсеместное использование относительно нового инструмента нуждается как в создании законодательного регулирования, так и в осмыслении перспектив и этических границ его использования.

Стоит отметить, что на законодательном уровне, в соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024), под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности

человека или превосходящие их [1]. Таким образом, с точки зрения законодателя, для отнесения к ИИ созданная система (комплекс технологических решений) должна:

- имитировать когнитивные функции человека;
- получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Аналогичное определение искусственного интеллекта используется в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123, при этом дополнительно раскрывая, что комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения) и процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

В то же время конкретный вид ИИ, который может быть выделен в зависимости от области его использования или использованных при создании технологических решений [3], исходя из указанного определения, не будет оказывать значительного влияния на законодательное регулирование, что, в перспективе, означает применение одних и тех же норм как к ИИ, направленным на распознавание речи, так и к ИИ, направленным на создание и функционирование систем мониторинга, которые являются одними из наиболее часто выделяемых направлений использования ИИ [4]. Указанное обстоятельство в перспективе видится одной из глобальных проблем правового регулирования за счёт разного уровня потенциальной опасности в случае возникновения ошибки в работе разных видов ИИ.

При этом в научном сообществе классификация по области использования ИИ является далеко не единственной. Так, Б. Т. Акылбекова и М. С. Мулдагалиева в своих трудах выделяют следующие виды ИИ по типу деятельности, на имитацию которой он направлен:

- системы, мыслящие подобно человеку;
- системы, действующие как человек;
- системы, мыслящие рационально;
- системы, действующие рационально [5].

Законодательное закрепление ИИ в первую очередь как комплекса технологических решений заложило также и основу для разработки подхода к пониманию искусственного интеллекта в качестве инстру-

мента, а не самостоятельного субъекта правоотношений. Данная позиция получила поддержку и развитие в ряде нормативно-правовых актов [2; 6].

Таким образом, использование ИИ органами государственной власти как вспомогательного инструмента является наиболее перспективным путём применения и развития указанной технологии в государственном секторе. Помимо уже реализуемых в рамках исполнительной ветви власти проектов с применением ИИ, видится не менее перспективным его применения в деятельности судов.

В подтверждение перспективности указанного направления и заинтересованности государства в данном вопросе можно также привести и формирование рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему Совета судей Российской Федерации, первое заседание которой состоялось 04.04.2025 [7].

С учётом специфики задач, которые могут быть поставлены перед ИИ в указанной сфере, видится наиболее перспективным использование ИИ, направленного на имитацию именно человеческих действий, а не мыслей (система, действующая как человек). При этом предполагается, что использование системы, направленной на имитацию рациональных действий может не показать должного результата ввиду отсутствия в его алгоритме поиска решения ориентации на «человеческие» ценности или дополнительные социальные контексты.

Кроме того, на этапе оценки целесообразности внедрения ИИ в любую сферу деятельности необходимо произвести отграничение задач, требующих автоматизации рутинных процессов, от задач, требующих интеллектуальной деятельности и анализа. На это же обращают внимание и сами действующие судьи. Так, председатель Амурского областного суда О. Д. Васильев, говоря об уже применяемых судами во внутренних процессах цифровых инструментах на примере программы-конструктора протоколов по делам приказного производства, отмечает, что по своей природе такой цифровой инструмент не является ИИ, хоть и в значительной степени облегчает деятельность судов в 32 регионах РФ [7].

По итогам заседания рабочей группы также были выделены основные направления для внедрения ИИ во внутренние процессы деятельности судов:

1. Распознавание и анализ текстов, содержащихся в поступающих в суды документах. В данном случае ИИ может быть введён для

тестирования в рамках гражданского судопроизводства в качестве инструмента для автоматизации процесса обработки входящих документов как на бумажных носителях, так и в электронной форме. При достаточной проработке алгоритмов аналитические возможности ИИ в перспективе позволили бы заполнение внутренних баз данных первичной информацией о поступивших документах, а также выявление юридически значимых действий или важной для корректного рассмотрения дела первичной информации, что позволило бы судье потратить сэкономленное за счёт ИИ время на более глубокое изучение материалов дела.

2. Использование ИИ для текстового оформления основных тезисов показаний и позиций сторон и проведения проверки на отсутствие фактологических ошибок или описок, что также снизило бы в перспективе нагрузку на суды в части апелляций или обращений за исправлением описок.

При этом оба направления внедрения ИИ в судебный процесс ориентированы, как нам видится, на разработку и применение ИИ вида «системы, действующие как человек».

Кроме того, использование опыта уже существующей программы-конструктора протоколов для создания ИИ, чей исследовательский и аналитический потенциал позволил бы формировать проекты мотивировочной части более сложных судебных решений на основе уже существующих материалов дела, базы ранее вынесенных решений по аналогичным делам и личного решения судьи также имеет большой потенциал для последующего применения в рамках судебной системы.

Подводя итог, важно отметить, что и законодатель, и сами судьи признают необходимость цифровизации деятельности органов государственной власти и отмечают потенциал использования технологий не только для упрощения взаимодействия с гражданами, но и для автоматизации внутренних процессов. Однако применение ИИ стоит рассматривать в данном случае исключительно как вспомогательного инструмента, которому можно доверить решение типовых задач или подготовку шаблонов, в то время как именно за человеком остаётся основная работа и вынесение итогового решения. Применительно к судебной системе предполагается, что ИИ не будет формулировать решение, но позволит экономить время судьи и оформить письменный документ соответствующим образом, выполняя техническую работу

и оставляя достаточное количество времени для более глубокого изучения обстоятельств и материалов дела. Данный подход также соотносится с вопросом о распределении ответственности за принятие решения, который частично сформировался в судебной практике и подразумевает возложение ответственности на человека, ввиду понимания ИИ как вспомогательного инструмента для осуществления профессиональной деятельности. Также введение ИИ в качестве одного из постоянных инструментов судьи на практике потребует, на наш взгляд, внесения изменений, в первую очередь, в ГПК РФ, если эксперимент по применению такого особого инструмента покажет положительные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 41. — Ст. 5700.

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 № 123-ФЗ (последняя редакция) // Сайт Президента России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45475> (дата обращения: 15.02.2026).

3. Islas-Cota E., Gutierrez-Garcia J.O., Acosta C. O., Rodríguez L. F. A systematic review of intelligent assistants // Future Generation Computer Systems. 2022. Vol. 128. P. 45–62. <https://doi.org/10.1016/j.future.2021.09.035>

4. Вешнева И. В. Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. — 2023. — № 4.

5. Акылбекова Б. Т., Мулдагалиева М. С. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификации и способы разработки // Вестник науки. — 2025. — № 3 (84).

6. Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: Приказ Минздрава России от 11 апреля 2025 г. № 193н // Сайт Официальное опубликование правовых актов [Сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505150033> (дата обращения: 22.02.2026).

7. 4 апреля 2025 года состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему // Сайт Совет судей Российской Федерации [Сайт]. URL: <https://ssrf.ru/news/mieropriiatiia/56905> (дата обращения: 22.02.2026).

Цыбулевская О. И.,

*д. ю. н., профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства,
заслуженный работник высшей школы РФ
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина —
филиал РАНХиГС при Президенте РФ*

ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. С позиций аксиологического подхода рассмотрено взаимодействие права и морали, раскрыта системообразующая природа традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой картине России, показана роль юридической науки в преодолении ценностного вакуума, возникшего в предыдущие десятилетия.

Ключевые слова: правовая политика, ценность, право, мораль, междисциплинарность.

Tsybulevskaya O. I.,

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Theory of the History of Law and State,
Honored Worker of Higher School of the Russian Federation P. A. Stolypin Branch
of the RANEPА under the President of the Russian Federation*

HARMONIZATION OF SOCIAL REGULATORS AS A FACTOR IN STRENGTHENING RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Summary. From the standpoint of the axiological approach, the interaction of law and morality is considered, the backbone nature of traditional Russian spiritual and moral values in the legal picture of Russia is revealed, the role of legal science in overcoming the value vacuum that arose in previous decades is shown.

Keywords: legal policy, value, law, morality, interdisciplinarity.

Глобальные процессы, различного рода вызовы, катаклизмы геополитические изменения, происходящие на наших глазах, затрагивают все без исключения стороны ценностно-правовой картины мира. Изучение этих процессов требует взаимных усилий представителей различных наук социально-гуманитарного профиля. Государственно-правовая политика в сфере сохранения духовно-нравственных ценностей находится сегодня на переднем плане российского бытия.

В области юридической науки, как верно отмечает Г. Г. Бернацкий, философские теории играли и играют до сих пор исключительно важ-

ную роль. Поэтому право целесообразно рассматривать всегда в тесной связи с определённой философской школой, течением, направлением. При этом учёный обращает внимание на то, что та или иная философская теория выполняет для юриспруденции двоякую роль. С одной стороны, она выступает в качестве методологической основы, направляющей процесс научного познания права. С другой стороны, философская теория задаёт определённую систему ценностей и формирует идеологическую основу для юридических законов, для права в целом [1, с. 67]. «Этнологический, антропологический и культурологический подходы необходимы исследователю для изучения широкого комплекса юридической информации под углом зрения происхождения человека, жизни этнических общностей и развитием духовной сферы жизнедеятельности общества» [2, с. 24].

Взаимодействие права, морали, религии и политики будет определять в ближайшей перспективе правовой облик современной России. Анализ этих процессов предполагает тесное взаимодействие различных наук социогуманитарной сферы. Между тем, современная юридическая наука, по мнению Ю. Е. Пермякова, все более «закукливается, становится герметичной, автономной, по причине чего ее истинами за пределами учебных аудиторий и научных библиотек никто не интересуется: теоретические рассуждения мало чего объясняют в немыслимом многообразии практикуемых сегодня юридических решений [3, с. 13].

Все это требует глубокого научного осмысления. Значимость междисциплинарного подхода в свете изложенного трудно переоценить. Методологической установкой, позволяющей наиболее полно раскрыть возможности правовой политики как важнейшего инструмента деятельности государства в духовной сфере, должен быть синтез известных концепций правопонимания. Каждая из них, справедливо указывает В. В. Лапаева, «привносит что-то важное в копилку общечеловеческих знаний о праве, раскрывая ту или иную его грань» [4, с. 83]. Представляется верной точка зрения, согласно которой универсальных методов решения задач любого типа не существует. В зависимости от целей исследования акцент может быть сделан на философском, антропологическом, деятельностном, этическом или других направлениях научного поиска. Однако лишь в комплексе, взаимосвязи и взаимодействии они могут дать целостное представление о сложных феноменах [5, с. 44].

Междисциплинарность в самом общем виде можно понимать, как способ расширения научного мировоззрения, заключающегося

в рассмотрении того или иного феномена, не ограничиваясь рамками какой-либо одной научной дисциплины, как взаимодействие двух и более научных дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет, свою терминологию, свои методы познания. Сказанное в значительной мере может быть отнесено к исследованию духовно-нравственных ценностей, а также практической реализации государственной политики по их сохранению и укреплению — задаче, решение которой не терпит отлагательства.

Право и мораль — явления, приковывающие внимание представителей многих отраслей научного знания на протяжении веков. В переломные моменты истории в их взаимодействии как в фокусе отражаются насущные проблемы конкретного общества и человечества в целом. Исследователи этих сложных феноменов должны рассматривать их взаимодействие не только на теоретико-методологическом уровне, но и в прикладном ключе. И здесь мы обнаруживаем широкое поле совместной деятельности для представителей гуманитарных наук. Однако, как справедливо отмечает А. А. Гусейнов, «в нашей этике и, предполагаю, также в правовой науке, отсутствует перспектива, нет ясности в том, какова более широкая теоретическая конструкция, в рамках которой только и могут быть определены место морали и права, а также характер их взаимосвязи» [6, с. 195].

Среди многообразия подходов к пониманию взаимовлияния права и морали особо выделяется аксиологический подход (от греч. *axia* — ценность и *logos* — учение). Аксиологическое видение права предполагает отношение к нему как к элементу культуры. Нравственно-правовая культура — это резервуар, в котором хранятся национальные духовные и правовые ценности, обеспечивающие должный уровень правового состояния общественной жизни. Огромная роль в этом принадлежит языку. Естественные языки удивительным образом охватывают и выражают самые разнообразные области жизни, вбирая в себя огромную информацию о многовековой культуре народов. [1, с. 15].

Право и мораль являются важнейшей составляющей общекультурной нормативной системы. Включенные в социальный контекст они взаимодействуют, дополняют друг друга, обладая определенной автономностью. Очевидно, что право неотделимо от нравственности, от категорий свободы и справедливости, от самоценности личности. Право и мораль, используя свои методы, помогают друг другу в достижении общих целей. В реальной жизни их трудно разграничить,

однако было бы неверным трактовать любое право как абсолютно гармонирующее с моралью. Современные российские законы не всегда отвечают моральным критериям.

Аксиологический подход позволяет установить этическую ценность самого права. В ценностях воплощается сложившийся в обществе на данном этапе исторического развития идеал представлений о правильном, справедливом, гуманном общественном порядке, на поддержание которого и направлено правовое воздействие. Ценности напрямую связаны с интересами, как граждан, так и властных субъектов. Есть ценности, которые зависят от идеологии и представляют собой социально-идеологические маяки.

Выделение шкалы *духовно-нравственных ценностей* имеет непреходящее значение. Именно на их основе возможно взаимодействие и взаимообогащение культур. Традиционные духовно-нравственные ценности являются исторически обусловленной *матричной* основой российской правовой системы, присущей ей на каждом из этапов исторического развития [7, с. 41].

Морально-правовые ценности по праву могут претендовать на роль «цивилизационного кода» России. Они, как подметил Президент РФ — результат тысячелетней культуры православной веры, а также других религий, результат смешения и добросовестного взаимодействия национальных культур сотен народов, проживающих на территории Российского государства.

Наш «цивилизационный код», который так ненавистен тем, кто хочет поражения нашей стране, культуре пытались сломать в 1990-е годы. Насаждали чуждые нам ценности, в Россию хлынули весьма сомнительные образцы морали, не отобранные веками нравственной эволюции, многие из которых являются полной противоположностью традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества. Д. А. Керимов, известный отечественный философ и теоретик права, в начале нулевых с горечью отмечал: «Политическая элита до сих пор не в состоянии понять, что игнорирование величайшей российской духовности, не знающей себе равных в мире, не менее трагичны, чем развал экономики, армии, уничтожение культурных ценностей» [8, с. 23].

Утрата или обесценивание традиционных ценностей может привести к деструктивным и даже в перспективе опасным для государства и общества, может иметь множество вариаций и выражаться в возрастающем уровне ксенофобии, популяризации крайне левых или крайне

правых политических течений, дискриминации по различным признакам, диссидентству, абсентеизму, социальной нестабильности, низкому уровню общественной нравственности, повышению уровня преступности, снижению ценности человеческой жизни, возрастающей доле черного рынка в экономике и т.д [9, с. 84].

На это обстоятельство в свое время обратил внимание Судья Конституционного Суда Н. С. Бондарь: «Игнорирование социокультурной природы отдельных правовых систем может привести в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего лежит не сила права, а право силы и соответственно отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета» [10, 172]. Верность данного суждения подтверждено практикой.

Моральные ориентиры были утрачены не только народом. Еще в большей степени они утрачены элитой. Нравственный износ элиты, снижение уровня профессионализма уже сказывается и на общем моральном уровне населения. Спецоперация на Украине и западные санкции высветили целый спектр проблем российского общества, в том числе и морального порядка. Аморальным является расслоение общества на очень богатых и бедных. Доходы между 10% самых богатых граждан и таким же количеством бедных соотечественников различаются в 15,1 раза, отмечается в докладе Росстата «Социально-экономическое положение России» (январь 2025 г.) Этот разрыв продолжает увеличиваться. При этом граждане России передали более 22 млрд рублей пожертвований на нужды военнослужащих с начала боевых действий на Украине (подсчитал «Народный фронт»), тогда как благотворительная деятельность сверхбогатых людей оставляет желать лучшего. Между тем, собственность обязывает. Данные процессы не могут не отражаться на главной для россиян ценности, как отмечают социологи — чувстве справедливости [11].

Выйти из кризиса можно только путем обретения духовного равновесия, что предполагает гармоничное сочетание индивидуального и частного, баланс между материальными и духовными ценностями, возрождения культурных традиций, накопленных предыдущими поколениями, исторической памяти, формирующей особенности характера, благодаря умелой и продуманной национальной правовой политике.

Конституция РФ создает законодательную основу для всех нормативных правовых актов и регулирует важнейшие общественные отношения. Закрепление в ее тексте базовых духовно-нравственных ценностей усиливает их роль в обществе и гарантирует их особую поддержку и защиту со стороны государства. Эти положения также являются нормативно-правовой основой для разработки и принятия новых законодательных актов, направленных на формирование и защиту традиционных ценностей в Российской Федерации [9, с. 89]. Данное требование полностью соответствует Доктрине информационной безопасности. Так же, как и соответствует ей Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Возникла потребность в создании нормативного толкового Словаря традиционных российских духовно-нравственных ценностей. И такая работа уже проводится в Министерстве юстиции. На него будут опираться при разработке правовых актов. Общественность со своей стороны также видит своим долгом участвовать в этом процессе [12, с. 277].

Однако принять важный для общества нормативный акт мало, нужна его «правильная» реализация. И, чтобы не превратиться в «музей», традиционные ценности должны работать. Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 N1734-р (ред. от 04.04.2025) «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» на это и направлено. Подробный План мероприятий обращен к различным органам исполнительной власти. Он конкретизируется по мере реализации. Так, Постановлением Правительства № 532 от 24 апреля 2025 года к перечню функций Минздрава добавляется еще одна — сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. «Это — исключительно важная задача. Нам надо не только сохранить население, но и обеспечить его прирост» — отметила председатель Комитета Госдумы по делам семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Н. Останина. По ее мнению, важно, чтобы в этом направлении все ведомства работали слаженно [11].

Открытое провозглашение курса на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей знаменует новый этап в развитии российского права [13, с. 250–252]. Этой

идеей должна быть «пропитана» вся правовая система. Данный постулат призван быть приоритетным на каждом этапе правового регулирования. Сохранение и укрепление названных ценностей должно определять направленность всех правовых процессов, от правообразования до правореализации.

В заключение можно отметить, что, к сожалению, наука о праве, которая бы исходила в своем развитии из духовных национальных традиций, у нас пока отсутствует... В этом отношении отечественное правоведение еще должно проявить себя. Единая теоретико-правовой концепция традиционных духовно-нравственных ценностей, которая по своему характеру должна претендовать на роль новой парадигмы, основы формирования дальнейших доктринальных юридических разработок ждет своей очереди. Характеристика моральных оснований современного российского права может создать прочную гносеологическую основу, с позиций которой появится возможность выявить новые аспекты в правовой системе России, еще раз обозначить ее «цивилизационный код».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернацкий Г. Г. Введение в методологию юридической науки: учебное пособие. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — 113 с.
2. Кодан С. В. Междисциплинарный подход в методологии юридического источниковедения / Государственные и правовые институты в условиях современной экономики, VI Мальцевские чтения: международная научно-практическая конф. Под ред. Л. Е. Лаптевой, Е. Г. Лукьяновой. — М.: Изд-во «Проспект», 2020. — С. 18–26.
3. Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства. Антология научной мысли. — М., 2008.
4. Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. — Ярославль, 2004. — 76 с.
5. Пермяков Ю. Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006. — 248 с.
6. Гусейнов А. А. Мораль и право: характер связи // Lex Russica. № 11 (120) ноябрь 2016. — С. 193–196.
7. Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2023. — № 3 (63). — С. 39–43.
8. Керимов Д. А. О будущем отечественной юридической науки и образования // Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ», 19–20 апреля 2001 г. — М., 2001. — С. 23.
9. Абубикерова Ф. А. Конституционализация традиционных российских духовных ценностей // Вестник Поволжского института управления. — 2025. — Т. 25. — № 1. — С. 82–91.

10. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. — М.: Юрист, 2013. — 176 с.

11. В России выросло неравенство // Московский комсомолец, 12–18 марта 2025 года; [Русские рекорды / www.mk.ru].

12. Ингин И. А. Духовные скрепы России // Аргументы недели. — № 7 (955), 19 февраля 2025 года.

13. Чимаров С. Ю., Бородавко Л. Т. Актуальные вопросы юридикации государственной политики России по проблеме традиционных духовно-нравственных ценностей // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 2–2 (77). С. 250–252.

14. <https://www.pnp.ru/social/medikov-podklyuchili-k-ukrepleniyu-rossiyskikh-dukhovnykh-cennostey.html> 02.05.2025

УДК 340

Черников А. Э.,

*к. ю. н., доцент кафедры государственного права
РГПУ им.А.И. Герцена*

РЕЛИГИОЗНЫЕ КАНОНЫ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА)

Аннотация. В статье автором проведен антропологический анализ становления и развития мусульманского права. Проведен подробный причинно-следственный анализ источников мусульманского права в контексте их влияния на становление системы мусульманского права в целом, а также особенности европеизации мусульманского права разных стран.

Ключевые слова: религиозные каноны, мусульманское право, источники права, шариат, фикх, антропологический анализ, европеизация права, правовая система.

Chernokov A. E.,

*Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of State Law
Herzen State Pedagogical University of Russia*

RELIGIOUS CANONS AS THE SOURCE OF LAW (USING THE EXAMPLE OF MUSLIM LAW)

Abstract. The article presents an anthropological analysis of the formation and development of Islamic law. The author conducts a detailed causal analysis of the sources of Islamic law, examining their influence on the formation of the Islamic legal system as a whole. Additionally, the study explores the specific features of the Europeanization of Islamic law in various countries.

Keywords: religious canons, Islamic law, sources of law, Sharia, fiqh, anthropological analysis, Europeanization of law, legal system.

Исламское общество в Аравии начало формироваться в конце VI столетия под влиянием проповеднической деятельности пророка Мухаммада (570—632 гг.). Изначально арабский социум представлял собой конгломерат племен и кланов, связанных между собой общностью мест проживания, хозяйственным укладом (кочевое животноводство) и кровно-родственными отношениями. По своим религиозным верованиям большинство кочевников-арабов относилось к политеистам (поклонение звездам и камням-идолам). Как отмечает прот. О. Корытко, главная Аравийская святыня располагалась в городе Мекка, и называлась Кааба — это кубической формы святилище, вмещающее в себя около 360 идолов всех племен, населяющих полуостров [1, с. 659—660]. Святилища также располагались и в других городах, и в них возносились молитвы для защиты от джинов и шайтанов (злых духов), чтобы они не толкали людей на плохие дела и не внушали злые мысли.

Важным моментом в изложении заявленной проблематики будет социально-антропологический акцент, говорящий о том, что общество доисламской Аравии было достаточно толерантным к другим верованиям. На территории Аравии (особенно в крупных торговых городах) проживало немало поклонников иудаизма и христианства, что несколько не мешало межличностным отношениям и торговым связям. Так, известный американский религиовед Р. Райт отмечает тот факт, что «политеистическое общество Мекки в духе классической древности было терпимым к богам торговых партнеров. В сущности, знаменитая святыня Мекки, Кааба, — нынешнее место хаджа, ежегодного мусульманского паломничества, — в доисламские времена была окружена идолами, которым поклонялись разные племена и кланы, и этот плюрализм, по-видимому, способствовал коммерции. Согласно одному раннему мусульманскому источнику, на внутренней стене Каабы одному христианину позволили нарисовать Иисуса и Деву Марию, проявив формальное уважение к верованиям торговых партнеров, отнюдь не исключительное в древнем политеистическом городе» [2, с. 352].

Несмотря на частые столкновения и отсутствие единого центра власти, арабские племена Аравии никогда не утрачивали культурного единства, опиравшегося, в свою очередь, на ментальные установки

людей. Менталитет же любого народа (этноса) обладает определенными особенностями, а именно: менталитет отражает специфические особенности определенного типа культуры; это исторически обусловленный феномен; менталитет входит в структуру индивидуальной психики человека в процессе его приобщения к данной культуре; в менталитете общественное и индивидуальное сливаются вместе и становятся неразличимыми; менталитет укореняется в бессознательных глубинах человеческой психики, и его носители могут осознать его содержание лишь ценой специальных усилий [3, с. 157–158].

Ментальными установками, культурно объединявшими арабские племена, изначально выступали единый язык и литература (поэзия). Так, классик западного исламоведения А. Мюллер отмечал тот неоспоримый факт, что «несмотря на всю кажущуюся разрозненность, на нескончаемые распри между сотнями племен, нельзя не признать в арабах нации и даже задолго до появления пророка, когда он, хотя на некоторое время, сумел и по наружному виду сплотить их. Подобно грекам, арабы тоже чувствуют свою общность в противоположении всем остальным, говорящим на другом языке. И они так же смотрят на тех, кто не говорит по арабски, как на чужеземную собаку, презренную даже. Такое тщеславие чистотой своего собственного происхождения, с которым встречаемся мы и поныне у всех бедуинов, с древнейших времен одушевляло как отдельные личности, племя, так и весь народ. К этому побуждал и сам язык арабский, один из самых богатейших, выразительнейших и изящнейших, если не благозвучнейших во всем свете. Национальная гордость обрела в нем классическое выражение единства народа, из всех самого своеобразного» [4, с. 49].

Нужно, разумеется, принять во внимание то обстоятельство, что арабский мир накануне начала активной пророческой деятельности Мухаммада не был готов принять идею единобожия, и прошло несколько десятилетий (610–630 гг.), прежде чем большая часть кочевников и горожан приняла ислам и включилась в процесс формирования единого исламского общества и государства. Формирование структур нового государства (будущего Арабского халифата) шло вместе со становлением нового вероучения. Современные исламоведы вполне обоснованно полагают, что само понятие «ислам» многозначно и может пониматься, как: подчинение всего сотворенного его Творцу; подчинение человека руководству Божию, каким оно явлено

через пророков; подчинение человека руководству Божию, каким оно явлено через пророка Мухаммада; подчинение последователей Мухаммада реальным предписаниям Бога [5, 86]. Относясь к синкретическому типу мировоззрения и идеологии, ислам объясняет картину мира с момента его возникновения до Страшного суда (в этом прослеживается влияние иудаизма и христианства). Каждый верующий принимает иман и все его элементы, а именно: истинная убежденность в истине мусульманского учения, подтверждение истинности веры делами своими, словесное исповедание веры [1, с. 695].

Ислам опирается на «Шесть основ веры» [1, с. 696–709]. Первая основа говорит о неколебимой убежденности в существовании единого Бога, властного над всем, и над человеком и над природой. Вторая основа указывает на потребность в такой же сильной веры в существовании Божьей свиты, то есть Ангелов Аллаха. Третья основа утверждает в истинность Божьего Писания, в котором Бог открывает истины. Четвертая основа о посланниках Аллаха — это мессии, которые несут истину Бога и пророчества в мир, распространяют волю Аллаха. Пятая основа гласит о неизбежности Судного дня, о котором есть системная совокупность исламских представлений о посмертии каждого человека и мира. И последняя, шестая основа о предопределении и о требовании к каждому мусульманину верить в особый характер отношений Аллаха и созданного им мира. Следует принять во внимание то обстоятельство, что успех Ислама связан с целой серией факторов. Немаловажную роль сыграла личность Махаммеда, который, помимо преданности вероучителю, отличался прекрасными навыками политика, который сумел адаптировать и разделить высокие идеалы с социальной реальностью, действуя с гибкой суровостью. Религия соответствовала социальной жизни и потребностям арабских племен и объединила их общими принципами и понятной и доступной системой морально-этических воззрений, благодаря чему религия Мухаммеда стала синкретичной и универсальной [6, с. 105]. Мусульманская религиозная доктрина опирается на определенную этическую и практическую составляющие, которые образуют «пять столпов веры»: таухид (исповедание веры в Единого Бога); намаз (обязательное ритуальное молитвенное правило каждого мусульманина); закят (милостыня, выплачиваемая мусульманами в виде ежегодного налога с определенных категорий имущества); ураза (соблюдение

поста в течение 30 дней лунного месяца рамадан); хадж (паломничество в Мекку хотя бы один раз в жизни) [1, с. 710–722].

Все вышеизложенные положения веры предполагают императивность в их выполнении и, следовательно, попадают в сферу действия шариата (мусульманского права), понимание которого существенно отличается от привычного восприятия природы права в рамках западной цивилизации [7, с. 33–39]. В религиозно-традиционных системах права и в прошлые эпохи, и в настоящее время достаточно сложно разграничить собственно вероучение и юридические нормы. Так, известный украинский историк и культуролог Г. Балог справедливо полагает, что шариат является системой норм, закрепленных в Коране и Сунне и определяет религиозную совесть мусульман. Исламская традиция связывает понятие шариата с определением пути, начертанного Аллахом, идя по которому и соблюдая нормы которого, верующий достигает совершенства и благополучия. В массовом сознании шариат — это всеобъемлющий комплекс норм, не только религиозных, но и юридических, так как он включает в себя «элементы конституционного, гражданского, уголовного, административного, семейного и процессуального права, а также моральные, этические и поведенческие нормы» [8, с. 287].

Мусульманское право в широком смысле означает комплекс связанных между собой и взаимодополняющих друг друга норм, в которые включаются как нормы права, так и религиозно-нравственные правила поведения. По своей сути, мусульманское право продолжает быть комплексом мононорм, которые не разделяют право религиозное и право светское, т. е. юридическое. С позиций исламских правоведов основной разницей между правом юридическим других стран и правом мусульманских стран является подход к происхождению права как социокультурного явления. В других странах немусульманского круга право есть результат деятельности государства, оно рождалось из морально-этических норм и традиций. Для мусульман право есть воля Аллаха, как и все Писание, это божественное откровение, переданное Аллахом Мухаммеду, следовательно, единственным источником права является Бог, что даровал право человеку, а шариат — это путь, по которому должен идти правоповный мусульманин [9, с. 96]. В узком смысле, мусульманское право — это система юридических норм, тесно связанная с религией, но обеспечиваемая силой государственного принуждения. Как полагает В. Е. Чиркин, в мусульманском праве

утверждена концепция бессилия человека перед Аллахом, так как и действия человека направляются Аллахом, и законы пишутся людьми, чьими руками водит Аллах. Все это создает образ человека пассивного, ведь несмотря на то, что странами с мусульманским правом приняты хартии о правах человека и в конституции приняты соответствующие главы, главенствующую роль играют обязанности правоверного перед Аллахом и уммой, а в случае их несоблюдения грозит наказание [10, с. 271].

Влияние религиозного фактора на развитие юриспруденции объяснимо вполне рациональным образом. Религия как таковая позволяет проводить четкое разграничение между людьми (в рамках одного государства) в целях сохранения особенностей своей культуры и быта. Известный отечественный специалист в сфере прав человека Е. А. Лукашева дает следующее обоснование влияния религиозных убеждений на личность: религия дает психологическую опору и человеку, и обществу; законодательство предстает как установление божественной воли; религия вносит относительную определенность в экономические отношения [11, с. 125].

Структура классического шариата корреспондирует и система источников мусульманского права. Коран — священная книга ислама. Текст Корана формировался в течение нескольких столетий путем записи высказываний пророка Мухаммада, который, по мнению ряда историков-исламоведов, не умел ни писать, ни читать [12, с. 29–43]. Сам Коран включает в себя несколько элементов: положения, связанные с вероучением (их обязан знать каждый мусульманин); нравственные положения (направлены на укрепление веры и искренности мусульманина, воспитание из него полноценной, добродетельной личности); положения «атали» (направлены на практические действия человека, охватывающие все общественно-социальные отношения людей) [13, с. 37–38]. Пророк Мухаммад утверждал: «О вы, кто верует! Уверуйте в Аллаха и посланника Его, и в то Писание, что Он низвел ему, и в то Писание, что ниспослал Он прежде. А кто не верует в Аллаха, в ангелов Его, в Его писания, в посланников Его и в День Последний, тот пребывает в крайнем заблуждении» [14, с. 133]. Как констатирует известный востоковед Л. С. Васильев, «в теологически-философской части Коран буквально насыщен заимствованиями из Библии, что и понятно: не будучи крупным оригинальным мыслителем, Мухаммед с готовностью

брал уже известное и с легкостью включал (от имени Аллаха) почти без изменений в свои проповеди. Однако это обстоятельство ничуть не повредило авторитету божественного Корана, а, напротив, отчасти даже способствовало ему: многие из завоеванных мусульманами христианских народов тем легче принимали ислам, что видели в этом вероучении знакомые им те же самые имена, сюжеты, легенды, заповеди и т. п.» [15, с. 488–489]

Сунна представляет собой собрание преданий (хадисов) о жизни и учениях пророка Мухаммеда и его сподвижников, обладающих юридической и нормативной силой. Этот источник мусульманского права начал формироваться после кончины Пророка в 632 году и был создан его последователями и младшими современниками. Согласно принципам мусульманского права, все хадисы должны отвечать определённым требованиям: не противоречить Корану или общим принципам ислама; быть совместимыми с требованиями разума, законами природы и жизненным опытом; не противоречить ранее признанным надёжными и подлинными преданиям; иметь доказательства достоверности; опираться на показания нескольких свидетелей события, которое произошло публично [9, с. 190–191]. В качестве примера можно привести следующий хадис. Пророк Мухаммад сказал: «Не стоит завидовать кому-либо, кроме двух категорий людей: (1) тех, кому Аллах дал богатство и позволил разумно управлять им (преодолев внутреннее чувство скупости, жадности), тратя из него на благие дела (на протяжении жизни) все без остатка, и (2) тех, кому Он дал мудрость и они пользуются ею, а также обучают ей» [16, с. 173–174].

Иджма — это нормы, которые были сформулированы мусульманской правовой доктриной на основе «рациональных» источников. В первую очередь речь идёт о единогласном мнении наиболее авторитетных правоведов — муджтахидов и факихов. Чтобы стать авторитетным правоведом и иметь возможность выносить обязательные для исполнения суждения (фетвы), необходимо соответствовать строгим требованиям. В шиитской версии ислама эти требования включают: мужской пол; совершеннолетие; наличие ума; принадлежность к шиитам, признающим всех 12 имамам; законнорожденность; жизнь (согласно обязательной предосторожности); праведность и справедливость; свободу (не быть рабом); отсутствие излишней любви к мирскому; достижение

уровня иджихада и способность самостоятельно извлекать религиозные законы из соответствующих источников (муджтахид);наибольшую компетентность в вопросах исламского закона [17, с. 11–12].

Кийас — это метод рассуждения, основанный на аналогии, который применяется при отсутствии обязательного правила. При использовании кийаса необходимо следовать четырём принципам: «асл» — сравнение возникшей ситуации или вопроса со случаем, описанным в аятах или хадисах; «фар» — проблема, решение которой нужно найти и сравнить с уже известным решением аналогичной проблемы; «хухум» — суждение, которое переносится из «асла» в «фар»; «илля» — причинность, казуальность.

В VII–IX веках юридическая доктрина в исламе активно развивалась, а с X столетия мусульманское право стало ограничиваться рамками отдельных школ и утратило своё единство. Согласно авторитетному суждению крупнейшего представителя современного модернистского направления в исламе А. А. Ан-Наима, «хотя кийас очевидно связан с иджихадом (независимым юридическим суждением), его сочли необходимым признать независимым источником шариата, особенно после того, как «врата иджихада» с IX века н. э. были признаны закрытыми. Таким образом, стало возможным продолжать выводить решения новых судебных дел из прецедентов применения ранее разработанных принципов и правил шариата, не претендуя на использование иджихада» [18, с. 36].

У мусульманского права есть специфическая особенность — большое количество школ (мазхабов), даже в рамках одного из основных направлений. Все существующие школы можно разделить на две большие группы: суннитские толки (ханифиты, маликиты, шафииты и ханбалиты); шиитские толки (джафариты, исмаилиты, зейдиты). Эти школы отличаются методами толкования и привлечения дополнительных источников, а также по консервативности или новаторству [19, с. 21–64].

Разумеется, нельзя слепо следовать за суждением того или иного муджтахиды в вопросах толкования мусульманского права.

По мнению М. М. Аль-Джанаби, комментарии к тексту Корана со временем приобрели силу закона. В результате мусульманское право сохранило казуистический характер: судьи не были связаны предыдущими решениями по аналогичным делам. Исламская история

способствовала появлению различных школ и стилей реформаторской мысли. Все они были тесно связаны с основными догмами ислама — единобожием, уммой и общиной. Благодаря этому общее исламское вероучение стало основой теоретической и практической концепции власти, государства, общества и уммы. Это привело к формированию специфических традиций учения о государстве, обществе и индивидууме. Специфика ислама заключается в том, что он одновременно содержал идею всесторонней реформы и придерживался умеренного подхода. Умеренность стала основой ислама как в религиозном, так и в политическом смысле. Это заложило фундамент для реформаторской идеи как права и обязанности одновременно [20, с. 13].

Классическое мусульманское право никогда не подвергалось кодификации, но в течение XIX — первой половины XX веков большая часть стран исламского Востока приняла многочисленные кодексы под непосредственным влиянием романо-германского мира. Известный исламовед Л. Р. Сюкияйнен прав, говоря: «Анализ современного уголовного права исламских стран позволяет сделать вывод о том, что традиционное мусульманское деликтное право в сколько-нибудь универсальном виде до недавнего времени практически не использовалось ни в одной стране Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, а также в большинстве арабских стран. Лишь в отдельных районах Аравийского полуострова и Персидского залива за мусульманским правом сохранялась роль ведущего источника при разрешении уголовных дел, применяемого в форме доктрины определенного толка, либо включенного в государственное законодательство» [7, с. 203].

Однако уже в конце 1970-х годов начался переход от использования вестернизированного законодательства к исламизации права. Это выразилось во включении в национальные уголовные кодексы ряда положений шариата, посвященных применению наказаний и самим составам преступлений. Во многом — это закономерная реакция на агрессивную вестернизацию общественно-политической жизни ряда мусульманских стран. Типичным примером хода этих процессов является Иран. Уголовное законодательство этого государства прямо основывается (с 1979 г.) на нормах шариата в его шиитской интерпретации. Введены наказания палками и кнутом за употребление спиртных напитков и смертная казнь за употребление

наркотиков и их распространение. Волна традиционализма охватила и те регионы, где влияние шариата долгое время не играло заметной роли (Алжир, Турция).

Переход от светского государства к религиозному (теократия) необходимо осуществлять корректно по отношению к представителям других конфессий, постоянно проживающих в том или ином исламском государстве. Реальное же положение дел с правами человека не блестяще даже с точки зрения самих исламских правоведов. С этой же проблемой связан вопрос о личном статусе человека в мусульманском мире. Главенство единства уммы, то есть мусульманской общины, посягательство на которое является тяжелейшим преступлением, достойным лишь смертной казни, обнуляло долгое время саму возможность разговора о правах человека. Принятие под влиянием Европы в XX веке конституций, в которых провозглашаются права человека и гражданина, но, только исламского вероисповедания. Более того, по словам А. А. Ан-Наима, система прав и свобод в мусульманском праве не позволяет бездумно принимать или отвергать ислам — за все грядут юридические последствия.

В исламском государстве права (в первую очередь гражданские) принадлежат мусульманам, в зависимости от государства, женщина-мусульманка тоже может иметь некий набор гражданских прав, а вот человек иной религии будет ограничен в правах. Важно отметить, что «неверующие», то есть те, кто не исповедует религии, признанные Кораном, лишаются статуса свободных граждан (подданных).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корытко О. прот. Homo religiosus: на путях поиска истины. Авторский курс лекций по истории нехристианских религий. — М., 2017.
2. Райт Р. Эволюция Бога. — М., 2017.
3. Коллект. моногр. Культурология / под ред. Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. — М., 2010.
4. Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов в XVI веке. — М., 2018.
5. Мурата С., Читтик У. К. Мировоззрение ислама. — М., 2011.
6. Гребенюк А. В. Курс лекций по истории мировых цивилизаций. В трех частях. Часть третья. — М., 2006.
7. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. — М., 2021.
8. Балог Г. История и культура Ислама: курс лекций. — Киев, 2012.
9. Бехруз Х. Исламские традиции права. — Одесса, 2006.

10. Чиркин В. Е. Сравнительное правоведение. — М., 2012.
11. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. — М., 2009.
12. Журавский А. В. Введение в ислам. — М., 2019.
13. Забиров А. А. Энциклопедия норм и правил ислама в свете четырех масхабов. — М., 2016.
14. Коран. Сура 4.136. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. — М., 2007.
15. Васильев Л. С. История религий. — М., 2008.
16. Хадисы. Высказывания пророка Мухаммада/Богословский перевод и комментарии Ш. Аляутдинова. — СПб., 2017.
17. Исламское право/Составитель М. Р. Мошфеги Пур. Т. 1. — М., 2016.
18. Ан-Наим А. А. На пути к исламской реформации. — М., 1999.
19. Цмай В. В. Регулирование семейно-брачных отношений мусульман правом личного статуса. — СПб., 2000.
20. Аль-Джанابي М. М. Философия современной мусульманской реформации. — М., 2014.

РАЗДЕЛ II

СТАТЬИ АСПИРАНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, БАКАЛАВРОВ

УДК 347.751.7

Астраханцев А. И.,

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТИРОВКИ УГЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСПОРТНЫЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования транспортировки угля в Российской Федерации с акцентом на нормы транспортного и экологического права. Проанализированы действующая нормативно-правовая база и государственное регулирование в сфере перевозки угля, включая требования транспортного законодательства, экологические стандарты и ответственность за правонарушения. Особое внимание уделяется соблюдению экологических норм при железнодорожной и морской перевозке угля, а также текущим и предлагаемым мерам по уменьшению негативного воздействия угольной пыли на окружающую среду.

Ключевые слова: уголь, транспортировка угля, экологическое право, транспортное право, угольная промышленность.

Astrakhantsev A. I.,

Graduate student

Saint Petersburg State University of Economics

LEGAL REGULATION OF COAL TRANSPORTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: TRANSPORT AND ENVIRONMENTAL ASPECTS

Annotation. The article examines the specifics of the legal regulation of coal transportation in the Russian Federation with an emphasis on the norms of transport and environmental law. The current regulatory framework and government regulation in the field of coal transportation are analyzed, including the requirements of transport legislation, environmental standards and liability for offenses. Special attention is paid to compliance with environmental standards in the rail and sea transportation of coal, as well as current and proposed measures to reduce the negative impact of coal dust on the environment.

Keywords: coal, coal transportation, environmental law, transport law, coal industry.

Угольная промышленность традиционно играет значительную роль в экономике России, обеспечивая заметный вклад в валовой внутренний продукт, поступления в бюджет (в том числе налогового характера) и экспортную выручку. Добыча и использование угля остаются ключевыми составляющими Топливо-энергетического комплекса (далее так же — ТЭК) страны, от бесперебойного функционирования которого зависит энергетическая безопасность и развитие отечественной экономики. В то же время формирование более строгих экологических и климатических стандартов на международном уровне ставит перед угольной отраслью новые вызовы. Одной из наиболее острых проблем является обеспечение экологической безопасности при транспортировке угля к потребителям и на экспорт. Перевозка угля (преимущественно железнодорожным и морским транспортом) сопровождается рисками загрязнения окружающей среды угольной пылью, что вызывает обоснованные претензии со стороны населения и надзорных органов, особенно в угольных портовых регионах.

Актуальность темы обусловлена необходимостью определения баланса между экономической целесообразностью наращивания перевозок угля и соблюдением экологических требований. В условиях переориентации экспортных потоков российского угля на азиатско-тихоокеанские рынки и увеличения объемов его транспортировки на большие расстояния возрастает нагрузка на транспортную инфраструктуру и окружающую среду. Этот фактор негативно влияет на природные комплексы и здоровье людей, проживающих вблизи маршрутов транспортировки. В СМИ отмечались случаи, когда в припортовых городах (например, Находка, Ванино, Посыет на Дальнем Востоке) зафиксировано ухудшение качества воздуха из-за открытой перевалки угля, что вызвало общественный резонанс и привлекло внимание публичной власти Российской Федерации [1].

Правовое регулирование транспортировки угля в Российской Федерации опирается на совокупность норм транспортного, гражданского, административного и экологического законодательства. В первую очередь следует обратить внимание на нормы Федерального закона «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности». В частности, в нем закреплены принципы государственного финансирования реструктуризации угольных предприятий и социальные гарантии работникам.

Однако, именно транспортировке угольных ресурсов посвящено крайне мало норм [2].

Перевозка угля внутри страны осуществляется главным образом железнодорожным транспортом, а экспорт — через морские порты. Основным актом, регулирующим железнодорожные перевозки, является Устав железнодорожного транспорта. Нормативный документ и дополнительные правила перевозок грузов устанавливают обязанности грузоотправителей и перевозчиков по обеспечению безопасной перемещения товаров. В общем порядке на отправителей возлагается обязанность предъявлять груз к перевозке в исправном тарно-упаковочном состоянии либо навалом/насыпью в пригодных транспортных средствах [3]. Для угля как массового навалочного груза предусмотрена перевозка в открытом подвижном составе (полувагонах, думпкарах) [4, 4].

Хотя уголь не отнесен к классу опасных грузов по ГОСТ и правилам перевозки опасных грузов (за исключением некоторых марок, склонных к самовозгоранию, которые требуют особых условий), его транспортировка сопряжена с риском рассыпания и пыления. Действующие правила технической эксплуатации железных дорог и погрузочно-разгрузочные инструкции РЖД обязывают грузоотправителя соблюдать меры, предотвращающие утечку или потерю груза при перевозке. Однако прямого требования укрывать угольные полувагоны тентами или применять пылеподавление в нормативных актах до недавнего времени не содержалось, и на практике уголь обычно перевозится открыто. Это приводит к тому, что при движении составов часть угольной мелочи и пыли выдувается из вагонов, оседая в полосе отвода железной дороги и прилегающих территориях, что создает экологическую проблему [5, с. 31].

Данный недочет можно ликвидировать в том числе правовыми нормами. Мы считаем, что необходимо разработать дополнительные правила перевозки грузов по типу угля железнодорожным транспортом, которые бы включили бы нормы о:

- обязанности покрытия вагонов с углем специальными укрытиями или применения пылеподавляющих растворов при железнодорожной перевозке;
- установлении стандарта оснащения угольных терминалов системами очистки воздуха, водяного орошения, пылеулавливающими экранами;

- предельно допустимых концентрациях угольной пыли для рабочих зон и жилой застройки около транспортных путей.

Перевалка (перегрузка) угля на морской транспорт регулируется нормами морского транспорта и санитарно-экологическими требованиями. Морские портовые операции подпадают под действие Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и законодательства об эксплуатации портовой инфраструктуры, в частности Федерального закона «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Эти акты требуют, чтобы при погрузочно-разгрузочных работах соблюдались правила безопасности и предотвращения загрязнения моря [6; 7]. Международные нормы (например, Правила по предотвращению загрязнения с судов MARPOL) также влияют на перевозку рассматриваемого груза: так, они декларируют, что угольные терминалы должны оснащаться средствами для недопущения рассыпания угля в акваторию порта в целях защиты экологии прибрежных районов [8, с. 27].

Интенсивная транспортировка угля негативно влияет на окружающую среду, если не приняты специальные меры предосторожности. Российское экологическое законодательство требует от предприятий принимать меры по предотвращению загрязнения, однако выбор конкретных технологий оставался на усмотрение частных субъектов. Это приводило к ситуации, когда, например, открытая перевалка угля в портах без должных защитных средств вызывала обоснованные жалобы жителей и необходимость проведения контрольных мероприятий прокуратурой [9, с. 92].

В последние годы в России наблюдается усиление государственного надзора и санкционного давления на субъектов, нарушающих экологическое законодательство, в частности, при перевозках способствующих загрязнению грузов. Так, были ужесточены административные взыскания за несоблюдение санитарно-экологических норм при перевалке угля в портах, а также невыполнение надзорных предписаний после фиксации таких нарушений [1].

Кроме административной, законодательство предусматривает и уголовную ответственность за наиболее серьезные экологические правонарушения. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статьи за загрязнение атмосферы (ст. 251), морской среды (ст. 252) и нарушение правил экологической безопасности при

производственных работах (ст. 246) [10]. Если в результате перевозки или перегрузки угля будет причинен крупный ущерб окружающей среде или здоровью людей (например, массовое превышение предельного допустимого коэффициента угольной пыли, повлекшее вред здоровью населения), то виновные должностные лица теоретически могут быть привлечены к уголовной ответственности (хотя такие случаи крайне редки, о чем пишет, например, А. А. Махляйд) [11, 19].

Помимо ужесточения санкций, реализуются и программные меры поддержки, направленные на развитие инфраструктуры и снижение экологической нагрузки. В 2023 году Министерство энергетики представило антикризисную программу для угольной отрасли, одним из ключевых пунктов которой стало совершенствование логистики и экологизация перевозок. Государство планирует субсидировать переориентацию транспортных потоков угля в более пригодные с экологической точки зрения маршруты: например, стимулировать перевозки угля в порты Северо-Запада (Балтика) и Юга, чтобы разгрузить наиболее проблемные Дальневосточные порты. Предусмотрено выделение 73 млрд руб. субсидий на северо-западное направление и 28 млрд руб. — на южное, из которых значительная часть поступит из федерального бюджета. Эти средства предназначены, в том числе, на техническое переоснащение перевозочного процесса (закупку новых вагонов с уменьшенным пылеобразованием, строительство закрытых перегрузочных комплексов, внедрение систем пылеподавления, внедрение технологий ветропылезащиты и так далее) [12].

Таким образом, проведенный анализ показал, что в российском законодательстве уделяется все больше внимания экологическим аспектам перевозки угля, однако остаются определенные пробелы. С одной стороны, государство заинтересовано в наращивании экспортных и внутренних поставок угля (что подтверждается стратегическими планами и инвестициями в инфраструктуру). С другой — современное общество требует жестких гарантий экологической безопасности и минимизации вреда для природы и здоровья граждан, на что идет и государственная власть (в частности, усиливая административную ответственность юридических и должностных лиц за нарушения, связанные с нарушением природоохранных нормативов при перевозке угля и иных сходных грузов).

При этом, мы зафиксировали и одну конкретную проблему, связанную с перевозкой угля. Так, при перемещении его железнодорожным транспортом допустимо использовать вагоны с отсутствующим внешним покрытием. Это является упущением, так как часть угольной мелочи и пыли выдувается из вагонов и загрязняет окружающую среду. Комплекс норм, включающий, в частности, обязанности покрытия перевозчиком вагоном и стандарты оснащения угольных терминалов должен войти в единые правила перевозки опасных в части загрязнения окружающей среды грузов. При этом, существуют и иные проблемы правового регулирования, которые также должны быть рассмотрены в следующих исследованиях, посвященных данной теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штрафы за нарушение экологии при перевалке угля вырастут в 10 раз [Сайт] URL: https://nedradv.ru/nedradv/ru/page_news?obj=0a8b7ef8e482110b22e0685d6c038db7# (дата обращения: 5.06.2025).
2. Федеральный закон от 20.06.1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» (ред. от 25.12.2023).
3. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (ред. от 19.10.2023).
4. Shpinev Iu. Problems of legal regulation of the coal industry // The Scientific Heritage. — 2021. — № 64.
5. Васина Д. Решение экологических проблем открытых угольных терминалов Владивостока // International journal of professional science. — 2021. — № 6.
6. Федеральный закон от 08.11.2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023).
7. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024).
8. Попова Э. А. Современное состояние и меры государственного регулирования отечественной угольной промышленности // Экономика строительства. — 2023. — № 2.
9. Филичева Т. П. Правовые аспекты экологических проблем открытой перевалки угля в морских портах // Территория новых возможностей. — 2021. — № 2.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025).
11. Махляйд А. А. Особенности установления и реализации уголовной ответственности за загрязнение атмосферного воздуха // Вестник ЮГУ. — 2022. — № 3.
12. Запад углю не подмога [Сайт] URL: https://metallplace.ru/news230325_1/ (дата обращения: 5.06.2025).

Боряев С. А.,*аспирант,**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»*

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНОГО РАСКРЫТИЯ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В США

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового значения добровольного раскрытия информации в сфере корпоративной социальной ответственности (КСО) в США. Американский подход к правовому регулированию в данной сфере исторически формировался как рыночно-ориентированное регулирование, основанное на запросах институциональных инвесторов и активности институтов гражданского общества. В статье раскрывается, что добровольное раскрытие информации приобретает в США значение юридического факта, интегрированного в механизмы корпоративного правоприменения.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, добровольное раскрытие информации, нефинансовая отчетность, правовое регулирование, США, SEC, Министерство юстиции, ESG.

Boriaev S. A.,*graduate student**St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia*

LEGAL SIGNIFICANCE OF DISCLOSURE INFORMATION IN THE SPHERE OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE USA

Abstract. This article examines the legal significance of voluntary disclosure in the area of corporate social responsibility (CSR) in the United States. The American approach to legal regulation in this area has historically evolved as market-oriented, driven by the demands of institutional investors and the activism of civil society institutions. The article demonstrates that voluntary disclosure in the United States is becoming a legal fact integrated into corporate law enforcement mechanisms.

Keywords: corporate social responsibility, voluntary disclosure, non-financial reporting, legal regulation, USA, SEC, Department of Justice, ESG.

На сегодняшний день раскрытие информации в области корпоративной социальной ответственности (далее — КСО) перестало быть добровольной практикой и стало обязательным требованием к отчетности компаний. Нефинансовая отчетность сегодня — это не просто

способ информирования заинтересованных сторон. Она играет важную роль в экономике, управлении и социальной сфере. Учитывая это, во многих зарубежных государствах приняты нормативные акты, обязывающие крупные национальные и транснациональные компании, государственные корпорации и публичные акционерные общества раскрывать данные о КСО. Примечательно, что наряду с ростом числа таких обязательных требований увеличивается и объем добровольной нефинансовой отчетности [1].

США обладают крупнейшим и, по данным аналитиков, наиболее развитым финансовым рынком, доступ к которому для крупнейших эмитентов является стратегическим приоритетом [2]. Сложившаяся практика регулирования, основывающаяся на требованиях американских регуляторов и ключевых инвесторов, де-факто устанавливают международные стандарты раскрытия информации [3].

Система правового регулирования раскрытия нефинансовой отчетности в США в конце XX — начале XXI в. формировалась на основе рыночно-ориентированного регулирования, возникшего в ответ на запросы институциональных инвесторов (пенсионные фонды, страховые компании, иные крупные организации, управляющие активами клиентов), а также в результате активности институтов гражданского общества в рассматриваемой сфере. Интерес институциональных инвесторов заключался в том, чтобы выявить и оценить факторы, способные повлиять на долгосрочную стоимость активов, которым ранее не уделялось необходимого внимания в традиционной финансовой отчетности. Цель заинтересованных представителей общественности (отдельные инвесторы-активисты, некоммерческие организации и иные объединения граждан [4]), заключалась не только в защите финансовых интересов акционеров, но и в продвижении более широких этических и социальных норм и формировании модели социально ответственного бизнеса.

В США в большинстве случаев компании имеют право самостоятельно принимать решения о том, какую информацию в сфере КСО необходимо раскрыть, где будет осуществляться ее раскрытие, за какой период и с какой периодичностью. В результате, раскрытие информации в сфере КСО и подходы к раскрытию информации значительно различаются в разных организациях, даже осуществляющих свою деятельность в рамках одной отрасли.

Несмотря на существенные различия в содержании добровольной отчетности, прослеживается тенденция к ее унификации. Для обеспечения сопоставимости и достоверности нефинансовой информации в интересах инвесторов и иных заинтересованных сторон были разработаны специализированные международные стандарты. Ключевую роль среди них играют стандарты Глобальной инициативы по отчетности (Global Reporting Initiative, GRI) и Совета по стандартам учета в области устойчивого развития (Sustainability Accounting Standards Board, SASB). Их применение способствует повышению прозрачности и позволяет более точно оценивать риски, эффективность и стратегическую направленность корпоративной политики в сфере КСО.

Типовыми блоками добровольной нефинансовой отчетности в области КСО и устойчивого развития, размещаемой юридическими лицами, зарегистрированными в США, на своих официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», являются:

- Общий обзор предпринимательской деятельности: организации предоставляют сведения о структуре своей бизнес-модели, стратегических приоритетах, производимой продукции и оказываемых услугах, ключевых категориях клиентов, а также определяют приоритетные для себя аспекты КСО. Данные сведения формируют основу для понимания подходов организации к социальной ответственности и ее политики в области раскрытия нефинансовой информации;
- Управление трудовыми ресурсами: раскрывается информация о кадровой политике организации, обеспечении соблюдения трудовых прав работников, мерах, направленных на повышение уровня вовлеченности и лояльности персонала к работодателю. Также освещаются применяемые практики в области профессионального развития работников, предоставления им дополнительных гарантий и социальных льгот, организации безопасного производственного процесса.
- Социальные и общественные инициативы: к данному направлению относится информация об участии организации в общественной жизни, включая благотворительную деятельность и поддержку корпоративного волонтерства;

- Политика организации в сфере экологии и защиты окружающей среды: организации информируют о мерах по снижению воздействия на окружающую среду, что включает в себя, например, сведения о снижении уровня энергопотребления и переходе на возобновляемые источники энергии, контроле выбросов, обращении с отходами и их переработке, бережном водопотреблении;
- Корпоративное управление и соблюдение действующего законодательства: в этом блоке раскрываются сведения о структуре органов управления организацией и внутреннего контроля, внедрении этических кодексов, обеспечении соответствия деятельности организации установленным нормативным требованиям. Также раскрываются сведения о политике организации в области соблюдения прав человека, реализации внутренних антикоррупционных программ, соблюдении законодательства о борьбе с коррупцией, защите персональных данных, практики взаимодействия с контрагентами, государственными органами.

Как следует из опубликованных исследований, за период с 2000 по 2023 год российскими компаниями было опубликовано 1344 нефинансовых отчета [5]. Сам факт использования в современных исследованиях количественных методов анализа (big data) для обработки массива нефинансовой отчетности свидетельствует о том, что современные отчеты содержат структурированные количественные показатели, выходящие за рамки формальных описательных отчетов, характерных для начального этапа развития КСО-отчетности в 2000-х годах. Указанное свидетельствует о переходе от декларативности к измеримому и управляемому подходу в реализации стратегии устойчивого развития.

Также в рассматриваемом контексте следует отметить принятые ООН в 2015 году 17 целей устойчивого развития (далее — ЦУР), детализированные в 169 задачах, представляют собой универсальную рамочную программу, реализуемую в качестве ответа на глобальные вызовы в экономической, социальной и экологической сферах [6]. В корпоративной практике наблюдается интеграция этих принципов в стратегии, ценности и миссии организаций, что выражается в согласовании долгосрочных целей компаний с Повесткой дня на период

до 2030 года. Кроме того, некоторые компании популяризируют ЦУР среди своих клиентов: например, транснациональная компания Samsung Electronics, разработала линейку интерактивных циферблатов для электронных часов и смартфонов, раскрывающих пользователям содержание и значение ЦУР в жизни современного общества [7].

Анализ правового регулирования раскрытия нефинансовой информации в США демонстрирует иной подход к регулированию рассматриваемых общественных отношений, чем в странах с прямыми императивными нормами. Американское право придает добровольному раскрытию информации (включая данные КСО и сведения о правонарушениях) значение юридического факта, интегрированного в механизмы корпоративного правоприменения и влекущего конкретные правовые последствия.

Раскрытие нефинансовой информации выступает не только информационной основой для принятия обоснованных инвестиционных решений инвесторами. Правовое значение добровольного раскрытия проявляется, например, в сфере привлечения к ответственности лиц, виновных за совершение правонарушений, посягающих на корпоративные отношения. Так, согласно Политики корпоративного правоприменения и добровольного раскрытия (Corporate Enforcement and Voluntary Self-Disclosure Policy) Министерства юстиции США, своевременное и полное добровольное информирование о выявленных нарушениях признается смягчающим вину обстоятельством [8].

С правовой точки зрения, добровольное раскрытие нефинансовой информации американскими компаниями представляет собой правовой механизм, при помощи которого обеспечивается баланс публичных и частных интересов. Публичный интерес реализуется через повышение эффективности правоприменения, выявление правонарушений, которые иначе остались бы латентными, и экономию ресурсов на расследование. Частный интерес компании выражается в получении правовых преимуществ: например, избежание уголовного преследования и сокращение финансовых санкций.

Американская модель правового регулирования добровольного раскрытия информации демонстрирует эффективность в части создания реальных стимулов для корпоративного саморегулирования и сотрудничества с правоприменительными органами. Представляется, что отдельные элементы данной модели — в частности, четкая

формализация последствий добровольного раскрытия в ведомственных актах, градация правовых преимуществ в зависимости от оперативности и полноты раскрытия, а также учет внутрикорпоративных процедур при оценке добросовестности компании — могут быть восприняты в процессе совершенствования отечественного правового регулирования в сфере нефинансовой отчетности и корпоративной ответственности. Наиболее целесообразным представляется трансформация добровольного раскрытия из факультативного действия в юридически значимое поведение, влекущее предсказуемые и формализованные правовые последствия. Именно такой подход способен превратить декларации о социальной ответственности в действенный инструмент правового регулирования корпоративного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2025 Sustainability Reporting: Global Trends in Framework Adoption // Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2025/11/24/2025-sustainability-reporting-global-trends-in-framework-adoption/> (дата обращения: 19.02.2026).
2. Почему американский фондовый рынок доминирует // ФИНАМ [Сайт]. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/pochemu-amerikanskiy-fondovyy-rynok-dominiruet-20241019-1833/> (дата обращения: 19.02.2026).
3. Marcacci, A. (2023). Introduction. In: Transnational Securities Regulation. LCF Studies in Commercial and Financial Law, vol 3. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-18063-7_1
4. Например, Ceres — это влиятельная некоммерческая организация, базирующаяся в Бостоне (США), которая играет ключевую роль в интеграции принципов устойчивого развития в корпоративное управление и инвестиционные стратегии.
5. Ответственный бизнес в России: более 20 лет опыта через призму больших данных [Электронный ресурс] / РСПП. — Москва, 2025. Режим доступа: <https://rspp.ru/events/news/opublikovano-issledovanie-na-baze-dannykh-natsionalnogo-registrakorporativnykh-nefinansovykh-otchetov-6905f998427f9/> (дата обращения: 19.02.2026).
6. Цели устойчивого развития: Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 19.02.2026).
7. Меняем мир вместе к 2030 году: Samsung: офиц. сайт. — URL: <https://www.samsung.com/ru/apps/samsung-global-goals/> (дата обращения: 19.02.2026).
8. Corporate Enforcement and Voluntary Self-Disclosure Policy — URL: <https://www.justice.gov/criminal/media/1400031> (дата обращения: 19.02.2026).

Дунаев Н. К., Карельский Г. А.,

магистранты

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

Аннотация. В настоящей статье исследуется правовая природа административного прецедента как источника права и его соотношение с судебным прецедентом. Авторы обосновывают вывод о том, что административный прецедент, характеризуемый такими признаками, как казуистичность, множественность субъектов создания и гибкость, формируется не только в деятельности органов исполнительной власти, но и в рамках функционирования контрольно-надзорных органов. На основе анализа материалов судебной практики продемонстрировано, что решения административных органов могут приобретать значение эталона при разрешении аналогичных споров, особенно в случаях их последующего подтверждения судебными инстанциями.

Ключевые слова: административный прецедент, правоприменительная практика, источник права, теория права, административной орган.

Dunaev N. K., Karelsky G. A.,

Undergraduates

Saint Petersburg State University of Economics

ADMINISTRATIVE PRECEDENT AS A SOURCE OF LAW

Annotation. This article examines the legal nature of administrative precedent as a source of law and its relationship with judicial precedent. The authors substantiate the conclusion that administrative precedent, characterized by such features as casuistry, a multiplicity of creating subjects, and flexibility, is formed not only within the activities of executive authorities but also within the functioning of supervisory and oversight bodies. Based on the analysis of judicial practice materials, it is demonstrated that decisions of administrative bodies can acquire the significance of a standard when resolving similar disputes, especially in cases of their subsequent confirmation by judicial instances.

Keywords: administrative precedent, law enforcement practice, source of law, theory of law, administrative agency.

В доктринальной юридической литературе в качестве прецедента обычно подразумевается судебный прецедент, то есть решение высшего судебного органа по определенному делу, которое в дальнейшем является обязательным для судов при разрешении аналогичных дел [1, с. 241]. В то же время, рядом исследователей, в частности А. Г. При-

липка, выделяется и еще один вид прецедента, а именно — административный, который обладает помимо общих для любого прецедента признаками специфичными характеристиками [2, с. 170]. При этом, административный прецедент так же сыграл немалую роль в истории формирования правовых систем отдельных государств. Примером таковых можно назвать и Россию эпохи Московского княжества — решения приказов, в особенности Челобитного, фактически формировали систему норм поведения и разрешения частноправовых и публично-правовых конфликтов [3, с. 135].

Сейчас же встает вопрос — насколько актуальна с теоретической и практической сторон концепция административного прецедента? Играет ли он сегодня хоть какую-то роль в правотворчестве или он заслуживает место в юридической науке лишь в качестве пережитка прошлого, не имеющего реальных проявлений в качестве источника права? Постараемся ответить на него в рамках текущего исследования.

Для начала необходимо разобраться в теоретико-правовой сущности административного прецедента, определить его ключевые признаки. Как и судебный прецедент, он также выступает с позиции конкретного принятого решения по делу, становящегося впоследствии эталоном для разрешения аналогичных спорных ситуаций, что позволяет признавать в нем один из источников права, который оказывается полезным, в частности, для оперативного властного вмешательства в конфликт. Административный прецедент содействует дополнению правовой системы государства новыми нормами для преодоления пробелов в законодательстве или уточнению уже действующих юридических положений путем точечного их применения к отдельным правоотношениям.

Как справедливо подчеркивает В. В. Лазарев, административный прецедент обладает следующими свойствами:

- казуистичность, то есть административный прецедент касается решения какого-либо локального вопроса, ответа на который в законодательстве и правоприменительной практике еще не существует);
- множественность, выступающая примечательным отличием административного прецедента от судебного — первый могут создавать совершенно разные административные органы (о чем подробнее далее) — от правительственных структур до региональных служб, тогда как второй формируется исключительно

в результате вынесения решений судебными органами (хотя и с определенной дифференциацией с учетом наличия во многих развитых государствах аналогов Конституционному суду и высшей инстанции общей юрисдикции, а также арбитражных органов);

- высокий уровень гибкости, предполагающий учет совершенно различных элементов спорного правоотношения, в рамках которого нужно вынести новое «нормативное» решение, и на основании их выдвижение новых эталонных правоприменительных положений;
- выделяется и такой признак, как противоречивость. Вероятно, подразумевается, что в отличие от судебного прецедента, обычно принимаемого одной из высших судебных инстанций государства, административный прецедент, возникающий из решения разного рода служб и ведомств, в том числе регионального уровня, может противоречить практике иных субъектов федерации или даже государственных органов, ведающих смежными вопросами. Поэтому без подтверждающего решения судебной инстанции обычно даже наиболее точное, логичное и аргументированное административное решение административным прецедентов не становится в силу разных причин (начиная от низкого уровня осведомленности иных государственных органов и заканчивая ошибочным толкованием отдельных положений законов или вовсе превышением полномочий принимающего постановление субъекта) [4, с. 220].

Еще одно яркое (и вполне очевидное) отличие административного прецедента от судебного аналога кроется уже в наименовании этих двух источников права. Закономерно, что судебный прецедент выходит из-под пера органа судебной власти (обычно высшего). Административный, как пишут большинство исследователей, соответственно, появляется при правоприменении со стороны органов исполнительной власти [5, с. 53]. Это отчасти верно. Недочет такой точки зрения нам видится в том, что теоретики игнорируют факт того, что помимо органов исполнительной власти административный прецедент может формироваться и в рамках деятельности контрольно-надзорных субъектов.

Например, в Российской Федерации нередки случаи формирования антимонопольной практики по принуждению частных субъектов

к определенному поведению. Так, ФАС РФ направило предписание АО «Тинькофф Банк» (10.11.2015 по делу № 1–00–103/00–07–15) вследствие использования юридическим лицом манипуляций с вкладами клиентов. Привлекая их на «Смарт-вклад», АО «Тинькофф Банк» позднее в одностороннем порядке ухудшал их. Позднее, суд отказал организации в отмене постановления ФАС, при этом ссылаясь на иное решение, где так же был признан правомерным запрет изменения условий по вкладам подобным образом со стороны данного государственного органа [6]. Из этого следует, что Федеральная антимонопольная служба, являясь органом исполнительной власти, сформировала определенную практику, которую затем оценили в качестве верной, соответствующей законодательству и «духу права» и судебные инстанции.

По итогу, на основании приведенных выше признаков и критериев можно сформулировать и дефиницию административного прецедента. Весьма неплохую версию предлагает О. В. Дворникова: «определенное правоположение, выраженное в акте органа исполнительной власти или «квазисудебного» органа административной юстиции в процессе разрешения правового вопроса при отсутствии или неопределенности его законодательной регламентации и служащее образцом для разрешения последующих аналогичных административных дел» [7, с. 7]. Термин четко определяет наиболее существенные признаки рассматриваемой категории; в то же время следует отметить, что он более актуален именно для стран Романо-германской правовой семьи. С учетом особенностей Англо-саксонской системы следует добавить, что административный прецедент появляется с целью не только ликвидации пробелов в законодательстве, но и уточнения судебной практики, являющейся основным источником права.

Несмотря на определенную пользу административного прецедента, в отличии от иных ключевых правовых источников (речь идет о нормативно-правовых актах и судебных прецедентах) он аналогичной популярности в современном мире не сыскал. Решения, становящиеся эталоном, в практике исполнительных и контрольных органов — случай весьма редкий.

В качестве подобного решения, подходящего по критериям описанным О. В. Дворниковым, можно привести решение Социального фонда России (далее — СФР) о привлечении страхователя к ответственности. Несмотря на то, что порядок и основания принятия такого

решения, а также его мотивировочная часть целиком и полностью основываются на Федеральном законе «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования» суды при рассмотрении административных заявлений об оспаривании подобного решения последовательно кладут в основу собственного решения исключительно позицию СФР, основанную на рассматриваемом решении; возможно, дополнительно мотивируя это тем, что санкция за потенциальное нарушение незначительна и составляет 500 (пятьсот) рублей 00 копеек [8]. В качестве примера, возможно привести решение Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60–11349/2024 [9]. Таким образом, фактически решение СФР является образцом для разрешения спора судом.

Проведенное исследование позволяет заключить, что административный прецедент не является исключительно историческим феноменом, но представляет собой функционирующий в современной российской правовой системе инструмент, обладающий выраженной спецификой. Ключевая особенность административного прецедента заключается в его неавтономном характере: решение ведомства приобретает прецедентное значение преимущественно после его проверки и подтверждения судебной инстанцией, которая кладет его в основу собственного решения. В этой связи в современном правоприменении административный прецедент выполняет вспомогательную функцию, выступая связующим звеном между деятельностью исполнительной власти и судебным нормоконтролем; его закрепление в качестве официального источника права не было бы целесообразным вследствие локальности применения и предполагаемой необходимости подкрепления судебным решением или нормативно-правовым актом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барахоева Е. А. Особенности судебного прецедента в странах общего права // Право и управление. — 2023. — № 11. — С. 238–244.
2. Прилипко А. Г. Административный прецедент в системе источников административного права: проблемы теории и практики // Вестник экономики и права. — 2019. — № 28. — С. 169–174.
3. Дворникова О. А. Административный прецедент как источник права: проблема признания // Вестник экономической безопасности. — 2008. — № 4. — С. 134–137.
4. Лазарев В. В. Теория государства и права: учеб. для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2015. — 520 с.

5. Василевич С. Г. К вопросу об административном прецеденте как источнике права // Право.by. — 2017. — № 2. — С. 52–56.

6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.06.2016 по делу № А40-226434/2015 [Сайт] URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gk9xhACWLzNj/> (дата обращения 06.02.2026).

7. Дворникова О. В. Административный прецедент в системе источников права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 2009. — 16 с.

8. Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования» // Российская газета. — 1996. — № 68.

9. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19.05.2024 по делу № А60-11349/2024 [Сайт] URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mjnuastktqmV/> (дата обращения: 07.02.2026).

УДК 349

Елизаров М. С.,
магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В РОССИИ И США

Аннотация. В представленной статье анализируются механизмы правового регулирования возобновляемых источников энергии в таких государствах, как США и Российская Федерация. Тема представляется актуальной, так как регламентация данного источника энергии в России еще находится в зачаточном состоянии. Для более качественного ее развития требуется обращать внимание и на опыт передовых зарубежных стран, чтобы реципировать их нормы в отечественное законодательство. США же хотя уделяют меньшее внимание возобновляемым источникам, чем ЕС, все-таки имеют неплохой опыт в их эксплуатации в целях генерации энергии.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, законодательство, генерация энергии, сравнительный анализ.

Elizarov M. S.,
Master's student

Saint Petersburg State University of Economics

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF RENEWABLE ENERGY SOURCES IN RUSSIA AND THE USA

Abstract. This article analyzes the mechanisms of legal regulation of renewable energy sources in countries such as the United States and the Russian Federation. The topic

seems relevant, as the regulation of this energy source in Russia is still in its infancy. For its better development, it is necessary to pay attention to the experience of advanced foreign countries in order to translate their norms into domestic legislation. Although the United States pays less attention to renewable sources than the EU, they still have good experience in using them for energy generation.

Keywords: Renewable energy sources, legislation, energy generation, comparative analysis.

В эпоху четвертого энергоперехода все больше государств стремятся популяризировать долю возобновляемых источников (далее так же — ВИЭ) в своем энергобалансе. К таковым относится и Российская Федерация, которая определяла значительную роль данных объектов в Энергетических стратегиях до 2035 и до 2050 года. Подобный тезис отмечен так же и в Доктрине энергетической безопасности, подчеркивающей увеличивающуюся роль ВИЭ: «Россия «входит в число мировых лидеров по запасам углеводородного сырья». Однако запасы полезных ископаемых исчерпаемы, и в какой-то момент придется отказаться от постоянного их использования.

Кроме того, надо учитывать общую ориентацию мира на отказ от природных ресурсов и переход при производстве товаров на «зеленые рельсы» [1]. Однако законодательство, регулирующее использование возобновляемых источников в нашем государстве сегодня развито достаточно слабо. Требуется его совершенствование — этому может поспособствовать опыт зарубежных стран, чье развитие ВИЭ-индустрии находится на высоком уровне, в частности США [2, с. 87]. Сравним текущее нормативное регулирование России и Соединенных Штатов, выделим общие и различные тенденции, а также определим, какие зарубежные правовые нормы могут быть актуальными для отечественной системы права.

В Российской Федерации сегодня нет отдельного федерального закона, который регулировал бы использование возобновляемых источников энергии (в отличии, например, от атомной энергетики). Преимущественно эксплуатация данного объекта регламентируется подзаконными актами или же «общими» законами, в частности:

А) Федеральный закон «Об электроэнергетике»;

Нормативные правовой акт закладывает общие принципы функционирования электроэнергетики, включая производство и использование энергии, генерируемой благодаря возобновляемых источников. В частности, статья 21.1 регулирует вопросы поддержки генерирующих

объектов, работающих на основе возобновляемых источников энергии, в рамках оптового и розничного рынков электроэнергии. Так же, он предусматривает и легальное определение возобновляемых источников в статье 3, отмечая, что к таковым, в частности, относится энергия солнца, энергия ветра, энергия вод и энергия приливов, а также биомасса (в виде специально выращенных растений) [3].

Б) Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Закон устанавливает обязательства по внедрению энергоэффективных технологий, включая использование ВИЭ. В рамках регулятивных мер, предлагаемых данным нормативно-правовым актом, предусматриваются меры господдержки, стимулирующие применение возобновляемых источников в бытовом и промышленном секторах [4]. Стимулирующие механизмы перехода на возобновляемые источники так же предлагаются подзаконными актами, например Постановлением Правительства РФ от «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности», которое помимо прочего так же систематизирует инвестиционно-правовые нормы в рассматриваемой сфере [5].

Определенные ясности в регулирование генерации энергии посредством использования ВИЭ вносит Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии и (или) являющегося низкоуглеродным генерирующим объектом...». Оно устанавливает критерии, в соответствии с которыми объект может быть признан электрической станцией, функционирующей на основе использования возобновляемых источников энергии или являющейся низкоуглеродным генерирующим объектом. При этом, данный подзаконный акт касается и процедуры регистрации генерирующих объектов в качестве станций, использующих низкоуглеродные или возобновляемые источники, что необходимо для получения государственных льгот [6].

Приведенный список нормативно-правовых актов России, регулирующих ВИЭ, не является исчерпывающим. Его также можно дополнить законами и подзаконными актами субъектов России,

отдельными техническими регламентами, ГОСТами и иными аналогичными документами.

Целесообразно перейти к рассмотрению системы источников энергетического права США. С организационной точки зрения первоначально следует отметить Закон «Об организации департамента по вопросам энергетики». Нормативный акт закрепляет структуру данного департамента, в том числе регламентирует деятельность таких подразделений, как Федеральная комиссия по вопросам регулирования энергетики и Отдел по вопросам энергоэффективности и возобновляемых источников энергии — они занимается разработкой стратегий и иной документации по введению в эксплуатацию различного рода энергетических станций по выработке энергии (в том числе с помощью возобновляемых источников) [7, с. 133]. На данный момент, как указывает в своей статье Л. И. Брославский, усиленно идет разработка гидроэлектростанций, функционирующих на течении воды [8, с. 128].

Более точно ВИЭ-индустрию регулируют следующие нормативные правовые акты США:

- Указ Президента США № 13514 «О ведущей роли федеральных органов в области охраны окружающей среды, энергетики и экономики», обязывающий федеральные агентства передавать отчеты о снижении (или повышении) парниковых газов и внедрении ВИЭ-технологий;
- Закон Дункана Хантера «Об ассигнованиях на национальную оборону», расширяющий возможности ВС США по использованию возобновляемых источников энергии для обеспечения военных нужд и производства техники и боеприпасов;
- Закон «Об энергетической независимости и безопасности», заключающий в себе положения о увеличении доли альтернативных источников в энергобаланс, снижении зависимости США от нефтяных энергоносителей, повышении энергоэффективности и финансирования научных разработок в сфере ВИЭ [9, с. 225].

Американское законодательство наряду с отечественным предлагает и определенные льготы для субъектов, использующих ВИЭ для генерации энергии. При этом, что важно отметить, лица имеют возможность получение льготного кредита на введение в эксплуатацию станций, функционирующих на базе возобновляемых источников

энергии, а также локальных генераторов для бизнеса и домашнего хозяйства (например, солнечных батарей) [10, 73].

Эта практика представляется нам интересной — аналогичных льгот отечественным законодательством не предусмотрено (хотя ст. 67 НК РФ и предлагает инвестиционные кредиты для лиц, обеспечивающих энергией, в частности многоквартирные дома, энергией на базе ВИЭ) [11]. На основании этого и стратегической важности увеличения ВИЭ в энергобалансе России, видим необходимость развитие подобного механизма и для отечественной правовой системы. Пока отдельного нормативного акта, регулирующего использование ВИЭ, предлагаем внести норму о налоговых льготах (на доходы физических и юридических лиц) за установление ВИЭ-генераторов предпринимателями или частными домовладельцами (в рамках выплаты НДФЛ). Для первых предлагается следующее:

«С учетом положений настоящей статьи право на налоговую льготу имеют следующие категории налогоплательщиков:

16) лица, использующие ВИЭ-генерацию для обеспечения домашнего хозяйства и индивидуального предприятия энергией».

Такая норма позволит подойти сбалансированно к распространению частных ВИЭ-генераторов. С одной стороны, государство освобождается от необходимости возводить линии электропередач и осуществлять локализованное подключение к ним отдельных зданий и сооружений. С другой, граждане, потратившие свои личные средства, освобождаются от части налоговой нагрузки. При этом, популяризируется и сама ВИЭ-генерация, что позволит Российской Федерации достигнуть собственных стратегических целей в сфере энергетики.

В целом же, как можно увидеть, законодательство США о ВИЭ несколько проработаннее, чем отечественное; в то же время можно увидеть и общие тенденции развития системы нормативных правовых актов, в особенности, что касается предоставления инвестиционных льгот и кредитов. Следовало бы подчеркнуть даже скорее государственную организацию по достижению стратегической инициатив развития и популяризации возобновляемых источников — Соединенные Штаты создали систему взаимно ответственных органов, которые отвечают за тот или иной аспект внедрения ВИЭ и регулирования их безопасного применения. В России же данный вопрос курирует в общем Министерство энергетики, что не всегда способствует мобильности

решения вопроса. На наш взгляд, целесообразно выделить отдельный комитет, который содействовал бы достижению стратегических задач по увеличению доли возобновляемых источников в энергобалансе Российской Федерации. Такой бы орган мог реализовывать следующие функции:

- разработка подзаконных актов по обеспечению безопасности использования ВИЭ-генерации;
- разработка механизма льгот отдельным группам поставщиков энергии, использующих ВИЭ-генерацию;
- координация деятельности крупных поставщиков энергии, использующих ВИЭ-генерацию;
- осуществление приемки ВИЭ-станций, проведение экспертиз безопасности и соответствия федеральным нормативам.

Предложенные нами нововведения по увеличению льгот для субъектов, использующих ВИЭ-генерацию для обеспечения энергией частных домов и предприятий, а также по выделению специального отдела Министерства энергетики по развитию ВИЭ-энергетики позволят Российской Федерации достигнуть стратегических целей и снизить выбросы парникового газа и иных вредоносных элементов в окружающую среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 13.05.2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — 20 мая.

2. Никитина Ю. С. Нормативно-правовое регулирование возобновляемых источников энергии: опыт России и зарубежных стран // НПЖ «Диалог». — 2025. — № 1. — С. 86–88.

3. Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 25.10.2024) // Российская газета. — 2003. — 1 апреля; 2024. — 25 октября.

4. Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 13.06.2023) // Российская газета. — 2009. — 27 ноября; 2023. — 13 июня.

5. Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 г. № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» (ред. от 03.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — 10 июня; 2024. — 3 мая.

6. Постановление Правительства РФ от 28.12.2023 г. № 2359 «Об утверждении Правил квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии и (или) являющегося низкоуглерод-

ным генерирующим объектом, Правил определения степени локализации на территории Российской Федерации производства генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии по генерирующему объекту и показателя экспорта промышленной продукции (генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии) и (или) работ (услуг), выполняемых (оказываемых) при проектировании, строительстве и монтаже генерирующих объектов, расположенных на территориях иностранных государств, по генерирующему объекту, Правил ведения реестра атрибутов генерации, предоставления, обращения и погашения сертификатов происхождения электрической энергии» // Собрание законодательства. — 2024. — 1 января.

7. Кутовая И. Э. Регулирование использования возобновляемых источников энергии в странах ЕС и США // Проблемы права: теория и практика. — 2019. — № 46. — С. 131–141.

8. Брославский Л. И. Энергетическое право США: возобновляемые источники энергии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2020. — № 3. — С. 125–134.

9. Дакалов М. В. Нормативно-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в США: основные документы // Проблемы экономики и юридической практики. — 2013. — № 1. — С. 224–226.

10. Родыгина Н. Ю. Методы государственного регулирования и инструменты господдержки ВИЭ в России и за рубежом // Образование и право. — 2023. — № 7. — С. 69–76.

11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Российская газета. — 1998. — 6 августа; 2024. — 29 ноября.

УДК 343

Панченко С. В.,

магистрант кафедры

«Уголовное право и процесс» ФГАУ ВО «Севастопольский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТ. 264 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проблема законодательного регулирования, а также квалификации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств занимает важное место в современной правовой системе Российской Федерации. Актуальность данной темы обусловлена ростом фактов нарушений правил дорожного движения, а также высокой степенью их социальной опасности, что приводит к значительным человеческим жертвам и имущественным потерям. Несмотря на законодательную регламентацию уголовной ответственности в данной сфере, остаётся ряд нерешённых вопросов, которые требуют детального изучения, а также разработки рекомендаций для практического применения. Цель научной работы заключается в выявлении основных проблем, возникающих при квалификации по статье 264 УК РФ, разработке

предложений по совершенствованию правового регулирования и практики квалификации нарушений правил дорожного движения с учетом тяжести совершенного нарушения, степени и состояния опьянения лица, управляющего механическим транспортным средством.

Ключевые слова: нарушения правил дорожного движения, ДТП со смертельным исходом, тяжкое преступление.

Panchenko S. V.,

*Master's student of the Department
of Criminal Law and Procedure FSAU HE "Sevastopol State University*

SOME PROBLEMS OF CRIME QUALIFICATION UNDER ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The problem of legislative regulation, as well as the qualification of violations of traffic rules and the operation of vehicles, occupies an important place in the modern legal system of the Russian Federation. The relevance of this topic is due to the growing facts of traffic violations, as well as the high degree of their social danger, which leads to significant human casualties and property losses. Despite the legislative regulation of criminal liability in this area, there are still a number of unresolved issues that require detailed study, as well as the development of recommendations for practical application. The purpose of the scientific work is to identify the main problems that arise during qualification under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, to develop proposals for improving the legal regulation and practice of qualifying traffic violations, taking into account the severity of the violation, the degree and state of intoxication of the person driving a motor vehicle.

Keywords: traffic violations, fatal traffic accident, serious crime.

Квалификация преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в настоящее время сопряжена со множеством проблем. Их решение требует системного подхода, для чего целесообразным представляется, прежде всего, определение приоритетных задач:

- классифицировать факторы риска, способствующие общественной опасности во время нарушений ПДД и эксплуатации транспорта;
- проанализировать объект преступления и выявить специфику правового статуса предметов, связанных с нарушением ПДД и эксплуатацией ТС [13, с. 56–57];
- изучить особенности объективной стороны деяния, квалифицируемого по ст. 264 Уголовного кодекса РФ;

- дать уголовно-правовую оценку субъективных признаков состава рассматриваемого преступления;
- подготовить рекомендации по оптимизации правоприменительной практики и совершенствованию законодательного регулирования ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Судебная практика в рассматриваемой сфере имеет ряд противоречий и разночтений. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [4] в целях обеспечения единства судебной практики рекомендовано судам учитывать разъяснения, содержащиеся в данном документе. Однако суды не всегда следуют данной рекомендации.

Например, рассмотрим Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2023 г., дело № 66-УДП23–20-К8, где гражданин обвиняется в нарушении, предусмотренном частью 3 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.[2]

Верховный Суд Российской Федерации вынес решение, отличающееся от позиций судов низшей инстанций, и отменил уголовное производство по делу о «смертельной аварии» вследствие примирения сторон. В своем решении суд первой инстанции указал освободить виновника происшествия от уголовного преследования на основании статей 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ и 76 Уголовного кодекса РФ. В первом судебном решении были приведены доводы, что подсудимый ранее не привлекался к уголовной ответственности, открыто признавался в своей вине, выражал искреннее сожаление о случившемся и самостоятельно компенсировал ущерб пострадавшей стороне. Нарушитель выплатил 1 миллион рублей, возместив материальные потери и моральный ущерб потерпевшему лицу, публично принес извинения [10].

При отмене решений нижестоящих судебных инстанций Верховный Суд РФ подчеркнул, что суды проигнорировали тот факт, что основной целью расследования стало рассмотрение общественных отношений, касающихся дорожной безопасности и правильной эксплуатации автомобилей.

Согласно Определению ВС РФ общественная опасность преступления обусловлена нанесенным ущербом государственным и общественным интересам, а именно в вопросе пользования транспортом, представляющим повышенную степень риска для окружающих. Однако само по себе возмещение ущерба частным лицам не было признано достаточным для восстановления нарушенных общественных интересов, поскольку судом не были указаны конкретные меры, принятые обвиняемым для устранения последствий своего проступка перед обществом в целом. Кроме того, прекращение уголовного производства по причине примирения сторон автоматически лишило суд возможности назначить водителю дополнительное наказание в виде ограничения права управления автомобилем. Это означает, что виновный вновь сможет садиться за руль транспортного средства, создавая потенциальную угрозу для всех остальных участников дорожного движения.

Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.05. 2023 г. в отношении водителя — обвиняемого было отменено, а дело возвращено на новое рассмотрение.

Ранее Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума от 9.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» была дана рекомендация судам учитывать следующее: согласно пункту 16 указанного постановления, суд имеет право, но не обязанность прекращать уголовное преследование по статьям 1, 2, 3 или 5 части статьи 264 Уголовного кодекса РФ на основании примирения сторон (статья 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Решение о прекращении дела должно основываться на полном анализе характера и степени тяжести совершенного преступления, сведений о личности обвиняемого, обстоятельств дела, включая признание потерпевшего, уровня доходов потерпевшего, возможное давление на потерпевшую сторону, действия обвиняемого по возмещению ущерба и прочие значимые факторы. Судье необходимо убедиться, что такое решение удовлетворяет интересы прав и свобод личности, общества и государства.

В данном Постановлении говорится, что необходимо оценивать действия не только водителя, но и других участников дорожного дви-

жения на предмет нарушения ПДД. Если суд на основании представленных доказательств установит, что указанные негативные последствия, обозначенные в статье 264 Уголовного кодекса РФ, возникли не только из-за нарушения водителем правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, но и вследствие несоблюдения определённых норм правил дорожного движения самим потерпевшим (например, неправильный переход дороги пешеходом вопреки требованиям пункта 4.3 Правил), то эти факты могут служить основанием для смягчения назначенного наказания, кроме ситуаций, когда сам водитель, ставший причиной ДТП, пренебрег своими обязательствами обеспечить безопасность находящихся в транспортном средстве пассажиров (пункт 2.1.2 Правил).

Однако возникает вопрос: почему же сами пешеходы, пересекающие проезжую часть вне установленных мест, либо находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, не рассматриваются как полноценные нарушители Правил дорожного движения. Подобные действия со стороны пешеходов несут серьёзную угрозу здоровью и жизни всех участников дорожного движения, следовательно, требуют привлечения к ответственности и санкций, аналогичных предусмотренным для водителей в рамках статьи 264 УК РФ.

Целесообразно и важно включить соответствующие поправки в статью 264 Уголовного кодекса РФ и статью 268 УК РФ, регламентирующую ответственность пассажира, пешехода или иного участника дорожного движения (исключая лиц, подпадающих под действие статей 263 и 264 УК РФ) за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств.

Ещё одним ярким примером служит Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 октября 2024 года № 18-УД24–33-К4 [3]. В данном деле обвиняемый, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управлял автомобилем, превысил скоростной режим, выехал на полосу встречного движения и съехал на обочину, где столкнулся с деревом. Вследствие произошедшего дорожно-транспортного происшествия пассажиры получили тяжёлые травмы. Несмотря на это, обвиняемый был освобождён от уголовной ответственности на основании статьи 76 Уголовного кодекса РФ по причине примирения с потерпевшими. Уголовное дело против водителя было прекращено.

Все требуемые условия для прекращения уголовного дела вследствие примирения сторон были выполнены: обвиняемый ранее не имел судимости, признал свою вину и возместил причинённый ущерб [15, с. 167]. Прокурор посчитал возможным освободить виновного от уголовной ответственности, утверждая, что нет запрета на прекращение дела в ситуации нанесения вреда сразу нескольким категориям пострадавших. Данное решение не препятствует процессуальному действию.

Тем не менее, кассационная инстанция, изучив доводы жалобы прокурора, выявила существенные нарушения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, допущенные судом первой инстанции. В результате постановление от 23.03.2022 г. было отменено, а дело направлено на повторное судебное разбирательство.

Обосновывая своё решение, предусмотренное статьей 264 Уголовного кодекса РФ, суд кассационной инстанции отметил, что при наличии двух объектов преступления простое возмещение материального ущерба пострадавшим сторонам не способно ликвидировать все возникшие последствия, уменьшить степень общественной опасности совершённого преступления, доказать полное устранение вреда, причинённого основному объекту преступного посягательства.

Судебная коллегия сделала вывод, что обвиняемым были реализованы все установленные законом меры, нацеленные на минимизацию отрицательных последствий его действий, что позволило принять обоснованное решение о непривлечении его к уголовной ответственности.

Отменяя предыдущее постановление, суд кассационной инстанции не учёл важный аспект: закон не предусматривает никаких запретов или ограничений относительно принятия решения о прекращении уголовного дела в зависимости от количества или характеристик объектов преступного посягательства.

Важно помнить, что состояние опьянения водителя, управляющего транспортным средством, выступает отдельным квалифицирующим признаком преступления [12, с. 20; 14, с. 362]. Управление машиной в состоянии алкогольного опьянения считается одним из самых опасных видов правонарушений, поскольку оно провоцирует совершение иных нарушений ПДД, создаёт риск возникновения аварийных ситуаций и увеличивает вероятность наступления тяжких последствий. Причина этому кроется в особенностях воздействия алкоголя на ор-

ганизм: опьяневший человек часто переоценивает собственные способности, утрачивает самоконтроль, осторожность и умение предвидеть возможные неблагоприятные исходы своих поступков.

Также отмечается, что в состоянии опьянения существенно ухудшается способность быстро реагировать на чрезвычайные ситуации, так как преобладают стереотипные и автоматизированные реакции, что дополнительно повышает риск дорожных происшествий. Именно это сочетание состояний — опьянения и тревоги — особенно сильно влияет на увеличение числа аварийных ситуаций среди участников дорожного движения.

Значительный риск несёт любое нарушение правил дорожного движения человеком, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного воздействия.

Наглядным примером нарушения правил дорожного движения со стороны пешеходов является апелляционное определение Ульяновского областного суда № 22–1846/2024 от 9.10. 2024 г.[1]. Обвиняемый признан виновным по части 3 статьи 264 Уголовного кодекса РФ и получил наказание в виде лишения свободы сроком на полтора года, а также запрета на занятие деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, продолжительностью два года. Согласно мнению защиты судом в приговоре не дана оценка действиям пострадавшей, которая, как установлено, переходила проезжую часть в неположенном месте. Не согласны с тем, что судом принято заключение автотехнической судебной экспертизы и отказано в удовлетворении ходатайства о назначении дополнительной видео автотехнической судебной экспертизы. Ссылаясь на то, что экспертом сделаны выводы, на представленных следователем установочным данным относительно средней скорости пешехода 3,7 км/ч. Исходя из имевшейся записи с видеорегистратора, можно было достоверно установить скорость пешехода, которая, по мнению защиты, явно превышала скорость, указанную следователем [11].

Кроме того, потерпевшей было подано ходатайство о прекращении уголовного дела по причине примирения сторон, однако суд отказал в удовлетворении данного ходатайства. Такое решение суда вполне согласуется с нормами статьи 76 Уголовного кодекса РФ и статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в пункте 16 Постановления от 9.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам

о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». [8]

Согласно указанным нормам, суд имеет возможность прекратить уголовное дело (либо освободить подсудимого от уголовной ответственности) при условии соблюдения ряда критериев, указанных в законе, при этом принимая во внимание принцип справедливости и соответствия целей правосудия, защиты прав и интересов граждан, общества и государства.

Из материалов дела следует, что дорожно-транспортное происшествие, повлекшее наступление неблагоприятных последствий, возникло непосредственно по вине осуждённого водителя.

Несмотря на аргументы, содержащиеся в апелляционной жалобе, суд мотивированно отклонил ходатайство о прекращении уголовного дела на основании примирения сторон. Основанием для отказа послужила совокупность всех изложенных обстоятельств, имеющих отношение к предмету судебного разбирательства, включая природу объекта преступного посягательства и обстоятельства самого события. Особое внимание уделялось главному: объектом преступления выступают общественные отношения, касающиеся вопросов безопасности дорожного движения и надлежащей эксплуатации транспортных средств.

Опасность содеянного состоит в нанесении ущерба интересам государства и общества в сфере безопасной эксплуатации транспортных средств, относящихся к источникам повышенной опасности. Наряду с этим дополнительным объектом преступного посягательства становится человеческое здоровье и жизнь — наивысшая и защищённая законом ценность, потеря которой необратима и невосстановима.

Из обстоятельств дела видно, что значительных нарушений уголовно-процессуальных норм, которые могли бы повлечь отмену вынесенного приговора, не выявлено.

Однако приговор подлежит частичному изменению, в связи с ошибочной трактовкой положений уголовного законодательства, выражающейся в излишнем ужесточении санкции в части срока лишения свободы и дополнительного наказания в виде временного ограничения права на вождение транспортных средств.

Обращаясь к разъяснениям Верховного Суда РФ, закреплённым в пункте 10 Постановления Пленума от 9 декабря 2008 года № 25

(редакция от 25 июня 2024 года) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», отметим следующее: суд выясняет на основании собранных доказательств, что тяжкие последствия, предусмотренные в статье 264 УК РФ, стали следствием не только нарушения водителем правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, но и нарушениями со стороны потерпевшего, а именно, игнорирование отдельных пунктов правил (например, нарушение требования пункта 4.3 Правил дорожного движения пешеходом). Указанные обстоятельства могут приниматься судом во внимание, как смягчающие обстоятельства при назначении наказания.

Статья 264 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и вызывает ряд вопросов, касающихся применяемых санкций. В современных условиях система наказаний нуждается в трансформации [17]. Полагаем необходимым дополнить санкцию ст. 264 УК РФ наказание в виде обязательных работ. Обязательные работы могли бы стать альтернативой иным видам наказания в случаях, когда преступление не представляет большой общественной опасности, но требует наказания, восстанавливающего социальную справедливость. Введение обязательных работ в качестве дополнительного или самостоятельного наказания позволило бы суду учитывать индивидуальные обстоятельства дела и выбирать наиболее справедливое наказание. При этом необходимо четко обозначить критерии применения обязательных работ для исключения двоякого понимания положений статьи 264 Уголовного кодекса РФ.

Аналогичные корректировки рекомендуется внести в содержание статьи 268 УК РФ, регламентирующей порядок привлечения к ответственности прочих участников дорожного движения, пешеходов и пассажиров, за нарушение ими правил безопасной эксплуатации транспортных средств. В настоящее время санкции статьи 268 УК РФ существенно мягче, чем санкции статьи 264, что не всегда соответствует степени общественной опасности деяния. Например, действия пешехода, перебегающего дорогу в неположенном месте, приводят к тяжким последствиям, заслуживают более строгого наказания, чем предусмотрено сейчас. Суд при рассмотрении обстоятельств дела, применяя п. 10. вышеизложенного Пленума, должен учитывать

смягчающие наказание не только для водителя, но и учитывать ответственность виновника аварии и/или аварийной ситуации вплоть до освобождения от уголовной ответственности обвиняемого.

При назначении судебной автотехнической экспертизы в соответствии с п. 8 необходимо не ограничиваться рассмотрением только тех обстоятельств, которые связаны исключительно с действиями водителя транспортного средства, но также оценивать поведение других участников дорожного движения, включая пешеходов.

Установление общественной опасности совершенного деяния должно заключаться в оценке причинения вреда интересам государства и общества в сфере эксплуатации транспортных средств, представляющих собой источник повышенной опасности. При этом сохранить возможность прекращения уголовных дел по статьям 1, 2, 3 или 5 части статьи 264 УК РФ путем примирения сторон (статья 25 УПК РФ) [16, с. 154] как право сторон, при условии исключения случаев управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. При принятии соответствующего решения необходимо убедиться, что оно не противоречит основным целям и задачам защиты прав и интересов личности, общества и государства.

Особое внимание следует уделить ужесточению административной ответственности за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, повлекшем причинение средней тяжести вреда здоровью. В таких случаях необходимо исключить возможность примирения с потерпевшей стороной, поскольку это может быть воспринято обществом, как недопустимая снисходительность к нарушителю, поставившему под угрозу жизнь и здоровье других людей. Судебная практика показывает, что примирение в подобных случаях часто ущемляет права потерпевшего и не способствует эффективному возмещению вреда. Исключение возможности примирения станет действенным инструментом предупреждения подобных преступлений.

Таким образом, вышеизложенные проблемы, связанные с юридической оценкой нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, требуют корректировки действующего законодательства в части наказания и процессуальной возможности прекращения уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим.

Представленный в настоящей статье анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что суды, несмотря на изложенные в По-

становлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» рекомендации, не в полной мере придерживаются рекомендаций и нарушают единство судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное определение Ульяновского областного суда по делу № 22–1846/2024 от 09 октября 2024 года /uloblsud.ru/ // Сайт Ульяновского областного суда РФ [Сайт]. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=114967> (дата обращения 02.11.2025).

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2023 N66-УДП23–20-К8 /legalacts.ru/ // ЮИС Легалакт. [Сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23112023-n-66-udp23-20-k8/> (дата обращения: 30.10.2025).

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2024 N18-УД24–33-К4 /legalacts.ru/ ЮИС Легалакт. [Сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15102024-n-18-ud24-33-k4> (дата обращения: 27.10.2025).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» /consultant.ru/ СПС «Консультант плюс». [Сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (дата обращения: 27.10.2025).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/. // СПС «Консультант плюс». [Сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (дата обращения: 27.10.2025).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «Консультант плюс». [Сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (дата обращения: 27.10.2025).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ // СПС «Консультант плюс». [Сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656 (дата обращения: 27.10.2025).

8. Сборник действующих постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по во-

просам применения норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Ч. 1 [Текст]. — Москва: Русайнс, 2017. — 172 с.

9. Комарикова С. А. Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: статья 264 УК РФ / С. А. Комарикова: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Комарикова Софья Александровна; [Место защиты: Омская акад. МВД РФ]. — Омск, 2018. — 213 с.

10. Гарбатович Д. А. Возмещение ущерба и иное заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности (ст. 76, 762 УК РФ) в зависимости от особенностей объекта преступления // Уголовное право. — 2024. — № 12. — С. 12–27.

11. Исаев Н. Ю. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Исаев Николай Юрьевич; [Место защиты: Ин-т междунар. права экономими им. А. С. Грибоедова]. — Москва, 2009. — 206 с.

12. Крайнова Н. А. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. — М.: Русайнс, 2024. — 80 с.

13. Крайнова Н. А. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Н. А. Крайнова, Н. В. Радошнова. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. — 275 с.

14. Уголовное право. Особенная часть: курс лекций. — СПб.: Изд-во СПбУМВД РФ, 2010. — 632 с.

15. Крайнова Н. А. Особенности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам, сопряженным с причинением смерти // Крымские юридические чтения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Симферополь, 2024. — С. 166–171.

16. Крайнова, Н. А. Уголовный процесс (досудебное производство) / Н. А. Крайнова, И. В. Мезенцев, В. В. Петров, О. А. Чабукиани: учебное пособие. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. — 177 с.

17. Krainova N., Impact of the digital transformation of society on the determination of optimal punishment models to counter crime / Krainova N., Gaag I., Poshivailova A. // Jurnal cita hukum. — 2024. — № 1. — Т. 12. — С. 59–70.

УДК 347.447.6

Помогайбо А. А.,

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОБЫЧИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА

Аннотация. В статье исследуются особенности правового регулирования разведки и добычи энергоресурсов на континентальном шельфе Российской Федерации с учетом международно-правовых норм и национального законодательства. Проанализированы доктринальные материалы, а также ключевые нормативные акты, в числе которых Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, Федеральный закон «О континентальном шельфе РФ», Закон РФ

«О недрах» и некоторые иные. Выявлены актуальные правовые проблемы в сфере освоения шельфовых месторождений (в том числе вопросы разграничения внешних границ шельфа и ограничения доступа иностранных инвесторов), предлагаются обоснованные решения по совершенствованию нормативной базы и правоприменения.

Ключевые слова: континентальный шельф, энергоресурсы, добыча нефти и газа, Арктика.

Pomogaibo A. A.,

Graduate student

Saint Petersburg State University of Economics

LEGAL REGULATION OF ENERGY RESOURCES EXTRACTION ON THE TERRITORY OF THE CONTINENTAL SHELF

Abstract. The article examines the specifics of the legal regulation of the exploration and production of energy resources on the continental shelf of the Russian Federation, taking into account international legal norms and national legislation. The author analyzes doctrinal materials, as well as key regulatory acts, including the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea, the Federal Law “On the Continental Shelf of the Russian Federation”, the Law of the Russian Federation “On Subsoil” and some others. The current legal problems in the field of offshore field development (including issues of delineating the outer limits of the shelf and restricting access for foreign investors) have been identified, and reasonable solutions have been proposed to improve the regulatory framework and law enforcement.

Keywords: continental shelf, energy resources, oil and gas production, Arctic.

Развитие добычи энергоресурсов на континентальном шельфе имеет стратегическое значение для Российской Федерации, обладающей обширными шельфовыми территориями (особенно в Арктике) с крупными запасами нефти и газа. Континентальный шельф в юридическом смысле подразумевает морское дно и его недра, прилегающие к побережью государства, находящиеся вне пределов территориального моря, до внешней границы подводной окраины материка.

Актуальность темы правового регулирования добычи энергоресурсов на территории континентального шельфа Российской Федерации обусловлена рядом причин. Во-первых, континентальный шельф, особенно в Арктическом регионе, содержит значительные запасы нефти и газа, освоение которых имеет стратегическое значение для устойчивого экономического развития России. Во-вторых, в условиях геополитической напряженности, санкционного давления и ограниченного доступа к зарубежным технологиям возрастает необходимость

четкого, самостоятельного и стабильного правового механизма регулирования эксплуатации шельфовых проектов. В-третьих, международно-правовой статус арктического шельфа по-прежнему остается предметом научных дискуссий и дипломатических переговоров, а отдельные участки до сих пор не признаны мировым сообществом в качестве российского шельфа, что требует правовой определенности и обоснованности.

Прежде всего затронем международно-правовой режим континентального шельфа и его недр. В первую очередь он определяется нормами, закрепленными в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Согласно статье 76 Конвенции, каждое прибрежное государство имеет право на континентальный шельф до 200 морских миль от исходных линий, а при определенных геологических условиях — и далее, вплоть до 350 морских миль от берега [1]. Суверенные права государства на шельф носят исключительный характер — только прибрежное государство вправе заниматься разведкой и разработкой минеральных и иных ресурсов дна и недр шельфа, не требуя для этого специального провозглашения. Зарубежные страны должны уважать эти права и не могут осуществлять добычу без согласия прибрежного государства-контрагента.

Вместе с тем, за пределами 200 миль прибрежное государство должно обосновать научными данными пределы природного продолжения своей суши. Для этого Конвенцией предусмотрено ведение деятельности специальной Комиссии по границам континентального шельфа, которая рассматривает заявки государств на установление внешних границ шельфа сверх 200 миль. Россия активно пользовалась этим механизмом: еще в 2001 году наша страна первой в мире подала заявку о расширении границ своего арктического шельфа, однако из-за недостаточности научного обоснования она была возвращена на доработку [2, с. 13]. В марте 2021 года Россия внесла дополнительные материалы (вторую пересмотренную заявку), включающие участок шельфа вплотную к району Северного полюса. Комиссия, в целом одобрила установление внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане с некоторыми поправками.

Необходимо обратить внимание на национальное правовое регулирование использования континентального шельфа для добычи энергоресурсов. Нормативная база формируется преимущественно Феде-

ральный закон «О континентальном шельфе Российской Федерации», определяющий правовой режим шельфа, и Закон РФ «О недрах», распространяющийся, в том числе, на шельфовые недра [3; 4]. Конституция РФ (ст. 67) прямо указывает, что Российская Федерация обладает суверенными правами и юрисдикцией на континентальном шельфе, а потому деятельность на таких территориях регулируется именно федеральными нормами (хотя отдельные нормативы по расположению буровых и иных добывающих установок могут зависеть от регионального и даже муниципального комплекса правовых актов) [5].

Согласно отечественному законодательству, недра континентального шельфа отнесены к исключительной государственной собственности. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 5 августа 2024 года № 303-ЭС24–11977 подтвердил, что пользование недрами на континентальном шельфе осуществляется на основании Закона «О недрах», аналогично иным типам недр на территории России [6]. Из этого следует, что разведка и добыча углеводородов на шельфе допускаются только на основании специального государственного разрешения — лицензии на недропользование. Документ выдается федеральным органом (в настоящее время — Министерством природных ресурсов) и удостоверяет право конкретного недропользователя на разработку участка недр в пределах определенных границ и на установленных условиях.

При этом, законодательство устанавливает особые требования к субъектам, которые могут получать права на разработку шельфовых месторождений. Исходя из соображений государственной безопасности и экономических интересов, к освоению стратегически важных шельфовых запасов допускаются преимущественно компании с существенной долей государственного участия [7, с. 330]. Так, нормативно-правовыми актами предусмотрены ограничения для иностранных лиц: право пользования участками континентального шельфа предоставляется только российским юридическим лицам, а участие иностранных компаний возможно лишь косвенно (например, через совместные предприятия с миноритарной долей). Это подтверждается и разъяснениями Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 23 апреля 2004 года № 8-П он отмечает, что такое регулирование преследует конституционно значимые цели — обеспечить суверенные права России на ее природные богатства, защитить интересы экономики и гарантировать отечественным компаниям

преимущественные условия при освоении ресурсов [8]. По сути, речь идет о государственной политике энергобезопасности, не допускающей безусловного проникновения иностранного капитала в стратегический сектор добычи шельфовых углеводородов.

Кроме ограничений по субъектному составу недропользователей, российское право содержит и другие специальные правила для шельфовых проектов. Федеральный закон «О континентальном шельфе РФ» регламентирует порядок проведения работ по разведке и добыче, требуя, например, получение отдельного разрешения на каждый этап (геологическое изучение, разведочное бурение, добыча), соблюдение стандартов безопасности морских буровых установок, применения мер по предотвращению загрязнения морской среды и ликвидации возможных аварийных разливов нефти [4].

Проведенный анализ современного состояния правового регулирования добычи энергоресурсов на территории континентального шельфа выявляет одну важную проблему отрасли международного-энергетического права. Нам удалось установить, что несмотря на весьма подробную международную и национальную регламентацию вопрос установления внешних границ континентального шельфа в Арктике до сих пор полностью не урегулирован, что отрицательно влияет в том числе на осуществление добычи энергоресурсов. Хотя Россия активно взаимодействует с межнациональными организациями и иными государствами через Комиссию по границам шельфа и уже более 20 лет вполне успешно добивается признания своего права на расширение шельфа, окончательное разграничение зон влияния стран затягивается из-за необходимости дальнейших научных обоснований и переговоров с другими арктическими государствами.

По нашему мнению, для обеспечения более мобильного рассмотрения кейсов об изменении границ континентального шельфа государств, необходимого для промышленной деятельности, в частности, добычи ресурсов, необходимо инициировать разработку более детальных международно-правовых критериев и процедур признания участков морского дна продолжением континентального шельфа конкретного государства. Российские ученые-юристы, например, Р. В. Поленов, указывают на необходимость внесения ясности в процесс определения принадлежности спорных участков дна путем заключения многосторонних соглашений или путем толкования Конвенции ООН по морскому праву с учетом ее целей [9, с. 207].

Кроме того, на двустороннем уровне Российской Федерации следует продолжать переговоры с сопредельными государствами (Канада, Дания, США) для разделения экономических зон на взаимоприемлемой основе. Успешный пример — договор между Россией и Норвегией 2010 года о разграничении морских пространств в Баренцевом море — показывает, что дипломатическое решение споров возможно и создает основу для совместного освоения трансграничных месторождений [10].

С позиции национального регулирования, остро стоит вопрос соблюдения баланса публичных интересов и улучшения инвестиционного климата. Российское право, как подчеркивает в том числе Р. В. Поленов, исторически ориентировано на доминирующую роль государства в освоении шельфа. Строго публично-правовой характер регулирования (лицензионный режим, ограничения для частных субъектов и иностранных игроков) обеспечивает суверенный контроль, но вместе с тем препятствует привлечению дополнительных инвестиций и передовых зарубежных технологий, необходимых для добычи энергоресурсов глубокого залегания [9, с. 210]. Соответственно, «неблагоприятный» инвестиционный климат существенно ослабляет ресурсодобывающую промышленность, базирующуюся на континентальном шельфе, что препятствует получению дополнительных доходов Российской Федерацией.

В доктринальной литературе, в том числе Е. Е. Коркиной, предлагается смягчить некоторые законодательные ограничения разработки шельфовых месторождений частными и зарубежными компаниями при сохранении ключевых гарантий суверенитета [11, с. 277]. Исходя из мнений ученых, мы можем отметить в качестве наиболее сбалансированной и качественной меры законодательное закрепление механизмов государственно-частного партнерства для шельфовых проектов, допускающих участие частных (в том числе иностранных) юридических лиц в консорциумах с госкомпаниями под строгим контролем государства.

Можно рассмотреть возможность и расширения перечня организаций, имеющих право на шельфовое недропользование, включив компании с достаточным российским контролем и компетенциями, но без обязательного государственного участия 50% (при условии соблюдения критериев безопасности — например, снизив подобный порог для отдельных видов юридических лиц, предоставляющих

детальную отчетность о своей деятельности, до 33%). Изменения могут быть внесены, в частности, в статью 7 Федерального закона «О континентальном шельфе Российской Федерации».

Улучшению инвестиционного климата могут способствовать и стабильные налоговые условия (то есть избегания повышения процентных ставок по налогу на добычу полезных ископаемых). Такие меры позволят привлечь капитал и технологии, гарантируя при этом национальные интересы и обеспечивая территориальную и энергетическую безопасность Российской Федерации.

Как можно увидеть, правовое регулирование добычи энергоресурсов на континентальном шельфе России представляет собой комплекс норм международного и национального права, призванных одновременно обеспечить суверенитет страны над богатствами недр и способствовать их рациональному освоению с выгодой для экономики государства. Проведенный анализ показывает, что Россия выстроила базовую нормативно-правовую систему (в том числе с учетом положений межнациональных правовых актов) для освоения шельфа.

Можно утверждать, что, с одной стороны, обеспечены приоритетные права государства на континентальный шельф, для которых создан правовой режим стратегической защиты ресурсов. С другой стороны, выявлены проблемы, требующие внимания — от пробелов в международных процедурах до внутренних барьеров для инвестиций. Предлагаемые решения, такие как совершенствование процесса по расширению шельфа и гибкое обеспечение привлечения инвестиций, на наш взгляд, помогут сформировать более эффективный и устойчивый правовой режим. Это, в свою очередь, позволит России реализовать свой потенциал как одной из ведущих энергетических держав, осваивая богатства недр континентального шельфа в интересах нынешнего и будущих поколений при соблюдении верховенства права и принципов суверенитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в городе Монтего-Бее 10.12.1982 г.) [Сайт] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 27.05.2025).

2. Альбертян А. П. Континентальный шельф российской федерации как механизм расширения минерально-сырьевой базы страны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2021. — № 2.

3. Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» (ред. от 08.08.2024).
4. Федеральный закон от 30.11.1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» (ред. 19.10.2023).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федер. законом РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 г. № 1-ФЗ).
6. Определение Верховного Суда РФ от 5.08.2024 г. № 303-ЭС24-11977 по делу № А59-5375/2023 [Сайт] URL: <https://apkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-sudarf-ot-05082024-n-303-es24-11977-po-delu-n-a59-53752023/> (дата обращения: 27.05.2025).
7. Козак Д. Н. Правовое регулирование границ территории континентального шельфа государства // Вестник науки. — 2023. — № 11.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы».
9. Поленов Р. В. Правовые проблемы разграничения континентального шельфа в Арктике // Власть закона. — 2020. — № 1.
10. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15.10.2010 г.
11. Коркина Е. Е. Правовые формы привлечения иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль России // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. — 2019. — № 2.

УДК 347.4

Рустамов Т. М.,

*магистрант Института магистратуры
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»*

САМОЗАПРЕТ НА КРЕДИТОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. В представленной статье проводится цивилистический анализ института добровольного самозапрета на получение потребительских кредитов и займов. Автор исследует правовую природу данного механизма, квалифицируя его как нетипичную одностороннюю сделку превентивного характера в системе способов защиты гражданских прав. Особое внимание уделяется гражданско-правовым последствиям установления запрета, анализу возникающих на практике правовых коллизий и случаев злоупотребления правом. Делается вывод о двойственной роли института, находящегося на стыке частной автономии воли и публично-правового регулирования, и предлагаются направления для его дальнейшего совершенствования с целью обеспечения справедливого баланса интересов.

Ключевые слова: потребительский кредит, самозапрет на кредитование, односторонняя сделка, свобода договора, автономия воли, злоупотребление правом, Банк России, микрофинансовая организация.

SELF-IMPOSED BAN ON LENDING IN THE SYSTEM OF CIVIL-LAW MEANS OF CONSUMER PROTECTION

Abstract. This article provides a civil law analysis of the institution of the voluntary self-imposed ban on consumer credit and loans. The author examines the legal nature of this mechanism, qualifying it as an atypical, preventive unilateral transaction within the system of civil rights protection. Special attention is paid to the civil-law consequences of imposing such a ban, as well as to the analysis of legal conflicts and instances of abuse of rights that arise in practice. The conclusion is drawn regarding the dual role of this institution, situated at the intersection of private autonomy of will and public-law regulation. The author also proposes avenues for its further refinement to ensure a fair balance of interests.

Keywords: consumer credit, self-imposed lending ban, unilateral transaction, freedom of contract, autonomy of will, abuse of rights, Bank of Russia, microfinance organization.

Федеральным законом от 26.02.2024 N31-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» [1], согласно которым с 01.03.2025 г. физическое лицо вправе устанавливать запрет на заключение договоров потребительского кредита (займа).

Внедренный с указанной даты механизм самозапрета на потребительские кредиты и займы стал одним из самых масштабных и дискуссионных нововведений в сфере финансов. Согласно статистике, которую приводит Председатель Банка России Э. С. Набиуллина, на январь 2026 года за 10 месяцев работы сервиса запрет установили 21 млн человек [2].

Широкое распространение механизма свидетельствует о высоком социальном запросе на защиту от кредитного мошенничества. Однако столь быстрое и массовое внедрение инструмента, радикально меняющего традиционные договорные отношения, требует глубокого цивилистического осмысления. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ самозапрета как комплексного гражданско-правового явления, оценка его влияния на договорные конструкции, выявление возникающих коллизий и определение степени допустимого публично-правового вмешательства в частную автономию воли.

С позиций гражданского права самозапрет представляет собой нетипичную одностороннюю сделку, порождающую абсолютное правоотношение. Его нетипичность заключается в превентивной цели, адресованности неопределенному кругу лиц и создании длящегося правового состояния. Физическое лицо, подавая заявление через электронный портал «Госуслуги» или через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), совершает юридическое действие, адресованное всем банкам и микрофинансовым организациям (далее — МФО). Целью этой сделки является установление постоянного правового режима, при котором заключение договора потребительского кредита (займа) становится юридически невозможным, что направлено на снижение риска мошенничества.

При этом законодатель, вводя инструмент, сохранил диспозитивность, разрешив устанавливать полный или частичный запрет, например, только для МФО или только на дистанционные (онлайн) заявки на кредитование [3].

Важным ограничением сферы действия самозапрета является исключение из-под его действия ипотечного кредитования, автокредитов, целевых образовательных кредитов и договоров поручительства. Это подчеркивает направленность механизма именно на сегмент необеспеченных потребительских займов, наиболее уязвимый для мошеннических действий.

В системе способов защиты гражданских прав согласно ст. 12 Гражданского кодекса России [4] самозапрет занимает уникальное место в качестве превентивного, преддоговорного способа. В отличие от классических мер, таких как возмещение убытков или признание сделки недействительной, которые применяются после нарушения, самозапрет призван предотвратить само возникновение обязательства, основанного на противоправных действиях. Эта превентивная логика развита и в процедурных деталях, например, для снятия запрета установлен так называемый период охлаждения продолжительностью в один день, призванный оградить гражданина от принятия решений под давлением мошенников или в состоянии аффекта [5]. Таким образом, механизм трансформирует пассивное право не заключать договор в активное, постоянно действующее правовое состояние.

Наиболее значимым гражданско-правовым последствием самозапрета является вопрос о действительности кредитного договора,

заключенного с его нарушением. Позиция регулятора категорична, если кредитор выдал кредит при действующем запрете, он лишается права требования к гражданину по такому договору [6]. Данную норму следует квалифицировать как специальное основание недействительности, а именно ничтожности, сделки. Причем последствия носят абсолютный характер, даже в случае уступки права требования (цессии) новый кредитор также не сможет осуществить взыскание. На кредитора возлагается обязанность по проверке наличия запрета, что создает жесткий правовой режим. В рамках этого режима риск технических сбоев или задержек в обновлении данных бюро кредитных историй (далее — БКИ) ложится на финансовую организацию. Однако Банк России планирует ускорить обмен информацией между кредиторами и БКИ практически до онлайн-режима, что несомненно снизит бремя ответственности для кредиторов [7].

Стремительное внедрение данного института выявило ряд серьезных проблем и коллизий. Зафиксированы массовые случаи злоупотребления правом, которые участники рынка характеризуют как новый вид «потребительского экстремизма». Схема заключается в том, что гражданин, установив запрет, немедленно обращается за кредитом, пытаясь использовать временной промежуток до одного дня между подачей заявления и актуализацией данных во всех бюро, чтобы впоследствии оспорить договор и избежать возврата средств. По данным на март 2025 года, некоторые МФО фиксировали до 200 таких случаев ежедневно, причем наиболее активной группой оказались мужчины в возрасте от 20 до 27 лет [8]. Но с учетом планируемого ускорения обмена информации между кредиторами и БКИ данный пробел должен быть устранен.

Возникает фундаментальный вопрос, не является ли такое регулирование чрезмерным вмешательством государства в частноправовые отношения. С одной стороны, самозапрет, безусловно, ограничивает принцип свободы договора согласно ст. 421 Гражданского кодекса России [4], устанавливая императивный запрет на заключение целого класса договоров. С другой стороны, данное ограничение носит добровольный характер и является следствием реализации гражданином своей правоспособности по собственному усмотрению.

Государство, создавая техническую возможность для такого самоограничения, фактически берет на себя роль гаранта новой «цифровой правоспособности». Продолжение этой политики прослежива-

ется в дальнейших планах законодателя, согласно которым МФО с 01.03.2026 г. обязаны использовать биометрическую идентификацию для оформления онлайн-займов [9].

Институт самозапрета является лишь начальным элементом формирующейся системы «цифрового финансового суверенитета» гражданина. В этой системе публичная власть предоставляет технические инструменты для реализации частных интересов в сфере безопасности. Однако такая модель порождает определенные риски. Среди них риск подмены личной ответственности и финансовой грамотности тотальной превентивной опекой, а также возникновение сложных вопросов о распределении ответственности при технических сбоях в государственных информационных системах.

Самозапрет на кредитование представляет собой явление, формирующееся на стыке частного и публичного права. С цивилистической точки зрения, это эффективный преддоговорной способ защиты, модифицирующий классические договорные конструкции. Вместе с тем его практическая реализация выявила существенные недочеты, выраженные в новых схемах злоупотребления правом.

Дальнейшее совершенствование механизма требует комплексного подхода, ориентированного на технологическое развитие инфраструктуры, формирование однозначной правоприменительной практики и законодательное закрепление распределения рисков. Параллельно необходимы меры по повышению финансовой грамотности населения. Такой комплексный подход позволит создать устойчивый баланс между защитой частной автономии воли, свободой договора и обоснованным публичным вмешательством в сфере потребительского кредитования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 26.02.2024 N31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — N10. — Ст. 1306.
2. Набиуллина рассказала, сколько россиян установили самозапрет на кредиты // РИА Новости. — 2026. — 28 января. — [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260128/nabiullina-2070734246.html> (дата обращения: 02.02.2026).
3. Указание Банка России от 27.06.2024 N6777-У «Об утверждении форм заявлений об установлении и о снятии запрета на заключение договоров потребительского кредита (займа), подаваемых гражданином через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, и порядка их заполнения»: [Электронный

ресурс]. — URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/4123> (дата обращения: 02.02.2026).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

5. Федеральный закон от 30.12.2004 N218-ФЗ «О кредитных историях» (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — N1. — Ст. 44.

6. Что будет, если кредитная или микрофинансовая организация заключит договор потребительского кредита (займа) с гражданином при наличии у него действующего самозапрета? [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. — URL: <https://cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/9698> (дата обращения: 02.02.2026).

7. Период охлаждения по кредитам и займам составит от 4 до 48 часов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. — 2025. — 11 февраля. — URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=23366> (дата обращения: 02.02.2026).

8. Банки пожаловались на злоупотребление самозапретом на выдачу кредитов // РБК. — 2025. — 10 марта. — URL: <https://www.rbc.ru/finances/10/03/2025/67ce92989a794741296b79b6> (дата обращения: 02.02.2026).

9. Федеральный закон от 01.04.2025 N41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 14. — Ст. 1574.

УДК 346.544.4

Уваркин К. А.,
магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В АТОМНОЙ СФЕРЕ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования государственных закупок в атомной сфере России, обусловленные приоритетом ядерной и радиационной безопасности и повышенными требованиями к надежности контрагентов, качеству продукции и контролю исполнения обязательств. Отмечено, что регулирование закупок носит многоуровневый характер: общие правила закреплены в Федеральных законах № 44 и № 223, тогда как значимая часть специальных требований формируется корпоративными актами отрасли, прежде всего Единым отраслевым стандартом закупок Госкорпорации «Росатом», а также режимом ограничения раскрытия информации о закупках по отдельным категориям товаров, работ и услуг. Обосновывается, что фрагментарность регулирования и необходимость согласования публично-правовых требований безопасности с гражданско-правовой конструкцией договора повышают риск споров, что подтверждается судебной практикой. В качестве меры совершенствования предлагается закрепить в упо-

мянутых федеральных законах специальное основание для изменения условий договора при регуляторно обусловленных обстоятельствах с обязательным порядком документирования.

Ключевые слова: государственные закупки; атомная отрасль; ядерная и радиационная безопасность; Госкорпорация «Росатом»; отраслевой стандарт закупок; раскрытие информации в ЕИС; изменение условий договора.

Uvarin K. A.,

Master's student

FGBOU VO «Saint Petersburg State University of Economics»

FEATURES OF GOVERNMENT PROCUREMENT IN THE RUSSIAN NUCLEAR SECTOR

Annotation. The article examines the specifics of the legal regulation of public procurement in the Russian nuclear sector, due to the priority of nuclear and radiation safety and increased requirements for the reliability of counterparties, product quality and control of fulfillment of obligations. It is noted that procurement regulation is multilevel in nature: the general rules are fixed in Federal Laws No. 44 and No. 223, while a significant part of the special requirements is formed by corporate acts of the industry, primarily the Unified Industry Procurement Standard of Rosatom State Corporation, as well as the regime for limiting the disclosure of information on purchases for certain categories of goods, works and services. It is proved that the fragmentation of regulation and the need to harmonize public law security requirements with the civil law structure of the contract increase the risk of disputes, which is confirmed by judicial practice. As an improvement measure, it is proposed to fix in the mentioned federal laws a special basis for changing the terms of the contract under regulatory circumstances with a mandatory procedure for documentation.

Keywords: public procurement; nuclear industry; nuclear and radiation safety; Rosatom State Corporation; industry procurement standard; disclosure of information in the Unified Information System; amendment of contract terms.

Правовое регулирование государственных закупок в атомной сфере России представляет интерес, так как процесс закупок здесь не только выражается в принятии решения о выборе наиболее привлекательного для предпринимательской деятельности поставщика, но и выступает одним из инструментов обеспечения ядерной и радиационной безопасности государства. В подтверждение этого Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» прямо закрепляет, что регулирование в этой области направлено на защиту жизни и здоровья людей и охрану окружающей среды, что неизбежно повышает требования к надежности подрядчиков, качеству оборудования и контролю исполнения обязательств. Следовательно, закупочные

процедуры в этой отрасли должны обеспечивать как экономию бюджетных средств, так и четкое формальное закрепление требований к продукции и работам в договорной документации, включая ответственность за несоответствие обязательным требованиям безопасности.

Вместе тем, источники регулирования закупок в атомной отрасли весьма разрознены, что отрицательно влияет на общий процесс обеспечения ядерной безопасности в Российской Федерации. Базовые правила логично закреплены в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и в Федеральном законе «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Специфичное же регулирование отдается на откуп корпоративным актам отрасли; прежде всего — это Единый отраслевой стандарт закупок Госкорпорации «Росатом», который содержит общие правила закупочной деятельности внутри госкорпорации.

Далее, действует специальный режим ограничения раскрытия информации: Распоряжением Правительства РФ «Об утверждении перечня товаров, работ, услуг в сфере использования атомной энергии, информация о закупке которых не подлежит размещению на официальном сайте единой информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» закреплен перечень товаров, работ и услуг в сфере использования атомной энергии, сведения о закупках которых не подлежат размещению в ЕИС, хотя и не относятся к государственной тайне, что наглядно демонстрирует политику государства, направленную на достижения баланса между прозрачностью закупок и требованиями безопасности [1, с. 57].

Существенная особенность регулирования закупок в атомной сфере связана и с тем, что их предмет почти всегда дополняется значительным комплексом обязательных требований безопасности и допуска. В отличие от большинства гражданских рынков, при реализации работ и услуг при обеспечении ядерной энергетики нельзя ограничиться описанием технических характеристик и цены. Закупочная документация и контрактные условия должны включать требования к наличию у подрядчика необходимых разрешений и допусков, к системе контроля качества и прослеживаемости оборудования, к процедурам испытаний и приемки, а также к распределению ответственности за несоответствие поставленного оборудования или

выполненных работ обязательным требованиям. Сюда можно причислить так же требования физической защиты, предусматривающие организационные и технические меры по предупреждению несанкционированного доступа и иных угроз, а также условия о прохождении процедур государственного учета и контроля ядерных материалов и радиоактивных веществ, что на практике трансформируется в обязательства подрядчика по соблюдению режимов доступа, постоянному ведению внутренней контрольно-технической документации, обеспечению сохранности и отчетности при реализации выполнения планов работ, поставки товаров, оказания услуг. Наконец, при закупках, связанных с транспортированием, применимы требования по обеспечению безопасности перевозки и распределению ответственности между участниками перевозочного процесса, что также должно быть корректно отражено в договорных условиях, поскольку нарушение таких требований может повлечь как гражданско-правовую, так и административную ответственность, а в отдельных случаях — и уголовно-правовые последствия [2, с. 263].

Таким образом, подготовка закупочной документации и проекта договора в атомной сфере представляет собой достаточно сложный процесс, поскольку требует одновременного учета норм закупочного законодательства, отраслевых требований безопасности, лицензионных условий и режимов контроля. Заказчик должен сформулировать систему обязательных требований и процедур подтверждения соответствия, опираясь на комплекс нормативных актов различной юридической силы, и обеспечить их внутреннюю согласованность. Исполнитель же — учесть все положения контракта и их исполнить, не нарушив тем самым нормы договора и радиационной и ядерной безопасности. Отдельное значение имеет корректное распределение рисков и обязанностей между участниками соглашения - жизненно необходимо осуществить фиксацию пределов ответственности и механизмов приемки, чтобы правовые последствия нарушений соотносились с фактическими действиями и бездействием каждой стороны и исключали привлечение к ответственности (которая может быть выражена в том числе и в уголовно-правовой форме) субъекта, который объективно не обладал возможностью предотвратить их.

Сложность закупочного процесса связана с необходимостью изучения значительного числа правовых источников, что, в особенности для исполнителя, является весьма трудоемкой задачей. Тезис хорошо

подтверждает практика по спорам, возникающим вокруг закупок организаций внутри атомной отрасли: суды вынуждены использовать нормы далеко не одного акта. Они действуют в режиме одновременного применения Федерального закона № 223, антимонопольного законодательства и отраслевых корпоративных регламентов. Часто спор возникает именно из-за того, что стороны не в силах правильно оценить, как уровни этих источников права соотносятся между собой и какие нормы первичны, а какие носят специальный характер. Наглядный пример — Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 305-ЭС20–24221 по делу № А40–312524/2019 (спор государственной корпорации «Росатом» с московским УФАС). В деле предметом разбирательства стали требования закупочной документации предварительного квалификационного отбора (страхование ответственности, финансовые показатели, критерии оценки). Инстанция вынуждена была толковать одновременно положения Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и отраслевого Стандарта закупок, включая правила о предварительном квалификационном отборе как самостоятельном этапе закупочной процедуры и об обязательности соответствия документации требованиям Стандарта и закупочной документации [3, с. 68].

Однако, при должной осмотрительности и подготовке в виде анализа существующей правовой документации, проблема может быть решена самими контрагентами. Для судебных инстанций решение конфликтных вопросов в атомной сфере представляется более сложным, но несмотря на фрагментарность нормативного регулирования, все же есть комплексные нормативные акты (в том числе Единый отраслевой Стандарт закупок Госкорпорации «Росатом»), которые позволяют оценить доводы сторон.

Более проблемным является вопрос соблюдения баланса между гражданско-правовой сущностью договора между контрагентами (автономия воли, диспозитивное регулирование, равный статус сторон) и публичными интересами, имеющими передовое значение в атомной сфере. Самое основное — заказчик и исполнитель регулярно сталкиваются с юридически сложным согласованием публично-правовых требований безопасности с гражданско-правовыми условиями контракта [4, с. 13].

Далее, следует подчеркнуть высокую долю объективных оснований для изменения объема работ, сроков и требований к результату уже после заключения договора, что существенно влияет на ресурсы исполнителя. В атомных проектах существенная часть условий зависит от регуляторных процедур (лицензирование, согласование проектной документации, результаты надзора и испытаний), а также от требований по качеству и возможности отследить этапы реализации работ или оказания услуг. В результате стандартные для закупочного права принципы «фиксированной цены» и «жесткого графика» часто вступают в конфликт с необходимостью доработок, дополнительных испытаний или замены оборудования [5, с. 16].

Такая сложность с правовой точки зрения дополняется и тем, что заказчик связан закупочной документацией и условиями договора, а исполнитель несет риск просрочки и неустоек, хотя часть задержек может быть обусловлена объективными регуляторными требованиями и процедурами, которые не контролируются исполнителем напрямую. Если стороны не заложили в договор корректный порядок внесения изменений и документирования причин отклонений, возрастает риск спора о квалификации работ как дополнительных и о правомерности оплаты, а также риск признания изменения условий нарушающим закупочные правила [1, с. 59].

Есть и еще одно выражение рассматриваемой проблемы. Особую нагрузку на стороны (преимущественно на исполнителя) составляют требования к режиму допуска и конфиденциальности, которые ограничивают участие субподрядчиков, порядок доступа на площадку, оборот технической документации и передачу информации. Этот элемент правового регулирования повышает риск несоответствия формальным условиям договора при фактически добросовестном исполнении: например, замена конкретного специалиста или субподрядчика без предусмотренной процедуры согласования может квалифицироваться как нарушение, даже если результат работ объективно соответствует требованиям. Для заказчика это тоже вызывает определенный риск в виде претензий контролирующих органов и внутреннего контроля. Исполнитель же может столкнуться с отказом в приемке работ и, как следствие, юридическими санкциями.

Для преодоления такого рода проблемы наиболее обоснованным представляется введение в Федеральный закон № 44 и Федеральный закон № 223 специальной нормы о допустимости изменения условий

договора, заключенного для нужд в сфере использования атомной энергии, при наступлении регуляторно обусловленных обстоятельств. Содержание такой нормы целесообразно сформулировать как закрытый перечень оснований для изменения сроков, объема работ и, при необходимости, цены, если корректировка прямо вызвана обязательными требованиями ядерной и радиационной безопасности, решениями либо предписаниями уполномоченного регулятора, результатами обязательных испытаний и контрольных процедур, без которых ввод объекта или оборудования в эксплуатацию невозможен.

Одновременно следует закрепить обязательный порядок документирования таких изменений: уведомление второй стороны, формирование пакета подтверждающих материалов (предписание, акт проверки, протокол испытаний, заключение о влиянии на безопасность), оформление дополнительного соглашения и отражение изменений в отчетности заказчика. Такое нововведение позволит снизить влияние коллизии в виде ситуаций, когда исполнение требует регуляторных доработок и повторных процедур, но действующие закупочные рамки затрудняют корректное юридическое оформление изменений, что в итоге провоцирует споры о неустойках, приемке и недопустимости договорных изменений при объективной необходимости их внесения.

Проведенный анализ показывает, что закупки в атомной сфере характеризуются повышенной нагрузкой с точки зрения документации из-за необходимости одновременно соблюдать общие режимы правового регулирования, отраслевые корпоративные стандарты и специальные требования безопасности, включая допуск, контроль качества и приемку, режимы физической защиты и учетно-контрольные процедуры. Фрагментарность источников и постоянная зависимость исполнения от регуляторных решений создают риски для обеих сторон: заказчик ограничен требованиями документации и контроля, а исполнитель несет ответственность за сроки и результат при наличии обстоятельств, не полностью зависящих от его воли. В этих условиях обоснованным представляется закрепление специального законного механизма изменения условий договора по регуляторно обусловленным основаниям при строгом порядке документирования, что позволило бы уменьшить конфликтность исполнения и повысить юридическую определенность в секторе, где цена ошибок выражается не только в финансовых рисках, но и в угрозах общественной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голуб И. А. Критерии отбора поставщиков в атомной отрасли // Компетентность.— 2023.— № 6.
2. Кулачинская А. Ю. Управление рисками при реализации закупочных процедур для строительства АЭС // Проблемы экономики и юридической практики.— 2022.— № 5.
3. Череповская Н. А. Внедрение системы закупок в государственные компании // Вестник РГЭУ РИНХ.— 2020.— № 1.
4. Грабовый П. Г. Управление организационно-технологическими (операционными) рисками российских подрядчиков при сооружении АЭС за рубежом // Недвижимость: экономика, управление.— 2019.— № 3.
5. Галковская В. Е. Направления развития системы закупок в ядерной энергетике как инструмент повышения конкурентоспособности ГК Росатом // Векторы благополучия: экономика и социум.— 2018.— № 2.

Научное издание

**ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник научных статей,
посвященный 75-летию со дня рождения
и 50-летию научно-педагогической деятельности
почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации, доктора юридических наук,
кандидата философских наук, профессора Георгия Генриховича Бернацкого

Под редакцией кандидата юридических наук, доцента Е. А. Агеевой

Компьютерная верстка Е. А. Типцовой

Подписано в печать 22.04.2026. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 18,0. Тираж 500 экз. Заказ 336.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ